

Сергей Самаров **«Заказ» невыполним**

Спецназ ГРУ –

<http://megabook.do.am>

Сергей Самаров **«Заказ» невыполним**

ПРОЛОГ

2002 год

Бронетранспортер с трудом одолевал подъем.

Склон горы был местами настолько крут, что казалось, преодолеть его вообще никакому транспорту не по силам. Тем не менее БТР упрямо взбирался в гору, придавливая тяжелыми колесами редкие кусты, покрывающие весь склон. Переезжая крупные камни, он неуклюже задирает одну сторону, но переваливался через преграду и двигался выше с тем же непоколебимым и тупым машинным упорством.

Новая автоматная очередь ударила коротко и звучно, и еще более звучно прозвенели три пули, задев лобовую броню башни бронетранспортера, ничуть не затормозив его движения. Следующая такая же короткая очередь была предназначена одному из передних колес, но пустотная резина тоже выдержала удары без проблем. Бронетранспортер упрямо лез и лез кверху, не боясь автоматов. И даже сам пошевелил крупнокалиберным пулеметом, словно отыскивая цель, но ее стрелок БТРа не видел, и потому пулемет молчал.

Больше автоматы не стреляли. И вообще, кроме тупого и тягучего звука двигателя БТРа, ничего слышно не было. Чуть в стороне так же взбирались в гору еще несколько бронетранспортеров. И по ним никто не стрелял. Война получалась странной...

* * *

Эмир Джамбулат Гарсиев был слишком велик ростом, чтобы хорошо прятаться. Ему еще и было трудно сгибать спину, чтобы за кустами скрываться – не так давно во время отступления с места засады на федеральной дороге мина разорвалась за спиной, и совсем бы не выжить эмиру, если бы не большой камень. Он осколки на себя принял как раз в том направлении, где они должны были в спину Джамбулату попасть. Но сам камень взрывной волной сорвало, и он ударил эмира в позвоночник. Джамаат своего эмира не бросил. Несли на сооруженных наскоро носилках. И сумели оторваться от преследования «волкодавов» из спецназа внутренних войск. Три дня Джамбулат отлеживался, и уже вторую неделю не мог наклониться. Контузия вроде бы небольшая, а надолго лишила эмира боеспособности. А тут, как назло, уже спецназ ГРУ обложил остатки джамаата со всех сторон...

Спецназовцы сами подставляться под выстрелы не хотели. Нашелся предатель, сообщивший, что все три гранатомета джамаата остались без зарядов, и потому их пришлось бросить в кустах на окраине села. Зачем таскать с собой бесполезную тяжесть, если стрелять нечем. А об этом в маленьком горном селе, в которое утром вошел спецназ, знали все. Кто-то удержать язык за зубами не сумел. И даже направление, которым повел своих бойцов эмир Гарсиев, показал. И потому, собрав уже данные разведки, окружали боевиков бронетранспортерами, которые ручной гранатой, как и автоматной очередью, не прошибешь.

Собирались без потерь обойтись, и, кажется, обходились...

Джамбулат лучше других знал, что отходить им в этот раз, можно сказать, некуда, а серьезный бой принимать сложно, потому что в живых осталось только шестеро, включая самого эмира и его сына-подростка. Правда, Таймасхан воевать начал с девяти лет, а к пятнадцати уже приобрел опыт испытанного бойца. А что касается умения стрелять из пистолетов сразу с двух рук и предельно точно, так Джамбулат не только в своем джамаате, он вообще никогда не видел ничего подобного. Казалось, что сын совсем не прицеливается, а пули летят не туда, куда их ствол направляет, а куда глаз и мысль Таймасхана покажут. И при этом стрелял удивительно быстро. Так что, Таймасхана, несмотря на то, что он вообще не носил с собой автомат, можно было считать полноценной боевой единицей, чего нельзя было сказать о самом эмире Джамбулате Гарсиеве, который после контузии знал только два положения – лежа, как бревно, или стоя, как телеграфный столб.

Тем не менее, воевать приходилось, и Джамбулат чувствовал, как крошатся у него зубы, когда он сжимал их от боли в спине при каждом, самом простейшем движении. У него хватило бы мужества встать прямо и так принять бой, а потом и смерть, чтобы избавиться от мучений, как может избавиться от них настоящий воин, не желающий больше отступать. Джамбулат не боялся смерти. Но это значило бы выдать местоположение остатков джамаата, поскольку все бойцы сконцентрировались возле своего эмира. И потому приходилось пригибаться и приседать, хотя и держа при этом корпус с максимально допустимой прямоотой.

Стрелять было бесполезно... Каждая очередь может выдать месторасположение джамаата. А толку никакого, потому что автоматная пуля бронетранспортер никогда не пробьет. Это понимали все, но нервы не у всех были одинаковые, и несколько очередей прозвучали даже тогда, когда стало ясно, что за бронетранспортерами не рассыпалась веером пехота.

Остатки джамаата отступали в сторону единственного спасительного прохода. Правда, он предполагал небольшой, но совершенно открытый подъем по крутой скале в местности, полностью простреливаемой, чтобы потом по скрытой от постороннего глаза расщелине выбраться на плато и двинуться к перевалу, за которым уже никто не сможет бойцов найти. Но короткий этот подъем, к несчастью, предстояло не пройти – там уклон горы градусов в семьдесят, не меньше – по нему необходимо было взбираться, отыскивая для рук и ног трещины в скалах, подтягиваться и медленно карабкаться. Если спецназовские БТРы уйдут в сторону – подняться можно. Никак не успеют они среагировать и подоспеть, чтобы расстрелять беглецов из пулеметов. Если не уйдут, то каждый, кто будет по скале поднимать, станет великолепной, как в учебном тире, мишенью.

Но для самого эмира Джамбулата Гарсиева спасения уже не существовало. Он просто физически был не в состоянии подняться по скале, чтобы дальше уйти в расщелину, хотя именно он привел к этому месту своих бойцов. И вел он их, зная, что сам подняться не сможет – спина не позволит. Но себе он отвел роль, достойную эмира – Джамбулат должен был прикрывать отход остальных. Прикрывать до конца, не допустить быстрого преследования, пока джамаат не пройдет через расщелину. Это он сделать мог...

* * *

– Я – «Казак»... – вышел в эфир капитан Судоплатов. – Вижу их... Они к расщелине направляются. Поджимайтесь туда с разных сторон, зажимайте, не дать никому уйти. Огонь на поражение, как только полезет первый...

Командир роты стоял внизу, в густых кустах у подошвы горы, где занял позицию с двумя взводами, рассыпавшимися редкой цепью, и в бинокль просматривал преследование джамаата Гарсиева. Снизу ему видно было лучше, чем из смотровых щелей бронетранспортеров. Он не хуже самих бандитов знал местность, потому что проводил здесь уже вторую операцию за достаточно короткий период, и ему было хорошо известно о

существовании прохода, но и о сложности подъема к расщелине тоже знал. Поэтому был уверен, что никто из бандитов уйти не сможет.

Уничтожение джамаата Гарсиева для капитана Судоплатова было делом чести, потому что месяц назад именно этот джамаат взорвал на горной дороге бронетранспортер с отделением солдат из роты капитана, а потом в коротком бою, перед тем, как отступить, уничтожил трех солдат и двоих ранил. И целый месяц Андрей Вячеславович собирал информацию о самом Джамбулате Гарсиеве и местах обитания его джамаата. Неделью назад чуть было не удалось накрыть бандитов в лесном урочище, но тогда получилось уничтожить только шестерых, а еще шестеро во главе с самим эмиром смогли уйти. Но теперь, прижатым к скалам и обессиленным преследованием, бандитам деться было некуда.

Судоплатов знал, что пленных в таких ситуациях лучше не брать, потому что эти пленные потом объявляются в новой банде. И потому приказ был категоричным: огонь вести на уничтожение...

– А если, товарищ капитан, не полезут? – спросил из одного из БТРов лейтенант Локтев.

– У них есть выбор?

– Есть... По кустам спуститься... Нам их видно будет, только если переедем...

– А я здесь для чего? И для чего я машины без прикрытия выпустил? Пусть спускаются... – согласился капитан Судоплатов.

– Здесь у нас крутизна сплошная. Мы развернуться не сможем... Будем разворачиваться, можем кувыркнуться... Почти наверняка кувыркнемся, мне механик говорит...

– Не надо, пожалуй... Будете задним ходом спускаться. До более пологого места...

– Есть, спускаться задним ходом.

– Но не сразу... Они могут рискнуть полезть под обстрелом. Джамбулат парень рискованный...

– Мы дождемся...

* * *

Рисковый парень эмир Джамбулат Гарсиев при любом раскладе дальнейших событий не видел для себя варианта, чтобы остаться в живых. Если все полезут в расщелину, как он им прикажет, ему туда дороги нет. Если все будут отступать перед спецназовским бронетранспортерам, то опять кем-то необходимо пожертвовать, чтобы отвлекать внимание и вызывать на себя огонь. Это даст возможность спастись другим. Джамбулат правильно рассчитал, что при крутизне склона бронетранспортеры, ползущие вверх, развернуться здесь не рискнут, иначе просто перевернутся и покатаются, теряя при переворачивании колеса. Значит, они будут спускаться на задней скорости. А это, естественно, означает и отсутствие обзора, и медленный спуск. Можно при этом уйти. Можно... Но кто-то должен будет задержать здесь, наверху, спецназовцев. Хотя бы на несколько минут. И этот кто-то – как сам эмир решил – самый малоподвижный, то есть, он сам.

Конечно, как опытный полевой командир, Джамбулат Гарсиев предполагал, что и внизу выставлен заслон, через который придется прорываться с боем. Это для него тем более недоступно. Прорыв – это передвижение сначала ползком, но предельно быстро, потом бегом, и опять – предельно быстро. С его контуженной спиной это невозможно.

И выход только один – вызвать огонь на себя и дать возможность оставшимся прорваться...

При этом Джамбулат вовсе не собирался выглядеть героем. Он просто рассуждал здраво и рационально, как всегда, с тех пор, как стал эмиром. Он всегда был хорошим эмиром, и знал это. О своих бойцах Джамбулат всегда заботился больше, чем о себе самом и о собственном сыне, и все в джамаате относились к эмиру с уважительным почтением и готовы были пойти за ним куда угодно, как не пошли бы за большинством эмиров бойцы

других джамаатов. И Джамбулат ценил такое отношение. И сейчас он намеревался поступить в полном соответствии со своими принципами.

Было ли ему жалко расставаться с жизнью? Сейчас он об этом не думал, но, бывало, думал раньше, сидя где-нибудь у небольшого потайного лесного костерка. Джамбулат пошел воевать за идеалы, которые когда-то были многообещающими. Но вскоре разочаровался. Но обратной дороги у эмира Гарсиева не было, и все последние годы он даже не знал, за что воюет. Те, кто войну начинал, обросли деньгами и связями и хорошо устроились где-то за границей. Его за границей никто не ждал, да и не хотел он никуда уходить со своей земли. Он очень устал от бесконечной войны, в которую втравил и собственного малолетнего сына. Иногда возникала мысль о том, чтобы в разгар боя встать в полный рост, и тогда вся усталость пройдет. И уже не будут мучить сомнения о смысле жизни и о бесцельно потраченных лучших ее годах. Только мысль о сыне, о том, что Таймасхан, хороший боец, но несколько не приспособленный к мирной жизни человек, останется совсем один, сдерживала Джамбулата.

Но теперь его уже и эта мысль сдержать не могла, потому что, вызывая огонь на себя, он спасал не только бойцов джамаата, но и собственного сына. А горец в пятнадцать лет уже взрослый человек, но сумеет за себя постоять. Да и друзья помогут ему не пропасть, не согнуться в небытие, не стать подлецом. В джамаате все относились к Таймасхану по-дружески. Нет, не бросят его... Не пропадет сын эмира, пока жив будет хотя бы один из бойцов джамаата...

Вместе с Таймасханом на прорыв пойдут четверо. Четверо – это сильная поддержка. И Джамбулат Гарсиев надеялся на своих бойцов...

* * *

– «Казак», я – «Разлив»... – сказал лейтенант Локтев. – Я не вижу их...

– Я – «Казак», – отозвался капитан Судоплатов, не отрываясь от бинокля. – Смешно признаться, но я их тоже потерял. Знаю, где вошли в кусты, знаю, где должны выйти, но не выходят, хотя должны были бы уже два раза успеть.

– Пора добывать бинокль с тепловизором, товарищ капитан... Мне в прошлом месяце чуть было не подвернулся, да младший сержант Васильченко перестарался – очередью вместе с бандитом весь бинокль покрошил. Что делать будем?

– Продолжать движение. Бронетранспортерам сходиться к месту подъема в расщелину. Я всем в карте точку обозначил. Больше им идти некуда... На всякий случай, правому и левому флангу занять позицию у подножия скал. Десантироваться и рассредоточиться. Остальным стягиваться к точке...

– Понял, товарищ капитан. Есть, продолжать движение.

– Ермаков! – уже прикрыв микрофон рукой, крикнул капитан в сторону.

– Я! – из кустов отозвался старший сержант Ермаков, один из снайперов роты.

– Пошарь через прицел... Не видишь их?

У снайпера была простейшая СВД¹, принципиально не имеющая другого прицела, кроме ПСО-1, а такой прицел способен лишь на просматривание инфракрасной цели в темноте и без помех в виде тумана, дыма, кустов и прочего. В принципе, это почти настоящий тепловизор, он может помочь, потому что инфракрасное свечение отдельными кусками можно уловить и через кусты. Пусть это будет и не определение цели, в которую можно произвести точный выстрел, но это все равно будет обнаружение противника. А капитану пока требовалось только это.

Снайпер долго что-то высматривал.

– Есть, товарищ капитан... – сказал наконец. – В тех же кустах, куда ушли.

¹ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

- Сколько человек?
- Мне трудно сказать. Они тесно сидят. Но я не думаю, чтобы там их батальон дожидался... Похоже, как было шестеро, так шестеро и осталось. По крайней мере, в стороне никто не светится. Я бы нашел, если что.
- Продолжай наблюдение, – приказал Судоплатов и убрал руку с микрофона. – «Разлив», слышишь? Я – «Казак»...
- Я – «Разлив». Слышу нормально.
- Там они, в кустах, полным составом. Продолжайте движение. Но фланговые машины – приказ прежний. Заблокируйте обе стороны... Прорыв может пойти в любую сторону.
- Лучше бы, на скалу полезли – высказал пожелание лейтенант.
- Лучше бы, – согласился капитан. – Еще лучше бы, если б друг друга перестреляли... Работаем! И не отвлекаемся на болтовню. И поторопитесь. Они уже недалеко от скалы. Можете издали не достать их, когда полезут... Ермаков!
- Я!
- Тебе скалу видно хорошо?
- Место подъема полностью простреливается. Можно без бронетехники обойтись.
- Нормально. Контролируй ситуацию.
- Есть, контролировать ситуацию. Они, кстати, уже пошли дальше.

* * *

Джамбулат Гарсиев нашел на склоне большое овальное углубление, в котором была достаточно высокая и широкая скала, прикрывавшая его от преследующих джамаат бронетранспортеров. И за скалой, спрятавшись, эмир с наслаждением выпрямился, позволяя своей измученной спине отдохнуть перед очередным рывком через кусты. Он поставил к камню стволом вверх автомат и помассировал позвоночник в районе поясницы, где оседала основная боль, сразу двумя руками. Когда сильно давишь на позвоночник и на крестец пальцами, боль из острой становится тупой и ноющей, долгой, но не такой стреляющей. Такая боль легче переносится и позволяет двигаться. И эмир давил пальцами что было силы. Такого массажа должно хватить минут на десять дальнейшего активного передвижения, не больше. Но десяти минут должно хватить, чтобы добраться до скалы, которую предстоит преодолеть бойцам. А бронетранспортеры не должны успеть, слишком крут для них подъем, слишком медленно они ползут. Конечно, пулеметы могут стрелять и издали, но прицельность огня совсем иная, нужной заградительной плотности не создается. Тем более, если стреляют в движении. А останавливаться бронетранспортеры не будут. Можно и нужно успеть уйти. А потом сам Джамбулат останется и не даст спецназовцам сразу броситься в преследование. Пусть расщелина и извилистая и не простреливается по всей длине, но быстрое преследование опасно. Хоть на какое-то время задержать спецназ он сумеет.

Джамаат остановился на короткий отдых рядом со скалой, бойцы присели на корточки. Ждали эмира, усиленно разминающего спину. Конечно, можно было бы попросить сына или кого-то из бойцов сделать массаж. Но это, во-первых, общая задержка и потеря времени, во-вторых, будет унижением мужского достоинства бойца, к которому с такой просьбой обратись. Массажист – это не воин. Массажист – это обслуживающий персонал. Так считал Джамбулат. И потому даже сына не просил о помощи.

– Эмир, – позвал Хамзат, самый возрастной и опытный из оставшихся в живых бойцов группы. – Послушайте сами...

Хамзат не сразу сказал, что хотел. Он дождался, когда Джамбулат самомассаж закончит и возьмет автомат в руки. Это врожденная деликатность, свойственная сильным людям. Сила не в грубости, как всегда учил эмир своего сына. Сила в уважении своей и чужой силы. Сдержанно уважать следует и друга, и врага, и тогда сам будешь сильным. Хамзат был сильным.

Джамбулат шагнул ближе, и для этого пришлось слегка пригнуться. Боль в спине

ощутилась сразу и заставила окаменеть лицо. Окаменеть, но не сморщиться, не изобразить гримасу.

– Что?

– Звуки... Двигатели... Отсюда все машины не видны, но они, мне кажется, приближаются. Со всех сторон идут сюда. Может, нас видят?

– Кусты густые... – в сомнении подсказал другой боец, Алхазур.

Алхазур, в отличие от Хамзата, всегда был слишком легкомысленен, больше надеялся на свою удачливость. А это когда-нибудь может подвести.

– Они могут знать проход? – спросил Джамбулат.

– Пару месяцев назад джамаат Аламкажаева здесь же расстреляли, – сказал Батырбек, еще один боец джамаата, только чуть постарше Таймасхана, прониливый разведчик.

– Я помню, – сказал эмир. – В каком месте их накрыли?

– Говорили, на склоне. Может быть, здесь же... Аламкажаев расщелину знал и всегда по ней ходил.

– Значит, если его накрыли здесь, и это были те самые спецназовцы, они про проход знают, – сделал вывод Гарсиев-старший.

– Все равно больше идти некуда, фланги они наверняка закрыли, – не по возрасту мудро рассудил Гарсиев-младший. – И обратную дорогу тоже. Нам иного пути не дано...

– Путь у нас всегда один – на небо, – заметил Хамзат. – Рано или поздно, но им пройти придется. Главное, чтобы в достойном виде перед Аллахом предстать...

И он посмотрел, как и полагается при упоминании имени Всевышнего, на восток. Не на село внизу, которое тоже на восточной стороне было расположено, а на восточное небо, чистое и ясное, радостно-весеннее.

Слова Хамзата, как никакие другие, задели Джамбулата Гарсиева, потому что полностью соответствовали его мыслям многих последних месяцев, а то и лет. Но разговаривать об этом эмир не захотел, потому что все чувства человека – это всегда дело настолько личное, что выносить его для общего обсуждения не хотелось. И потому он принял решение.

– Здесь звуки трудно разобрать – мы в яме. Поднимаемся до середины последних кустов. Там ориентируемся. Если БТРы идут в нашу сторону, значит, они знают о проходе и нацелены туда. Там и решение примем... Можем успеть в любом случае.

– Давайте торопиться. Мне надо еще подход к скале заминировать, – сказал Завгат, минер джамаата.

Но минирование ни к чему. Это знал только сам эмир, решивший остаться в прикрытии. Но он пока никому, даже сыну, о своих планах предпочитал не говорить.

* * *

Кусты были густыми, и через них пробираться было сложно. Одно утешало – высота зарослей, которая скрывала даже высокую фигуру Джамбулата и на заставляла его кланяться. Так, проламываясь и ломая ветви, а кое-где и клочки одежды оставляя, прошли больше половины оставшегося до скалы пути.

– Слушаем все, – скомандовал Джамбулат. – Замерли!..

В джамаате никогда не раздумывали, если слышали команду эмира. Если Джамбулат сказал «Замерли!», то необходимо замереть даже с поднятой для очередного шага ногой. И сразу стало слышно, как ветерок шелестит в кустах. Но сквозь этот негромкий говор ветерка отчетливо различался гул нескольких тяжелых двигателей бронетранспортеров. И уловить направление движения, сравнивая с тем, что было недавно, можно было без труда.

– К нам катят, – мрачно сказал Хамзат.

– Эх, сейчас бы «РПГ-7»... – мечтательно и с улыбкой протянул Алхазур.

Джамбулат безосновательных разговоров не поддерживал.

– Еще далеко... Медленно тянутся... Успеем проскочить до пулеметов.

– Тогда надо спешить, – поторопил Таймасхан.

– Идем, – согласился Гарсиев-старший. – Время не терять. Кто дойдет первым, других не ждет, сразу начинает подъем...

Двинулись быстро. И у самого Джамбулата вроде бы и спина начала болеть меньше, как часто случалось в критические моменты, когда организм умел мобилизовывать внутренние силы, чтобы с какой-то сложной задачей справиться. И даже мысль мелькнула: а не попробовать ли самому тоже подняться. И уйти вместе со всеми...

Но Джамбулат тут же себя одернул. Если минировать подход и подъем, на это слишком много времени уйдет, а сам минер в этом случае будет обречен. И поддержать огнем его будет некому. Значит, кто-то должен остаться, чтобы прикрыть отход остальных. Кому оставаться – решено было сразу и категорично. Значит, не стоит расслабляться и давать себе надежду.

Первым к скале вышел Алхазур. Он всегда был самым шустрым. Перед скалой оглянулся, поймал взгляд эмира и сразу начал подъем. Оглянулся и сам Джамбулат, прислушался. Бронетранспортеры, судя по звуку, заметно приблизились. Но еще, видимо, были вне пределов прямой видимости, потому что никак не отреагировали своими голосистыми пулеметами на начавшийся подъем первого бойца.

Боль в спине возобновилась. Поворот тела всегда был болезненным, потому что сдвигались позвонки, защемляя какой-то нерв. Так объяснял еще вчера фельдшер в селе. И назад Джамбулат поворачивался медленно и осторожно. Но, еще не повернувшись до конца, почувствовал, что случилась какая-то непоправимая беда. И только секунду спустя осознал, что услышал сквозь шум двигателей БТРов одиночный выстрел. Он мог бы и вообще не слышать его, если бы сам еще через секунду не осознал, что он этого выстрела ждал и должен был бы предвидеть его. Одиночный выстрел – это не автоматная очередь. Одиночными на войне стреляют снайперы... Спецназовцы, если знают о возможности выхода через скалу в расщелину, обязательно должны были посадить неподалеку снайпера, чтобы он контролировал всю скалу. Следовательно, бронетранспортеры приближаются, а уйти от них некуда. Джамаат припрет к стене...

Их всех, весь джамаат, то есть, его остатки, «поставили к стенке». Он должен был, он обязан был просчитать... Джамбулат всегда славился тем, что просчитывал все возможные ходы и выходы. А здесь, в самый критический момент, не предусмотрел обязательность участия в операции снайпера.

Джамбулат все же закончил поворот, хотя в голове совершенно не задержалась мысль о болях в спине. Он повернулся и успел захватить момент, когда сползал со скалы, все еще цепляясь за нее, болтун и балагур Алхазур. Он был в бронежилете. Дыру в бронежилете, прикрытом сверху «разгрузкой», было не видно. Пуля оставляет слишком маленькое входное отверстие, а если пробивает бронежилет, выходного отверстия вообще не остается, потому что, пробив первую стенку бронежилета и насквозь тело, она ударяется о вторую стенку того же бронежилета, и, срикошетив, возвращается обратно.

Алхазур сползал по стене, уже расставшись с жизнью, но пальцы его еще судорожно цеплялись за камень, где оставался кровавый след – кровь пошла горлом. Падение, которое успел захватить взгляд эмира, длилось от силы секунды три, но казалось медленным. Оно словно бы заняло целый нереальный час, который все, от эмира до простых бойцов и пятнадцатилетнего Таймасхана, молча смотрели на падающего Алхазура. Но первым опомнился, как ему и полагалось, эмир.

– Назад... Все назад, к кустам... Не выходить на открытое место. Снайпер лупит...

Джамбулат вовремя пресек естественное желание бойцов броситься к убитому, которому они ничем уже помочь не могли. Они все знали, что такое пуля снайпера, пробившая бронежилет. Без бронежилета получить такую пулю тоже удовольствие не великое, но пуля может и навывлет пройти, а такую рану легче заживить даже без операции, которую в полевых условиях сделать невозможно. Правда, когда несколько лет назад, в первую войну, сам Джамбулат получил пулевое ранение навывлет, для него специально

выкрали из Ставропольского края хирурга районной больницы и доставили в лес. Хирург спас его тогда, и Джамбулат приказал доставить его домой в целостности и сохранности, хотя многие этому противились, желая затребовать за хирурга выкуп. Но эмир знал, что такое благодарность, и не умел платить злом за добро. Приказ его выполнили, как выполняли все его приказы...

Алхазуру помочь уже было невозможно. Его сгубила собственная торопливость и привычка всегда лезть впереди других. Это его беда предупредила остальных. Скала в этом месте большая, трещин в ней много. Остальные тоже могли бы начать подъем. И снайпер так удачно поторопился, что никто больше из кустов не вышел. Иначе жертв могло бы быть больше. Но сейчас, когда все так закончилось, следовало думать о том, что дальше предпринимать, потому что сидеть и ждать – похоже на самоубийство.

– Все ко мне...

Бойцы и так были неподалеку, команда, скорее, требовала внимательного отношения к словам командира. На это все среагировали одинаково.

– Что делать будем?

– У нас разве есть выбор? – вопросом на вопрос ответил Хамзат.

Раньше, даже в самой тяжелой обстановке, он не позволил бы себе так разговаривать с эмиром. Сейчас даже стальные нервы Хамзата не выдержали. Будь сейчас самый трудный бой, никто не нервничал бы. Настоящие бойцы никогда не нервничают в бою. И даже начинающие во время боя успокаиваются. Нервничают всегда в ожидании боя. Тем более, если ожидание вот такое, когда на глазах гибнет твой товарищ, молодой парень, с которым много лет уже живешь рядом, греешься у одного костра и переживаешь общие опасности.

– Есть выбор, – жестко и твердо ответил эмир. – У нас целых три варианта. Идти направо вдоль скал, идти налево вдоль скал и спускаться через те же кусты навстречу бронетранспортерам, но не показываясь никому на глаза. Сразу говорю, что во всех трех вариантах впереди бой и прорыв. Но в первых двух нас, кроме пехоты, встретят бронетранспортеры с пулеметами, а в третьем только живая цепь, и не слишком, я полагаю, плотная. Что вы выберете?

– Вы – наш эмир, вам и решать, – сказал Завгат.

– Решать вам, – сказал Джамбулат. – В прорыв пойдете без меня...

– А ты как же? – Таймасхан от удивления попытался было встать, но Хамзат вовремя положил руку на плечо мальчишке.

– Просто... Все предельно просто... Если я пойду с вами, я вас только задержу. Вы не сумеете пройти из-за того, что я не могу бегать и ползать. Я – только помеха в прорыве. И вы не захотите бросить своего эмира. В результате погибнуть могут все, а это меня совсем не устраивает. Надеюсь, не устраивает и вас. Но я могу оказать помощь здесь. Я здесь завяжу бой и отвлеку на себя внимание.

– Я остаюсь с тобой, – сразу и категорично заявил Таймасхан.

– Это исключено. Ты будешь мне только мешать. И нет тогда смысла мне бой завязывать. Я остаюсь один. Только один. Это приказ, а приказы, мальчик, следует выполнять...

Джамбулат сказал это предельно жестко. Он хорошо знал своего сына. Таймасхана невозможно было уговорить. Но приказа мальчишка не посмел быслушаться. Так и получилось. Сын покорно опустил голову.

– Итак, я остаюсь здесь и принимаю бой, отвлекая на себя внимание, – просто и серьезно, как обычно говорил, когда отдавал команду, распорядился эмир и сейчас. – У вас в группе старшим назначаю Хамзата. Остальные выполняют его команды, как мои. А Хамзат уже решает, в какую сторону вы пойдете. Я бы порекомендовал возвратиться в сторону села. Против бронетранспортеров идти гораздо сложнее. Простую цепь прорвать реальнее. Потом внизу, за спиной у спецназа, можно будет уйти по берегу реки. У них нет причины выставлять там пост, и дорога должна быть свободна. До леса всего пара километров. Долина реки извилиста и далеко не простреливается. Возможность прорваться есть...

– Мы пойдем вниз, эмир, – согласился Хамзат.

– Отец... – поднял голову Таймасхан.

В глазах у мальчика были слезы, но никто не решился бы осудить его за это.

– Идите, – сказал эмир. – Мой сын сейчас догонит вас... Он пойдет замыкающим и прикроет вас с тыла...

Хамзат, Батырбек и Завгат понимали, что отцу с сыном надо проститься, и лучше делать это без посторонних. Они по очереди пожали Джамбулату руку и один за другим, пользуясь тем, что кусты в этом месте не заставляют их пригибаться, быстро двинулись вниз по склону.

– Осторожнее – в спины им сказал эмир. – У снайпера может быть винтовка с инфракрасным прицелом.

Он не стал расшифровывать – что это такое. Все и без него знали, что в этом случае кусты бывают плохой защитой.

– Отец... – повторил Таймасхан, шагая к эмиру.

– Так надо, сын. Тебе я могу завещать только нашу фамилию, которую ничем не посрамил, и надеюсь, что ты будешь носить ее с достоинством. Будь честным перед собой – это все, что я могу тебе сказать.

Таймасхан ростом был почти с отца и стоял перед ним, не зная, куда деть руки.

– Иди, догоняй, – поторопил Джамбулат сына.

– Я хотел бы остаться с тобой...

– Ты прикрываешь группу с тыла.

– От кого их прикрывать?

– Любой из бронетранспортеров может высадить десант. И твоих товарищей расстреляют в спины. Иди...

Таймасхан опустил голову, но отец подтолкнул его в плечо, и мальчик пошел.

– Не забывай об осторожности. Иначе никто не прикроет группу, – теперь уже в спину ему сказал эмир. Я не смог стать победителем, ты им станешь...

Это прозвучало, как завещание, и заставило Таймасхана снова обернуться.

– Иди, – отец торопил мальчишку...

* * *

Таймасхан плохо представлял себе, что такое родительская ласка. Он вырос без давно умершей матери, только с отцом, человеком справедливым, но суровым и не склонным даже по голове ребенка погладить. Такая же сдержанность передалась по наследству и самому Таймасхану и, даже после того, как Хамзат, Батырбек и Завгат пожали отцу руку, сын повторить это же не решился. Но, не зная ласки, не чувствовал себя чем-то ущемленным, потому что сам в ней потребности не чувствовал, да и на отца стремился походить всем, даже суровостью и сдержанностью. И справедливостью, потому что бойцы джамаата не раз говорили Таймасхану, что не встречали еще такого справедливого и честного эмира, как Джамбулат. И сын отцом гордился, хотя тот ничем не выделял его среди других, но спрашивал строже и требовал больше.

Он гордился им и сейчас, оставив его одного там, куда с разных сторон стягивались по склону бронетранспортеры. Не видя, что происходит за его спиной, не зная, что задумал отец, Таймасхан словно бы читал его мысли и понимал, что Гарсиев-старший не настолько прост, чтобы остаться на открытом месте и оттуда встречать очередями бронетранспортеры, которые его пуль даже не заметят. Отец обязательно выберет наилучшую из возможных позиций, как он один во всем джамаате умел выбирать. Потом на этой позиции, обязательно скрытной, дождетя, когда бронетранспортеры съедутся в одной какой-то точке. Эмир, конечно, эту точку просчитает. А когда бронетранспортеры останутся рядом, спецназовцы непременно пожелают обменяться мнением обо всем происходящем. И покинут защищающую их броню. Вот тогда, когда они вместе соберутся, отец и начнет стрелять. Он

умеет выпускать очередь за очередью очень быстро, почти без перерыва. И каждая короткая очередь будет нести одну или даже несколько смертей.

Так думал Таймасхан, гордясь поступком отца, оставшегося за его спиной, сам спускаясь по склону и пригибаясь за кустами, которые стали значительно ниже тех, что скрывали остатки джамаата в начале пути. И при этом Таймасхан не забывал смотреть по сторонам. Отец правильно сказал, что бронетранспортер может высадить спецназовцев, которые зайдут со спины идущим на прорыв бойцам, и смогут без затей расстрелять их. Подстраховка в этом случае обязательна.

Таймасхан страховал, держа в каждой руке по автоматической «беретте», хотя обычно никогда не стрелял из своих пистолетов в таком режиме. Просто «беретта» ему нравилась максимальной скорострельностью даже при стрельбе одиночными выстрелами. И Таймасхан, пятнадцатилетний боец, готов был стрелять с любой руки в противника, как только тот покажется на глаза. Но противника пока видно не было...

* * *

Наверное, Хамзат, Батырбек и Завгат шли быстрее, потому что они были уверены, что Таймасхан их прикроет. А он и к флангам присматривался, и себе за спину тоже посматривал, а еще ждал, что где-то там, на самом верху, раздастся звук автоматных очередей. И Гарсиев-младший никак не мог догнать товарищей, даже взглядом их отыскать не мог. И только у самой подошвы горы ему пришлось поторопиться, потому что услышал, как внизу взорвалась граната, за ней вторая и третья, потом раздались, как Таймасхан и предполагал, сначала несколько коротких очередей вверх – отец начал бой, и на эти короткие очереди ответили сразу несколько автоматов и два пулемета, и тут же заговорили автоматы внизу, а две гранаты разорвались одна за другой.

Таймасхан побежал на эти взрывы, но опоздал на какие-то, наверное, десять – пятнадцать секунд. Но, выскакивая из кустов, сразу увидел, что четверо солдат-спецназовцев стоят перед двумя разорванными их очередями и осколками гранат телами, а еще двое стреляют с колена, и там кто-то убегает, петляя, чтобы затруднить прицеливание. Этот «кто-то» узнался сразу – Хамзат сумел прорваться.

Мальчишка находился от спецназовцев метрах в двадцати. Они его увидели, увидели, что автомата у него в руках нет, а пистолета всерьез не восприняли, и потому сами оружие поднимать не слишком торопились. Они просто не могли предположить, что умеет Таймасхан делать этими пистолетами. А он стрелял на бегу с вытянутых рук прицельно в голову, потому что пуля «беретты» слишком слаба, чтобы пробить армейский бронежилет. Стрелял быстро и точно, и прежде, чем солдаты сумели поднять оружие, Таймасхан уже очистил себе дорогу. Но он даже не остановился, чтобы лучше прицелиться. Он сразу увидел, как упал под пулями Хамзат, и как двое солдат поворачиваются в его сторону. Новые выстрелы и этих солдат бросили на землю. И опять пули попали в головы. Дорога была свободна полностью, но Таймасхан все же задержался около распростертых на земле Батырбека и Завгата, но товарищи не подавали признаков жизни.

Пули взбили фонтанчики земли рядом с ногами. Стреляли издали с фланга. И Таймасхан не стал ждать. Он прыгнул с места и побежал той же дорогой, что и Хамзат, и скоро оказался рядом. Хамзат был жив, он даже сесть пытался, но кровь обильно хлестала из простреленной ноги.

– Идти можешь? – задыхаясь, спросил мальчишка.

– Перевязать бы... – в руках Хамзата уже был перевязочный пакет. – Артерию не задело.

Таймасхан отложил пистолеты и перехватил этот пакет. Перевязку делал поверх штанины. Потом помог старшему товарищу встать.

– Завгат, Батырбек?... – спросил Хамзат.

– Убиты...

Хамзат сделал три шага и замер.

– Нет... Не дойду... Ты беги. Я задержу их...

– Руку на плечо клади, – не слушая его, сказал Таймасхан. – Тут до кустов совсем ничего осталось. Бежим...

Хамзат не сумел отказаться. Стрелять по беглецам начали только тогда, когда они уже достигли кустов, за которыми начинался спуск к реке. Пули со свистом срезали несколько веток. Но, отпустив Хамзата, Таймасхан остановился и обернулся, посмотрел на верхние скалы. Там уже не стреляли...

* * *

– Мне не уйти, – сказал Хамзат. – Догонят... Иди один...

Они остановились на берегу реки, когда уже миновали расположенное на другом берегу село. И миновали два поворота русла, а потому были невидимы для преследователей, но и самих преследователей не видели и не знали, насколько им необходимо торопиться и можно ли останавливаться на краткосрочный отдых.

Таймасхан осмотрелся.

– Вдоль реки – догонят, – согласился он.

– Тебя не догонят. У тебя ноги быстрые. А я прикрою, как твой отец нас прикрывал...

– Отец когда-то говорил, что волки погибают в одиночестве, – заметил мальчишка. – Попробуем реку перейти. Здесь единственное место, где это возможно.

– Течение сильное. Мне на ногах не устоять, – здраво оценил Хамзат свое состояние.

– На трех ногах устоим. Будем пробовать. Выше или ниже – не перейти, здесь – можно...

Мальчишка распорядился, как эмир. Он умел принимать решения. Это, наверное, было у него в крови. И умел не отступать перед трудностями. Хамзат головой покачал, но отказаться от возможности остаться в живых не решился. А Таймасхан уже вошел в воду по колено. Вода была ледяной, сразу стягивала мышцы еще не судорогой, но чем-то напоминающем судорогу. Но и это его не останавливало.

– А по тому берегу не догонят? – спросил Хамзат.

– В село пойдем. К фельдшеру... Скоро стемнеет... Он спрячет... И вылечит... Он друг отца...

– Идем, – решил Хамзат.

Течение не просто старалось с ног сбить, а не давало даже ногу прочно поставить. И потому переходили реку медленно, стараясь не оступиться на скользких донных камнях. Но уже ближе к другому берегу, где вода доставала почти до груди, течение все же сбilo с ног не Хамзата, который с трудом ступал, а Таймасхана, который поскользнулся и занял неустойчивое положение, чтобы не упасть. Хамзат один удержаться тоже не смог. Но, такое злобное, когда чувствует сопротивление, течение оказалось спасительным, когда отдаешься на его волю, и уже через пять секунд оно выбросило обоих беглецов на каменистый берег. Правда, Хамзат во время плавания потерял автомат. Много лет не выпускавший из рук оружия, он теперь не знал, куда ему руки девать – опустевшие без автомата руки сильно мешали...

– Выбрались... Давай быстрее в кусты... Там пересидим...

В кусты они спрятались вовремя. Только смогли едва-едва дыхание перевести, как на берегу показалась погоня. Спецназовцев было не меньше взвода, и вели их лейтенант и капитан. Но двигалось преследование не слишком быстро, потому что видели на камнях капли крови, понимали, что гонятся за раненым, которому идти трудно, а потому ожидали засады. Спецназ любит сам работать из засады, но не любит в нее попадать.

Таймасхан с другого берега чуть ли из кустов не высунулся, всматриваясь в лицо капитана и стараясь хорошо запомнить человека, который победил его отца. Он знал уже, что жизни не пожалеет, чтобы с этим капитаном встретиться еще раз. Встретиться, чтобы

победить победителя. Но для этого еще следует выбрать подходящий момент. Что такое спецназ ГРУ Таймасхан, несмотря на молодые годы, знал хорошо...

* * *

Когда капитану Судоплатову командир взвода старший лейтенант Воблотаев сообщил о шестерых убитых, тот не хотел поверить.

– Ты что, ждал, когда парней расстреляют? Ты их безоружными в заграждение выставил? Сколько человек прорывалось?

Сам капитан вместе с другим взводом занимал позицию по ту сторону каменной гряды, разделяющей проход к селу на два коридора, стрельбу и взрывы слышал, но преодоление гряды требовало времени, и подоспел он слишком поздно.

– Четверо, товарищ капитан, – Воблотаев вину свою чувствовал и отвечал тихо. – Мы их в другом месте ждали, на самом удобном для прорыва месте, где овраги идут, там основные силы сконцентрировали. А они через равнину по кустам пошли. На этом участке только шестеро и было. Не смогли удержать...

– Четверо против шестерых... Один солдат обязан был их всех четверых уничтожить.

– Один из четверых бандитов уничтожил всех шестерых... Когда стрельба и взрывы пошли, мы сдвинулись туда, но тоже не сразу, потому что посчитали это отвлекающим маневром. А когда все же сдвинулись, уже было поздно. Наш фланговый с высоты все видел, успел дать очередь с дальней дистанции, но слишком далеко сидел – не попал...

– Что там было? Как такое случилось?

– Сначала трое прорывалось. Просто из кустов выскочили, бросили по гранате на позицию. Наши среагировали, залегли. Один бандит успел проскочить, двоих сначала ранили, остановили, потом, чтобы не возиться, накрыли парой гранат. Четверо к ним подошли, двое обстреливали прорвавшегося. И в этот момент из кустов еще один выскочил. Без автомата. Стрелял из пистолетов с двух рук на бегу. Сразу прицельно в голову. Каждый выстрел – попадание. Никто даже автомата поднять не успел. Этот пистолетчик прорвался, перевязал раненого, что до него прорвался – мы перевязочный пакет и лужу крови внизу нашли, и вместе они к реке двинулись. Догоним...

– Оставайся на месте. Встречай БТРы... Румянцев, со взводом, за мной.

– Есть, товарищ капитан...

Командир взвода лейтенант Румянцев отдал команду солдатам. Строй при этом соблюдался только в самом начале, когда еще не выдвинули вперед двух бойцов с ручными пулеметами и две группы по три автоматчика по флангам. А когда вышли на берег, весь строй вообще рассеялся, поскольку капитан дал команду:

– Идем цепью, искать следы... Внимательность предельная, стрелять на поражение!..

На первом полукилометре берега несколько раз были обнаружены капли крови на камнях. Дальше не было ни следов, ни капель. Дойдя до леса и углубившись только на опушку, еще поискали следы, потому что там была мягкая, недавно оттаявшая земля, которую невозможно было пройти, следов не оставив. Но даже самый тщательный осмотр ничего не дал. Бандиты прорвались и потерялись...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2009 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Высокий красивый человек восточной наружности в задумчивости сидел в кресле у журнального столика, вытянув перед собой ноги. На столике на медном чеканенном и украшенном цветной глазурью подносе, изделия индийских ремесленников, стояли заварочный чайник и чайная чашка, но к напитку человек не притрагивался.

Из задумчивости его вывел телефонный звонок. Пришлось встать и пройти к письменному столу, на котором стоял аппарат.

– Слушаю...

– Здравствуй, Далгат, – сказали по-чеченски.

Он сразу узнал голос, и от этого голоса, спокойного, властного и требовательного одновременно Далгат поморщился, как от зубной боли.

– Здравствуйте, Гилани Гирмасолатович.

– Я тебе уже третий раз звоню. Ты что, прачешься от меня?

– Что вы, Гилани Гирмасолатович, я просто только что вернулся домой. У меня тут проблемы с заводом. Приходится решать силовым способом.

– Я тебя просил, хотя бы силовым способом, решить мою проблему.

– Мы не нашли этого человека. На нас он никак не выходил, никто его не знает. Вы уверены, что он в нашем городе?

– Абсолютно уверен.

– Город большой. Больше миллиона жителей...

– Но чеченцев не так и много, и они обычно друг друга знают.

– Я на это и рассчитывал. Но никто этого парня не видел, никто не слышал про него...

– Странно... Может, лег на дно?... Тогда должен засветиться его помощник. Некий Хамзат Хайдарбеков. Поищи такого. Мужик серьезный и уважаемый. Но надавить следует точно так же. Они должны оказаться в розыске, должны бежать из города...

– А это уже проще, вы бы сразу про Хамзата сказали. Он ко мне заходит. Правда, человек с претензией, но я его хотел на место поставить. И даже уже планы имел, как это сделать. Может быть, дело уже пошло. Я спрошу у своих парней. Вполне вероятно, что уже пошло. Вчера, кстати, Хамзат заходил, но меня не было, и сегодня, думаю, зайти должен.

– Пока сильно не дави... Отследи... Он обязательно должен иметь контакт с Таймасханом. Через него можно на Таймасхана выйти. Как только найдешь, организуй подставу и вытщи их. А дальше уже будет мое дело. Я их заберу, потому что они обычно работают в паре...

– Я сделаю, – пообещал Далгат.

– Я надеюсь, – теперь в голосе Гилани Гирмасолатовича прозвучали уже угрожающие нотки. А это уже было серьезно. – И надеюсь, что сделаешь быстро...

– Впереди два выходных. Но если Хамзат сегодня зайдет, я «запущу машину». Они никуда не денутся.

– Сразу мне позвони.

– Обязательно.

– А то, как что-то нужно, ты по три раза в день звонишь. Как мне такая мелочь понадобилась, тебя не сыскать. Я не люблю таких отношений...

– Я позвоню, – твердо пообещал Далгат.

* * *

Таймасхана разбудил звонок в дверь.

Он лег поздно, засидевшись перед телевизором, и хотя не любил много спать, все же не встал утром просто потому, что дел никаких на это воскресенье не предвиделось. Недоумевая, кто мог прийти, натянул спортивные штаны, сунул ноги в тапочки и, позевывая, двинулся к двери. Выросший в лесах и горах, рядом с кострами, к которым никакие двери не ведут, он даже дверь не всегда закрывал на ключ и не понимал городских жителей – зачем закрывать двери? И уж тем более Таймасхан не имел привычки в дверной глазок заглядывать

прежде, чем дверь откроет. И потому сначала просто дернул на себя дверную ручку, но, убедившись, что ключ в замке, все же повернул его в обратную сторону. И едва успел отскочить, потому что дверь распахнулась от удара снаружи.

Первое, что Таймасхан увидел заспанными глазами, это два пистолетных ствола, что смотрели ему в живот. И только потом заметил, что за порогом стоят менты. Трое ментов и человек в штатском. Этот, в штатском, отстранил ментов, держащих наготове пистолеты, и первым переступил порог.

– Принимай, парень, гостей... Где твой друг?

Таймасхан равнодушно зевнул. Стволами его не напугаешь. С ментами дел иметь не хотелось, но, раз уж пришли, ничего не подделаешь. Но ищут они, судя по всему, не его, а Хамзата. И не знают, где искать, если пришли сюда...

– Друг? Какой из моих друзей? У меня друзей много, – сказал Таймасхан.

Человек в штатском кивнул ментам, и двое, сержанты, не опустив пистолетов, ринулись в квартиру. Она была маленькая, однокомнатная, осмотреть ее и убедиться, что Таймасхан один, была недолго. Третий мент, капитан, вошел последним, потянул носом в сторону кухни и поморщился. С кухни так приятно пахло кислым овечьим сыром, но менту этот запах явно не понравился. Таймасхан уже знал, что этот запах, напоминающий ему горы и родные леса, здесь, в середине России, мало кому нравится. Но это их проблемы, под кого-то подстраиваться Таймасхан не хотел.

– Хамзат где? – грубо спросил, почти выкрикнул, человек в штатском.

Сразу привлекло внимание, что Хамзата называли не по имени и фамилии, а только по имени. Так зовут обычно хороших знакомых. Но Хамзат среди чеченцев имя распространенное, русскому менту следовало бы назвать и фамилию. И это сразу вызвало какое-то недоверие.

– А почему он должен быть здесь? Он здесь был только один раз вчера, но больше не приходил...

Хамзат жил на своей съемной квартире, вернее, даже не на квартире, а в небольшом домике в частном секторе, а Таймасхан снял эту квартиру. И Хамзат заходил сюда всего один раз, вчера, перед тем, как отправиться на очередной разговор с Далгатом. Правда, сам Таймасхан бывал в домике у Хамзата часто, но это ментам знать вовсе не обязательно.

– Так он не здесь живет?

– Он здесь никогда не жил...

– А что он здесь делал?

Пауза затянулась.

– Это что, допрос? – спросил, наконец, Таймасхан.

– Пока только беседа. Но я предупреждаю, что только – пока... И так?...

– Что?

– Что здесь делал Хамзат?

– Услышал, что я в городе, узнал адрес, зашел проведать. Он старый и добрый друг моего покойного отца.

– И все?

– И все... Хамзат даже не знал, что отца уже не стало.

– А кто был твой покойный отец, позволь полюбопытствовать...

– Он был полевым командиром, эмиром джамаата. Его убили, когда мне пятнадцать лет было. В две тысячи втором.

Человек в штатском ненадолго задумался, потом вытащил трубку дорогого «мобильника» с сенсорной клавиатурой и позвонил кому-то. Ответили почти сразу.

– Это Алексей... Слышишь, дело какое... Что ты меня сюда прислал? Парень говорит, что Хамзат просто старый друг его погибшего отца, зашел проведать. Только вчера. Больше здесь не был, – человек в штатском огляделся. – И я вообще вижу, что в квартире живет один человек...

Услышать полностью ответ человека, говорившего с Алексеем, было невозможно. Но

все же трубка была дорогая и хорошая, и отдельные слова, и даже фразы Таймасхан сумел уловить. И понял, кажется, многое.

– Как тебя зовут? Паспорт давай... – не убирая трубку от уха, грубо потребовал человек в штатском.

Паспорт был в куртке, висевшей не на вешалке, а на спинке стула. Достать паспорт недолго. Человек в штатском сам раскрыл его на нужной странице и прочитал:

– Гарсиев Таймасхан Джамбулатович... Тебе это что-то говорит?

Алексею опять отвечали долго. И слышался явный чеченский акцент во многих словах, что удалось услышать.

– Я понял. Ладно, сделаем... Нет, это ты уже своими силами... Нам на улице светиться нельзя. Там слишком много посторонних. Вот и хорошо, только поторопись.

Человек в штатском убрал трубку в кожаный чехол, потом бережно положил в нагрудный карман пиджака.

– Поехали с нами, – сказал Таймасхану и отвернулся, приоткрыл дверцу шкафа и заглянул внутрь. – И быстро, нам некогда... Ты, кстати, чем занимаешься у нас?

– Тренером работаю. В спортивном клубе.

– Кого тренируешь?

– Кто платит...

– Вид спорта?

– Карате киоку-синкай.

– Ладно, поехали, каратист...

– Что, так в кальсонах я и поеду? – спросил Таймасхан с насмешкой.

– Это не кальсоны, насколько я понимаю, а спортивные штаны. Или теперь кальсоны с лампасами выпускают? – съязвил Алексей. – До чего мода опаскудилась...

– Давай-давай, собирайся быстрее, – поторопил и капитан. – Я после ночного дежурства уже засыпаю... – И он демонстративно широко зевнул, показывая полный рот гнилых зубов.

– Мы тоже после ночи, – добавил один из сержантов, но зевать не стал.

Таймасхан никогда не был ярым ваххабитом, носил трусы², поэтому не постеснялся снять спортивные штаны и одеть джинсы. Потом принес из коридора, под неусыпным надзором двух сержантов, берцы и стал с удовольствием аккуратно зашнуровывать. После этого одел куртку и протянул руку к человеку в штатском.

– Паспорт...

– Потом, – Алексей сунул паспорт в карман.

– Я готов, – с улыбкой сказал Таймасхан. – А вы готовы?

– К чему? – словно почувствовав недоброе, спросил капитан.

– Вот к этому...

Человек в штатском, повернувшийся в этот момент к Таймасхану спиной, получил удар основанием ладони в затылок и сразу ткнулся лицом в дверцу шкафа, в бессознательном состоянии сполз на пол, размазывая по дверце кровь из разбитого носа. Капитану удар достался более тяжелый – с разворотом на триста шестьдесят градусов каблуком в голову. Таймасхан готов был поклясться при этом, что звучно затрещал вовсе не каблук. Два сержанта стояли чуть в стороне, у выхода из комнаты, и уже тянули руки к кобурам. Доставать их следовало быстрее. И потому первый упал после левого лоу-кика³, получил мимоходом удар каблуком в лицо, что заставило сержанта поднять к лицу руки и забыть на время про пистолет. А второй сержант, прижатый к стене, получил с разбегу боковой удар

² Ваххабитам вера запрещает носить трусы.

³ Удар подъемом стопы сбоку в коленный сустав. Как правило, после такого удара человек минут сорок не может стоять на ноге.

локтем в челюсть, дополненный соприкосновением затылка со стеной. Оставалось только к первому сержанту вернуться и отключить его верхним ударом локтем в брегму⁴. Дело сделано. Забрав свой паспорт, на всякий случай, Таймасхан собрал у всех четверых трубки «мобильников» и, естественно, не оставил им оружия. Пистолетов оказалось всего три, у капитана оружия не было, но все три пистолета были с запасными обоймами. И хотя «макаров» не шел в сравнение с привычными «береттами», Таймасхан удовлетворился и этим.

Быстро собрав в дорожную сумку свои вещи, которых у него было немного, он хотел было уже выйти, когда вспомнил, что видел в руке одного из сержантов брелок с ключами. Наклонился, прощупал карман, нашел. Все правильно. Ключи от машины и брелок с сигнализацией. В это время человек в штатском зашевелился и попытался сесть.

Таймасхан шагнул к нему, носком тяжелого ботинка несильно качнул подбородок, чтобы привлечь внимание. Алексей поднял ничего не понимающие глаза.

– Слышишь, Леха, я тебя о чем попрошу... – присел перед ним Таймасхан.

– Ну... – сказал человек в штатском и предплечьем размазал по лицу кровь.

– Передай Далгату, что он слишком мелкая сошка, и не стоит ему нос задиравать. Кто нос высоко задирает, сильно бьется им о землю... Ты понял меня? Сильно бьется носом о землю после того, как получает в лоб пулю... Слово в слово передай, чтобы ошибки не было.

– Понял, – угрюмо сказал человек в штатском. – Я передам. Только сдастся мне, он тебя уроет...

– Я не таких урывал... При первом суетливом движении он может смело заказывать себе могилу. Так и скажи...

– Скажу с удовольствием. И буду тебе благодарен, если ты его уроешь... А потом я тебя. Я такого не прощаю... Трубку отдай! Это подарок дочери.

– Когда меня урывать будешь, тогда и заберешь, – ответ прозвучал спокойно и убедительно. – Я ее, по твоей просьбе, сберегу... До встречи.

На прощание Таймасхан нанес последний удар – рукояткой пистолета в лоб. Кажется, не перестарался, и если человек в штатском очень постарается, то выживет...

* * *

Дверь была обита толстым утеплителем и коричневой мягкой искусственной кожей, обита аккуратно, и выглядело все красиво, однако звукоизоляция была полной, и поэтому стучать в такую дверь было бесполезно. Приходится открывать и спрашивать разрешения войти.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Разрешите войти?...

– Здравствуй, Андрей Вячеславович. Проходи... Садись.

Подполковник Судоплатов шагнул вперед, выдвинул из-под стола для заседаний стул, сел, ожидая и не совсем понимая, для чего вызвал его в этот ранний воскресный час командир бригады полковник Барсук. Вызвал прямо с дачи, оторвав от любимого занятия – колки дров. Хотя домик на даче был, по большому счету, летним, если печь хорошенько протопить, и весной, когда морозы даже ночью не велики, можно там неплохо проводить время вдали от городского шума. Андрей Вячеславович этот домик строил сам с привычной для себя аккуратностью и не допускал существования щелей, через которые может уходить тепло. Он любил здесь уединяться в свободное от службы время. И вот, зачем-то вызвали... Хотя в армии и не положено спрашивать, для чего тебя вызывают. Тем более, в таких частях, как спецназ ГРУ, то есть, находящихся в постоянной боевой готовности.

– Ты у нас давно в Чечне не был? – спросил Барсук.

⁴ Бреγμα – место соединения лобовой и теменной костей черепа. При таком ударе теменная кость часто смещается внутрь мозга, травмируя участки коры головного мозга, ответственные за движения. То есть, после сильного и точно нанесенного удара может наступит полный паралич.

Вопрос прозвучал неопределенно и неконкретно, и, естественно, подумалось, что предстоит командировка в горячую точку. В подобные командировки Андрей Вячеславович с тех пор, как с должности командира роты перешел на штабную работу, уже не ездил, и, говоря по правде, слегка скучал без этого, потому что в душе оставался все тем же боевым линейным офицером. С его нынешней должности заместителя командира бригады по боевой подготовке в Чечню могут отправить только в том случае, если необходимо кого-то заменить в связи с какими-то форс-мажорными обстоятельствами.

– Давно, товарищ полковник, очень давно... Пора бы уже размять кости, а то стареть начну раньше времени. Я готов хоть сегодня...

Полковник Барсук думал долго, опустив взгляд в чистый стол. Как всякий разведчик, командир бригады никогда не держал на столе деловых бумаг, считая, что каждому документу должно быть отведено персональное место или в сейфе, или в шкафу, в зависимости от степени секретности.

– Ехать, Андрей Вячеславович, никуда не надо... Вот... А по старым командировкам за тобой никакого следа не числится? – спросил наконец. – Не помнишь ничего?

– Не понял. Какой за мной может след числиться? – подполковник Судоплатов только плечами пожал, слегка разочарованный вопросом.

– Типа: какое-то выяснение отношений с местными... Или что-то похожее.

– Я ни в какие отношения с местными жителями не вступал. Боевые действия таких отношений не допускают, собственной агентуры моя рота не имела. Не понимаю... А в чем дело?

– А дело вот в чем... – полковник Барсук обернулся, открыл за спиной дверцу сейфа и вытащил с металлической полки лист бумаги с принтерной распечаткой. – Из областного управления ФСБ нам прислали. Какие-то чеченцы собирают на тебя полное досье. Все, начиная от послужного списка и кончая всеми семейными делами. В ФСБ такой заинтересованностью довольны не остались, поскольку антитеррористическая деятельность больше к их профилю относится нежели к нашему. Предполагают возможность адата, то есть, кровной мести, которая может распространиться не только на тебя самого, но и на членов твоей семьи.

Подполковник Судоплатов не знал, что сказать, и опять только пожал плечами. Командир бригады пододвинул ему лист распечатки для ознакомления, хотя сказал уже все, не назвав только имен.

– А кто такой этот Хамзат Хайдарбеков? – спросил, прочитав, Судоплатов.

– Насколько я понимаю, в ФСБ хотели бы у тебя поинтересоваться. Сегодня от них приедет человек, с тобой поговорить желает.

– Это довольно распространенное имя среди чеченцев, товарищ полковник. Я лично с тремя людьми знаком, которые это имя носят. Одного из них, кажется, убили. По крайней мере, до меня такие косвенные слухи доходили. Второй служил в батальоне «Восток». Служит ли сейчас, я не знаю, но, при необходимости, можно навести справки. Последний Хамзат был совсем старый. Предполагаю, что он мог уже и умереть, но не думаю, что он находится в нашей области и собирает на меня данные. Возраст не тот для подобных поездок. Он, кажется, ветеран второй мировой, орденносец...

– Ты думай, думай хорошо... Они платят большие деньги, чтобы собрать о тебе сведения. Кавказцы народ не жадный, но деньги очень любят и неохотно с ними расстаются. Просто так ими не швыряются. Если платят, значит, интерес большой. Чем такой интерес может быть вызван? Кроме тебя самого, едва ли кто вспомнит... Пошевели извилинами.

– Было бы что вспоминать. Если с их стороны такой интерес, значит, дело того стоит. А я серьезного ничего вспомнить пока не могу. Но я, товарищ полковник, постараюсь...

– Фамилия Хайдарбеков, значит, тебе ничего не говорит?

– Абсолютно.

– Ладно. Будем выяснять. Ты дождись гостя. У меня здесь и поговорите. Надеюсь, я не помешаю... Я на этого Хамзата Хайдарбекова отправил запрос в ГРУ. У нас с ФСБ все же

картотеки разные. Может, что-то накопят, но сегодня выходной, и быстрого ответа ждать не приходится. Я, на всякий случай, позвоню, потороплю...

2

Во дворе стояло четыре машины, ни одна из них не носила милицейской символики, все были с цивильными белыми, а не голубыми номерами. Впрочем, чуть в стороне стояла пятая, с черным армейским номером, но в этом УАЗике за рулем, как было видно издали, кто-то сидел, а ключи, как известно, водитель носит с собой. Следовательно, ментовский сержант не мог быть водителем этой машины. Но, имея в руках брелок автомобильной сигнализации, даже если очень постараться, ошибиться было трудно. Таймасхан издали проверять не стал, зная, что, обычно, после нажатия кнопки открывания центрального замка, дверь автоматически закрывается через тридцать секунд. Торопиться, чтобы за тридцать секунд преодолеть расстояние до стоянки, было ни к чему, потому что торопливый человек всегда привлекает к себе внимание. И он просто забросил за плечо спортивную сумку и, как и планировал, неторопливо, почти прогуливаясь, подошел к той самой стоянке. И там уже нажал одну из кнопок на брелке. Сигнализация «мякнула», заодно «подмигнув» фарами, на черной, давно не мытой «Волге». Таймасхан забросил сумку на заднее сиденье, коротко и невозмутимо по сторонам посмотрел – не наблюдает ли кто за ним, убедился, что лишнего внимания не привлек, и только после этого сел за руль и выехал со двора.

Конечно, хорошо покататься на чужой машине в свое удовольствие и не думать о том, как скажется разбитая дорога на традиционно слабой, как у всех российских машин, за исключением УАЗика, автомобильной подвеске. Иногда приятно бывает на скорости проскочить по всем выбоинам. Но «Волга», на удивление, прошла по разбитой дороге достаточно плавно и тряслась не сильнее трактора. Колеса, как ни странно, не начали «рыскать», машину даже не швыряло из стороны в сторону, как это бывает с хорошими и дорогими иномарками. Видимо, «Волга» все же делается специально для российских дорог, осилить которые знаменитым автомобильным брендам без ущерба для себя бывает не по силам. Но долго баловаться, не имея на руках доверенности на машину, тоже не стоило. Это привлекало внимание посторонних. Конечно, три пистолета с патронами, досланными в патронник, два из которых спрятаны на спине за пояс, а один уложен в карман так, что достать его можно без проблем, делают любой возможный конфликт с «гиббонами»⁵ опасным исключительно для последних. Тем не менее, лишний раз светиться не хотелось, и вообще, у Таймасхана в глубине души жила надежда, что побитые и лишь слегка изуродованные менты, оставленные «отдыхать» в съемной квартире, постараются это дело по возможности замять, поскольку находились они явно не на службе. Вернее, не на государственной службе. А если полностью замять не удастся, то хотя бы спустить на тормозах, не заостряя вопрос на личности главного виновника, чтобы все дело не выплыло наружу. Осложнялся вопрос изъятым оружием и угнанной машиной, но если она будет не до конца разбита, половина проблем отпадет, а пистолеты менты смогут себе вернуть, если сам Таймасхан этого захочет и найдет возможность сообщить пострадавшим, а это было возможным вариантом. Вопрос стоял в том, как сообщить о желании вернуть оружие, и кому сообщить. Жалко, не посмотрел документы у побитых уродов. Надо было бы узнать хотя бы фамилию Алексея, чтобы потом отыскать. Но и этот вопрос решить будет возможно. Все возможно, если постараться. Хотя бы с тех же трубок набрать последние номера и через абонентов отыскать пострадавших. Это просто. А попадать в розыск здесь, куда так стремился, в планы Таймасхана не входило. Слишком многое в этом городе предстоит сделать, и слишком долго он ждал этого момента. Семь лет ждал. Семь лет собирал сведения из всех возможных источников.

⁵ «Гиббоны» – сотрудники ГИБДД.

Тем не менее, даже после этих мыслей беречь машину и притормаживать на ухабинах Таймасхан не стал. Зачем притормаживать, если ему нравится так ездить. Вот только в больших лужах, вытекающих из сугробов и заливших улицы, он сбрасывал скорость. Разливать лужи по тротуару, где идут прохожие, – это пижонство, а пижонство Таймасхан всегда презирал в других, а потому не позволял такого себе. Так еще отец учил, а отцовские уроки сейчас, когда многое о нем напоминает, хотелось помнить. И потому Таймасхан поехал медленнее и аккуратнее...

Половину большущего по чеченским меркам города он миновал благополучно, проехав дважды мимо машин с надписью «ДПС» на капоте, ни разу не удостоившись внимания. И, попетляв между какими-то складами и производственными территориями, въехал в квартал частного сектора, где дороги были такие, что в некоторый местах между сугробами двум автомобилям разъехаться было проблематично, поскольку ледяная колея не выпускала колеса из своих объятий и не давала возможности свернуть вправо, и остановился на одной из улиц.

Номер Хамзата он набирал со своей трубки, потому что ментовские лежали в сумке.

Хамзат ответил сразу. Его трубка определила номер звонившего.

– Здравствуй, Таймасхан. Я как раз хотел тебе позвонить. Боялся, ты еще спишь...

– Здравствуй, Хамзат. Меня разбудили менты, что пришли за тобой...

– Менты за мной? – удивился Хамзат. – Какие менты? По какому поводу?

– Мне пришлось оставить квартиру. И ментов там же. Но они живы. Я не захотел слишком больших осложнений. Я сейчас на их машине. Отгоню ее подальше в сторону и подойду к тебе. У тебя все спокойно?

– Конечно. У меня всегда спокойно...

– И хорошо... Жди...

* * *

Относительно того, что все вокруг его дома спокойно, Хамзат сообщить явно поторопился, предварительно не проверив. Хорошо, что сам Таймасхан имел такую привычку, привитую ему первоначально отцом, а потом тем же самым Хамзатом – проверять все самому. Да и то, поскольку он слишком привык Хамзату доверять, мысль о проверке пришла лишь в последний момент, когда думал, куда поставить машину, чтобы ее нашли быстрее и чтобы менты не предпринимали слишком резвых шагов по поиску угонщика. А ставить машину следовало так, чтобы не возникло мысли об этом квартале. Впрочем, можно было прямо под окнами Хамзата поставить. Тогда вообще будет безопасно. Какой дурак подумает, что угнанную машину кто-то может под своими окнами поставить... Впрочем, менты могут... Поэтому безопаснее было поставить просто за соседним углом, около магазина. Там на машину и внимания больше обратят, и ментам сообщат, если раньше не растащат на запчасти. Но это уже будет не беда Таймасхана, а беда ментовская. Пусть хоть в этом почувствуют себя на одном уровне с простыми людьми, от чего они уже давно отвыкли...

С таким намерением Таймасхан и решил проехать мимо дома Хамзата. Но сразу обратил внимание на старенькую и основательно помятую «БМВ» пятой модели, что стояла в квартале от самого дома и контролировала перекресток. Что в машине сидят двое чеченцев, Таймасхан уверен не был. Просто двое парней – кавказцев. Но, после утренних событий, это тоже насторожило. Тем более, машина стояла очень удобно для контроля сразу четырех направлений. Но, чтобы удостовериться в своих подозрениях, следовало проехать мимо дома Хамзата до следующего перекрестка. Если стоящая «БМВ» – это пост, значит, будет пост и на втором перекрестке. Если на втором перекрестке поста нет, значит, и здесь машина случайная. Он проехал, лишь мельком взглянув на давно не мытые окна интересующего его дома. На окнах были занавески, а что было за занавесками – неизвестно. Но внешне дом и двор выглядели спокойно. Это ощущение, впрочем, не заставило Таймасхана отменить

первоначальные намерения проверить второй перекресток, и он проехал дальше. И убедился, что не зря проявлял осторожность. На этом перекрестке стояла не уступающая «БМВ» возрастом и потасканным внешним видом «Ауди» сотой модели. При виде машины и пары ее пассажиров левая рука непроизвольно метнулась было за спину, чтобы вытащить пистолет, но Хамзат не был готов к неприятностям, потому Таймасхан удержался и проехал мимо. Миновав еще квартал, он свернул за угол, там остановился и снова позвонил Хамзату.

– Судя по твоему звонку, у нас неприятности... – сразу сориентировался Хамзат.

– Направо пойдешь – тебя «БМВ» встретит. Налево пойдешь – «Ауди» дожидается... Я предполагаю, что это люди Далгата. Ты что-то с ними не поделил?

– Я позавчера не застал Далгата дома. А вчера так и не собрался зайти. Я думаю, его попросили «выдавить» нас из города, и так выдавить, чтобы мы оказались в розыске. В принципе, это не слишком сложно, хотя и слишком нагло...

– Гилани?

– Он самый. Не сумел договориться, ищет варианты, чтобы заставить тебя работать. И при этом полностью подставляет Далгата. Гилани не может не понимать, чем это для Далгата кончится. Хотя я допускаю мысль, что он пытается так заставить нас выполнить бесплатно и эту работу. Гилани жадноват.

– Я ведь и обидеться могу. На самого Гилани...

– Он не из трусливых. И, по глупости, считает себя неуязвимым.

– Неуязвимых людей не бывает.

– Я это знаю лучше других.

– Ладно. Это еще обсудим позже. Надо сейчас что-то решать. Что делать думаешь?

– Сначала с тобой поговорить. Что там за менты к тебе приходили?

– Я думаю, тоже от Далгата. Тебя отследили, когда ты ко мне приходил. Меня хотели куда-то отвезти. К Далгату, наверное. А мне это не понравилось.

– Значит, Далгат начал войну?

– Я предполагаю... Он послал этих ментов, заранее зная, чем дело закончится, но не предупредил их, и они вели себя со мной, как с подвальным бомжом. Не опасались совершенно... Может, это была разведка боем, не знаю...

– И те парни, что сидят в машинах, как я теперь понимаю, наши противники?

– Я думаю, что это так...

– Ты в какой стороне?

– Я проехал мимо «Ауди» квартал и свернул налево.

– Разворачивайся... Я сейчас соберу все, что следует унести, выхожу и двигаюсь в твою сторону. Перед выходом тебе позвоню. Ты медленно едешь навстречу. Если парни из машины выйдут, они твои. Если не выйдут – мои... В любом случае сразу стоит поставить Далгата на место, чтобы язык в задницу себе засунул. А то он чувствует себя в этом городе хозяином.

– Они должны выйти...

– Вовсе необязательно. Я для них – пустое место. Они хотят меня отследить до встречи с тобой. И постараются захватить обоих. А мне этого не хочется. Все... Жди звонка...

Хамзат всегда отличался таким хладнокровием, которому даже хладнокровный Таймасхан завидовал. Он и здесь это хладнокровие проявит, в этом Таймасхан был уверен. И потому, развернувшись, остановил «Волгу» перед перекрестком. И стал ждать звонка. Ждать пришлось около десяти минут. Должно быть, Хамзат решил больше не возвращаться в этот дом и сейчас подчищает все следы. В каждом городе, где им приходилось останавливаться для работы, Хамзат обязательно имел резервный вариант. Наверное, и сейчас о запасном пристанище он позаботился.

Сам Таймасхан с сожалением подумал, что не сообразил вовремя и не вытер в доме хотя бы свои отпечатки пальцев. А надо бы было это сделать, потому что покалеченные уроды непредсказуемы и могут надумать следствие учинить. А его «пальчики» значатся в картотеках многих городов не только России. Но сейчас исправлять что-то уже поздно.

Хамзат позвонил и сказал коротко, по-деловому, как приказ отдал:

– Я пошел. Сосчитай до пятнадцати и медленно поезжай в мою сторону. Если что-то случится, смотри по обстоятельствам, газу добавить всегда сможешь.

По большому счету, Хамзат в самом деле командовал, и Таймасхан ему подчинился даже без внутреннего сопротивления, потому что приказы всегда были правильными и точно соответствовали ситуации. Точно так же он подчинился когда-то отцу. В какой-то мере Хамзат, хотя и не был Таймасхану даже отдаленным родственником, стал для него продолжением отца, не заменой, потому что отца заменить невозможно, а именно продолжением. Они оба остались в этом мире одинокими, лишенными дома и отечества, в котором их ждали только преследования, и это одиночество сближало их. Вернуться домой оба хотели, но не могли, потому что люди, когда-то предавшие их общее дело, теперь находились во власти и старательно мстили тем, кто предателями не стал. Эти люди предали общее дело еще раньше, когда воевали против федералов, но уже превратили идеалы в средство личной наживы. Потому им так легко и удалось найти общий язык с новой властью. Гарсиев-старший никогда с такими людьми находить общий язык не умел. И люди, воевавшие вместе с Джамбулатом, тоже делать этого не умели. К тому же, может быть, Хамзат дал Таймасхану даже больше, чем сумел в свое время дать отец. Отец научил сына воевать, но не имел возможности научить его как вести себя в гражданской жизни. Хамзат имел два высших образования, в том числе и педагогическое.

– Понял. До встречи...

С той точки, где стояла «Волга», дом Хамзата не просматривался, и даже «Ауди» за сугробами видно не было. Но из «Ауди» так же не было видно «Волгу». Вообще, сталкиваясь с подобными ситуациями вдалеке от родных гор, Таймасхан давно уже убедился, что чеченские парни, взявшие в руки оружие только *здесь*, совершенно напрасно считают себя ровней тем, кто *там* повоевал. Одна только национальность не делает из человека воина. Воин должен уметь воевать. А это умение приобретается с опытом. И сейчас те, кто сидит там в «Ауди», никак не предполагают, что их жизнь уже, можно сказать, подходит к завершающему этапу. Они не чувствуют этого. А в боевых действиях ситуацию следует непременно *чувствовать*. Таймасхан из двадцати двух лет жизни тринадцать провел в боевой обстановке. И *чувствовать* ситуацию научился...

Досчитав до пятнадцати, как и просил Хамзат, Таймасхан включил двигатель и неторопливо двинулся в поворот и дальше. Теперь «Ауди» уже попала в поле зрения, но не было видно тропу, по которой должен был идти Хамзат. Впрочем, когда Хамзат пойдет, над сугробом, наверное, будет видно его голову. А парням из «Ауди» всю тропу видно, они ориентируются. Глядя на них, должен сориентироваться и Таймасхан.

Он ехал, едва-едва касаясь подошвой педали «газа». Медленное передвижение машины было вполне оправданным. Дорога состояла из сдвоенной колеи, залитой водой, и в такой колее всегда можно за что-то зацепиться днищем.

Голова Хамзата появилась там, где ожидал ее увидеть Таймасхан. Но еще раньше он обратил внимание на какое-то шевеление в «Ауди». Видно было плохо, но показалось, что один из наблюдателей, тот, что сидел за рулем, звонит по «мобильнику». Естественным было предположить, что звонит он на пост, что стоит на соседнем перекрестке, парням в «БМВ». Ну, тем хуже для тех парней... Они предупреждены, значит, пожелают вмешаться. А это для них смертельно опасно. Без звонка можно было бы их просто оставить в стороне. Проехать мимо, как проезжал Таймасхан раньше, Хамзат при этом пригнется, все пройдет спокойно. Теперь спокойно не пройдет...

Таймасхан приготовил пистолет, переложив его из кармана себе на колени. Плохо, что в «Волге» нет электрических стеклоподъемников. А дырявить стекла пока не хотелось. И потому пришлось отстегнуть ремень безопасности и протянуться до дверцы переднего пассажирского сиденья, чтобы опустить стекло. Хорошо еще, что езда на такой скорости позволяет отвлекаться. Потом и второе стекло заняло нижнее положение. И ничего странного в этом нет – погода хорошая, а водителю душно. Хочет воздухом подышать...

К «Ауди» угроза приближалась одновременно с двух сторон, хотя люди в машине этого не чувствовали. Первым приблизиться должен был Хамзат. И он занимал все внимание наблюдателей, которые вообще никакой реакции на появление «Волги» не проявили. Но и машину, чтобы выйти Хамзату навстречу, не покинули. И потому Таймасхан опять не давил на «газ», предоставив своему старшему товарищу возможность действовать самостоятельно. Он наблюдал за ситуацией, не зная, что Хамзат задумал. А тот, сразу к «Ауди» направился, чем наблюдателей, кажется, сильно смутил. Но подошел так, чтобы разговаривать через заднюю дверцу. При этом на заднем сиденье никто не сидел, и оба наблюдателя вынуждены были повернуться в неудобную позу, чтобы опустить стекло. Хорошо еще, что в «Ауди» стеклоподъемники электрические. Хамзат что-то спрашивал. Ему отвечали. Он согласно кивал. Потом торопливо двинулся через перекресток навстречу «Волге». Но, едва миновав перекресток, стремительно прыгнул за сугроб, заставив и Таймасхана притормозить. И тут же в «Ауди» грохнул взрыв. Машина, вернее, то, что от нее осталось после взрыва, загорелась. А сам Хамзат уже выскочил на дорогу, и «Волга» в три секунды преодолела остаток пути до него.

– Навестим вторую машину, – едва усевшись, сказал Хамзат. – Они ждут – не дождутся возможности с нами пообщаться. Твоя очередь общаться...

Таймасхан поехал быстрее, хотя откровенно гнать после взрыва – означало навлечь на себя подозрения. В «БМВ» взрыв не видели, хотя наверняка слышали. Но дорога была слишком узкой, чтобы на ней разъехаться, и «БМВ» ждала на перекрестке, когда проедет «Волга», чтобы двинуться в обратном ей направлении. Таймасхан взял в руки пистолет. Перед перекрестком он добавил скорости и стрелять начал с левой руки до того, как машины поравнялись, через лобовое стекло. Только два выстрела, и оба точно в голову. И, скорости не снизив, проехал мимо. А уже за перекрестком добавил газу, хотя тоже не стал гнать.

– Для начала с Далгата хватит, – сказал Таймасхан. – Потом позвоним ему и поговорим – чего он добивается и хочет ли продолжать войну. Это тоже важный вопрос. Если хочет, придется его уничтожить. Сейчас куда?

– На выезд из города. Но выезжать не будем. Перед «гиббоновским» постом направо...

Кажется, ни Хамзат, ни Таймасхан даже возбуждения от маленькой победы не испытывали. Для них это было привычным и проходным эпизодом, даже обсуждать его интереса не было.

Будни... А праздники еще впереди...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Подполковник Судоплатов дожидался встречи с представителем ФСБ в своем небольшом кабинете, где кроме него обычно сидели еще три офицера отдела, но сейчас, по причине воскресного дня, оба они на службе отсутствовали, а потому никто не мешал Андрею Вячеславовичу сосредоточиться на воспоминаниях. Но сколько он не тормозил свою, в общем-то, отличную память, Хамзата Хайдарбекова вспомнить не смог. Из тех трех Хамзатов, которых подполковник знал, он вспомнил фамилию только одного, умершего, а фамилии двух других даже и не знал никогда. По крайней мере, память ничего не подсказала.

Но одни воспоминания, как это обычно бывает, повлекли за собой другие, и в первую очередь вспомнилась последняя командировка, которую удачной назвать нельзя, потому что во время уничтожения банды полевого командира Джамбулата Гарсиева рота понесла потери. И хотя благодаря уничтожению банды операция признана успешной, сам, тогда еще капитан, Судоплатов чувствовал себя совсем не на коне, хотя его и повысили в звании, и перевели на более высокую должность в штабе бригады. Тогда, уже на завершающем этапе

операции, двое из бандитов сумели прорваться, причем один обладал удивительной способностью стрелять из пистолетов, из двух сразу, быстро и точно. К сожалению, пленных, кроме самого раненого эмира, который давать показания отказывался категорично, в тот раз захвачено не было, поэтому никто не мог назвать списочный состав банды, и фамилии беглецов остались неизвестными. Джамбулат Гарсиев не назвал даже фамилии тех, кто был убит. Дело еще осложнялось тем, что эта банда формировалась не по принципу привязанности к одному общему месту жительства или родства, как это часто бывает, а только по личностным отношениям эмира с другими людьми. Но поиск застопорило и само прекращение существования банды. Эмира осудили, посадили, на этом дело посчитали закрытым...

А сам Андрей Вячеславович после написания подробного рапорта, который был представлен на суде в качестве официального документа, никакого отношения к поиску уже не имел и, через три дня завершив командировку, больше в Чечню не попал ни разу. Тем не менее, и семь лет спустя горький осадок от гибели шестерых солдат оставался таким же горьким, и подполковник Судоплатов помнил почти каждое слово из писем, которые писал матерям погибших солдат капитан Судоплатов. Слишком трудно каждое слово давалось, чтобы забыть эти слова...

* * *

Воспоминания подполковника прервались звонком по прямому телефону из кабинета командира бригады.

– Подполковник Судоплатов. Слушаю, товарищ полковник...

– Прибыл майор из ФСБ. Его сейчас ко мне провожают. Заходи, пообщаемся со смежниками... И ответ на запрос из Москвы пришел. Есть интересный след на твоего Хамзата Хайдарбекова. Он проходит по картотеке ГРУ.

– Иду, товарищ полковник...

Через минуту пришлось опять открывать обитую дверь и спрашивать разрешения войти. Майор ФСБ оказался низкорослым крепышом с суетливыми движениями, активной жестикуляцией и беспокойными глазами. Странно было ожидать от такого человека вдумчивых действий, но представителей чужого ведомства обсуждать – дело неблагодарное.

Познакомились – Владимир Анатольевич Соломатов, сотрудник особого отдела. Пожав руку подполковнику, он свои руки разбрасывал при каждом слове в стороны и делал это так быстро, что приходилось удивляться, как воздух не свистит от таких движений.

– Нам агентурные данные поступили, – с места в карьер взял майор. – Хамзат Хайдарбеков, отчество, к сожалению, неизвестно, наводит справки у служащих вашей бригады. Начал он с поваров и официанток из офицерской столовой, потом переключился на кладовщиков, и здесь уже не только к служащим обращался, а и к отдельным прапорщикам, и старшим прапорщикам. Все вопросы касались непосредственно вашей, товарищ подполковник, персоны. При этом, понимая, что чеченец, наводящий справки, должен вызвать естественное подозрение, действовал Хамзат Хайдарбеков не самостоятельно, а через подставных лиц, для каждого из которых была придумана соответствующая личности человека и его характеру легенда, но вопросы, опять же, касались только вас. Путем оперативных мероприятий мы сумели установить, что ответы стекались к Хайдарбекову, но вот выйти на него самого нам пока не удалось. Он проявил профессиональную осторожность – давал людям задания, эти задания оплачивал и деньгами, и услугами, но связь после этого держал только по телефону, причем пользовался часто различными номерами. И ни разу не прокололся так, чтобы мы смогли выйти на него самого и выяснить, что это за личность и в чем состоит его интерес...

– Характер данных, которыми Хайдарбеков интересовался? – спросил полковник Барсук, перебивая рассказ майора.

– Самый разнообразный. Мы даже предполагаем, как вариант, собрание полного досье

в попытке отыскать какой-то компромат с целью дальнейшего использования товарища подполковника в каких-то своих интересах. И от этой версии пока не отказались. Достаточно будет сказать, что вопросы касались не только самого Андрея Вячеславовича, но и членов его семьи, жены и дочерей. И даже была предпринята попытка поиска каких-то давних служебных отношений жены, тогда еще работающей. Но и там Хайдарбеков был очень осторожен, а мы всюду шли только по его следу, но ни разу не смогли выйти на опережение.

– Служебных дел эти вопросы касались? – еще раз спросил полковник Барсук.

– Не касались совершенно.

– А вот теперь я попробую хотя бы слегка прояснить ситуацию, – сказал командир бригады, поворачиваясь и вытаскивая из сейфа лист принтерной распечатки. – У ГРУ, как вы знаете, собственная база данных, и по нашей базе Хамзат Акболович Хайдарбеков проходит как участник вооруженных бандформирований. Участник первой и второй чеченских компаний, опытный боевик, был неразлучен с полевым командиром Джамбулатом Гарсиевым. Напомню товарищу майору, который не может быть в курсе событий, что банду Гарсиева семь лет назад уничтожила рота спецназа ГРУ под командованием тогда еще капитана Судоплатова. Был ли на момент уничтожения Хайдарбеков в банде, нам неизвестно. Сколько тогда у тебя человек ушло, Андрей Вячеславович?

– Двое, – сказал Судоплатов, который только что в подробностях вспоминал этот эпизод. – Один из них раненый. Прорвались сквозь нашу линию. У них там стрелок такой был – одновременно с двух пистолетов стрелял, и очень точно. Шестерых наших солдат положил. Было организовано преследование, но они как сквозь землю провалились. Бежать могли вдоль реки до леса. Это километра два – два с половиной. Мы преследование организовали быстро, должны были догнать. Но они пропали... Реку переплыть возможным не представлялось – и вода ледяная, и течение такое, что... Берег мы обыскали полностью, до последнего камушка. Результата никакого...

– Тогда был захвачен раненым сам эмир Джамбулат Гарсиев, – продолжил Барсук. – Был суд... Сколько ему дали, Андрей Вячеславович?

– Этого я, товарищ полковник, просто не знаю. Я тогда вообще не хотел ничего об этой операции слышать. Шесть солдат потерял. Сам матерям письма писал, потом сам гробы отвозил и просил прощения, что не уберег. И про Гарсиева ничего не знаю...

– Если статья за терроризм, мог получить пожизненное, – заметил майор ФСБ.

– Едва ли, – пожал плечами Судоплатов. – Гарсиев только с армией воевал. Тогда за это терроризм не приписывали.

– Это необходимо будет уточнить, – согласился Владимир Анатольевич. – По крайней мере, это уже какая-то зацепка, и резонно предположить, что одним из двух бандитов, которых вы упустили, был именно Хайдарбеков. И, возможно, его активность как-то связана с эмиром Гарсиевым. Как его там зовут? Джамбулат?

– Джамбулат Гарсиев, – напомнил Андрей Вячеславович. – Грамотный был командир. Воевал хорошо и держался долго. Но дать ему должны были много, потому что со следствием сотрудничать отказался и играл в молчанку. Он еще с нами замолчал. Потом мы его в ФСБ передали, он и там молчал. А дальше я уже ситуацию не знаю...

– Значит, майор, для тебя работа, – сказал полковник Барсук. – Мы запрос послать можем, только я не уверен, что нам ответят, а если и ответят, то неизвестно когда. Мы, как ни крути, только армия, и в судебные дела нам соваться не позволяют. Значит, ты все, что можно, по Гарсиеву собери, а мы в следующий раз обсудим. Боюсь, что здесь есть связь с Хайдарбековым, и прямая. А ты, Андрей Вячеславович, пока осторожность прояви повышенную. И семью предупреди... Семья у тебя на даче?

– Нет, в городе. Дочери учатся. Студентки... Жена присматривает за ними.

– Съездишь сегодня?

– Конечно.

– Завтра можешь до обеда дома находиться. Присмотришь, что там за обстановка. Может, соседи что видели... У нас сейчас ко всем кавказцам отношение настороженное. Их

сразу замечают... Порасспрашивай...

– Хайдарбеков сам не суется. Он через посредников работает, – напомнил Владимир Анатольевич. – Кроме того, завтра к утру у меня наверняка уже будут сведения по Гарсиеву.

– Из города приехать не долго, – решил командир бригады. – За сорок минут доберется... Значит, на сегодня все...

* * *

Место, куда приехали Таймасхан с Хамзатом, было тоже на окраине города и совсем неподалеку от прежнего района, хотя добираться туда следовало в объезд, но внешним видом своим существенно отличалось от того района, где прежде жил Хамзат. Здесь еще оставались старенькие полуразвалившиеся дома частного сектора, но, в основном, стояли крупные коттеджи за высокими кирпичными заборами.

– Направо. Около ворот останись, – скомандовал Хайдарбеков. – Заезжать не будем...

Таймасхан повернул и остановился. Ворота были металлические, увесистые, крашенные в тон красному кирпичу.

Хамзат сам протянул руку и нажал на сигнал. Ждать пришлось недолго. Скоро распахнулась металлическая калитка в заборе, и вышел человек, посмотрел на машину и на тех, кто в ней сидел, остановился и сделал знак рукой, что сейчас откроет ворота. Хамзат отрицательно покачал головой и сам вышел к человеку. Разговаривали всего пару минут, после чего человек ушел, а Хамзат вернулся к машине, но садиться не стал.

– Машину отгони куда-нибудь на трассу. Возвращайся пешком. Я вещи заберу...

Он взял свою сумку и сумку Таймасхана, захлопнул дверцу. Таймасхан не стал дожидаться, когда Хамзат зайдет в калитку, и поехал. Машину он оставил незакрытой, не доезжая ста метров до поста ГИБДД под знаком «остановка запрещена». Дорога оживленная, здесь ее быстро найдут. И пешком, привычно сразу осматривая окрестности на случай непредвиденных обстоятельств, неторопливо двинулся к коттеджному поселку...

– Проходи...

– Хозяин где? – спросил Таймасхан.

– Это не хозяин, – сказал Хамзат. – Это – охранник, зовут его просто Василич. Хозяин на Кипре живет. Сюда раз в год приезжает, когда на Средиземноморье слишком жарко.

– Василич – наш человек?

– Нет. Лишнего при нем не болтать. Он просто наш временный союзник, не больше. Это бывший ментовский подполковник, которого погнали со службы, потому что начальству мешал крупные дела делать. Он все статьи пишет и со всеми судится, многим насолил, и многие мечтают до него добраться. А он тоже мечтает многих на «зоне» сгноить. Его взорвать пытались. Мину под дверь квартиры положили. Жена с дочерью погибли. А его дома не было. Сейчас он спрятался, очень зол на всех... Мы с ним, если понадобится, найдем общий язык, но это может и не понадобится. А сейчас нам нужно только тихое место, где можно отсидеться, пока я новое жилье не подыщу. Кстати, Василич может дать доверенность на свою машину. Это, если нам срочно транспорт понадобится. Сам предложил...

Дом оказался большим и очень холодным. Впечатление было такое, что здесь всю зиму не топили. Но Хамзат уверенно провел Таймасхана через весь дом в одно из крыльев первого этажа, там уже температура была вполне нормальной. Охранника Василича, бывшего ментовского подполковника, нигде видно не было. Он, видимо, не хотел докучать своим постояльцам. Тем не менее, присутствие в доме постороннего человека, пусть и приютившего их, Таймасхана сильно смущало.

– А когда ты жилье подыщешь? – поинтересовался Таймасхан.

– Мне уже ищут. Я позвонил...

Таймасхан всегда удивлялся таланту Хамзата отыскивать множество полезных связей в каждом городе, где им приходилось бывать. В абсолютно незнакомом городе у него через

несколько дней оказывалась куча знакомых, готовых оказывать ему мелкие услуги. А порой даже и не мелкие. Сам Таймасхан таким талантом не обладал. Даже напротив, он обладал «талантом» завязывать конфликты, которые разрешал позже Хамзат. Но то, что дано человеку свыше, не обсуждается, а принимается и используется, что Хамзат и делал. Он даже сумел благодаря этому собрать немало сведений о подполковнике Судоплатове, бывшим когда-то капитаном Судоплатовым, и о его семье.

Но сейчас все эти данные остаются невостребованными – из-за назойливости то ли Далгата, то ли Гилани Гирмасолатовича. Кто-то из них старается сильно помешать Таймасхану. А, может, помешать стремятся оба, только один при этом командует, а второй выполняет команды. Таймасхан хорошо знал своих соотечественников. Они всегда стараются выяснить, кто из них обладает большей властью. Отношения самого Таймасхана с Хамзатом – редкое исключение, потому что оба они когда-то подчинялись одной власти – Гарсиева-старшего, и хотя они уже столько лет действовали самостоятельно, порой им казалось, словно Джамбулат или только на время уехал, или послал куда-то своего сына вместе с Хамзатом, а сам ждет их возвращения. Это ощущение все семь лет так и не покидало Таймасхана. Может быть, и Хамзата оно тоже не покидало. И это делало их близкими друзьями. А у Далгата и Гилани таких отношений быть не могло...

* * *

Микроавтобус быстро и рискованно вошел в поворот, продавив силой инерции рессоры внешней стороны и оттого слегка наклонившись, но тут же выровнялся и еще добавил скорость. Из-за поворота показалось лежащее впереди село, хотя до него еще следовало идти от дороги около трех километров пешком, потому что этот попутный микроавтобус ехал дальше и в село заезжать не собирался.

Джамбулат Гарсиев приподнял голову, всматриваясь вдаль с болью и с надеждой. Там, в селе, наверное, можно будет что-то узнать, поскольку больше получить информацию ему негде. Обратиться в официальные инстанции нельзя, потому что такое обращение может привести к непредсказуемым последствиям.

Когда после последнего боя Джамбулата заставили осмотреть убитых, чтобы провести опознание, он осмотрел, так и не назвав ни одной фамилии. Просто в молчанку играл, словно бы не слышал настойчивых вопросов капитана, кажется, командира роты. Но смотрел он тогда не для спецназовцев, а для себя. И с удовлетворением убедился, что среди трупов нет тела сына и Хамзата. Значит, они и есть те двое, кто сумел прорваться, и погоня за кем результата, как уже слышал Джамбулат, не дала. Он так и не сказал, кто был убит в бою во время прорыва, кто ушел. Не сказал ни спецназовцам, ни следователям ФСБ, ни судье, когда тот задавал вопросы. Он вообще за все время следствия, может быть, обменялся со следователем десятком фраз, не более. И на суде несколько фраз сказал. Ему это, естественно, зачли... Но, поскольку доказательства по участию его джамаата в боевых операциях были в основном косвенными, а свидетельских показаний не было вообще, самое большее, что смогли ему дать, семь лет строгого режима. И все эти годы он отсидел от звонка до звонка. И даже в «зоне» за семь лет, когда иногда просто невыносимо тянет с кем-нибудь пооткровенничать, никто так и не узнал, что сын его вместе с Хамзатом спасся в тот последний для их джамаата день. Даже вернувшись в Чечню, оформляя постановку на учет в городском управлении внутренних дел Грозного, не спросил ничего о сыне, хотя там могли бы быть какие-то сведения о нем или Хамзате. Спросить – значит, поставить их под удар, если они живы. А Джамбулат хотел найти их сам.

Накануне освобождения и уже после него, во время вынужденных встреч с ненавистным ментовским племенем, вчерашнему заключенному часто задавали один и тот же вопрос о раскаянии. Он честно молчал. Честно, потому что не желал обманывать и говорить, что раскаялся. Нет, раскаяния в душе не было. Было что-то другое. Была боль от того, что все так обернулось, что большая идея свободы и величия маленького народа была

так безобразно испорчена теми, кто захватил власть в самопровозглашенной Ичкерии, что нынешняя власть, немногим лучше той, бандитской, иначе не разъезжались бы чеченцы по всей России, а оставались бы у себя в горах. И не было желания жить среди этих людей, жить там, где все это происходило и до сих пор вызывало чувство отчаяния. Но уехать куда-то можно было только после снятия с учета. Даже на поиски сына можно было отправиться, только предупредив органы надзора, как они назывались официально, что поедет искать родственников и, возможно, работу где-нибудь в сельском районе. О сыне он опять не сказал ни слова...

– Здесь высадить? – спросил водитель, молодой парень, наверное, ровесник Таймасхана.

– У поворота, – уточнил Джамбулат.

– Родом, что ли, отсюда? Навестить едешь?

– Нет. Здесь меня когда-то в плен взяли, – мрачно ответил Джамбулат. – Я эмиром был. Почти всех в джамаате перебили, а меня, раненого, захватили...

Он знал, что говорил. После такого короткого откровения никто не будет докапываться и спрашивать то, о чем говорить не хочется. Это тема совсем не для всеобщего обсуждения.

Водитель переглянулся с пассажиром на переднем сиденье, но ничего не сказал. Только у поворота от нескольких плавных нажатий начали поскрипывать тормоза. Машина остановилась.

– Сколько я должен? – спросил Гарсиев.

– Ладно. Нам спасибо хватит, – заметил водитель.

– Спасибо, – сказал Джамбулат, открыл дверцу и вышел.

Микроавтобус двинулся дальше и сразу стал набирать скорость...

2

Двухлитровый двигатель для легкой «Мазды-3» подполковника Судоплатова был излишеством при традиционном «качестве» российских дорог. Синий хатчбек разогнался до ста километров в час за девять с небольшим секунд, но этот разгон можно было себе позволить только при выезде из города-спутника, где стояла бригада спецназа ГРУ, а дальше, до самого областного центра, дорога была такая, что, образно говоря, городская скорость в шестьдесят километров в час была максимумом, что можно было себе позволить, да и то лишь на четверти пути. На остальных же участках приходилось, едва успев разогнаться до этой самой городской скорости, тормозить и осторожно объезжать выбоины, поскольку клиренс⁶ автомобиля тоже рассчитывался на другие дороги. А эту, хоть и ремонтировали регулярно, но ремонта хватало на неделю. И потому на путь, который должен был занять десять минут, уходило больше сорока.

На въезде в город, похоже, проводилось какое-то мероприятие. Дорогу перекрывали усиленные посты ГИБДД вместе с ОМОНОм. Но останавливали машины, город покидающие, из-за чего начала образовываться большая пробка. Радовало только то, что въехать можно было свободно. Увидев знакомого майора из ОМОНа, Андрей Вячеславович притормозил и опустил в машине стекло.

– «А город подумал: ученья идут...» – словами из старой песни поприветствовал подполковник омовца.

– Здравствуй, – тот протянул руку. – Город уже и не знает, что думать, но, кажется, доволен... Народ считает, что это явление нормальное и правильное, и должно повторяться с обязательной периодичностью.

– Как образцовый горожанин, согласен, – кивнул Андрей Вячеславович. – А что случилось?

⁶ Клиренс – расстояние от дороги до нижней части днища автомобиля.

– Ты не в курсе?
– Я не в курсе. Был на даче, потом в бригаду вызвали.
– Чечены друг друга бьют... Впрочем, и наших тоже слегка захватили. Ментов из горотдела.

– Всерьез?
– Куда уж серьезнее. наших, правда, без выстрелов, голыми руками, но с конфискацией оружия и машины. Один человек – четверых ментов, как мальчиков... Сейчас трое из них в госпитале на операции. Один отделался легким испугом и выбитым зубом. Но, он сам говорит, что этот зуб неделю болел и шатался. Не жалко... Но чтобы один, четверых вооруженных... И так разделать...

– И правильно разделал. А потом что?
– А потом он же или еще кто-то, но, предположительно, он, взорвал «Ауди» с двумя чеченцами и расстрелял из пистолета еще двух чеченцев в «БМВ». Все в одном квартале. Оттого народ и ликует. Мало того, что ментов побили, так еще и чечены друг друга бьют. Как тут не радоваться!..

– А ты что не ликуешь?
– Так я же тоже мент!
– Ну и ладно. А я не мент, и потому – ликую. Данные какие-то на этого парня есть?
– Сейчас... – майор полез в карман разгрузки, вытащил листок бумаги, развернул.
– Таймасхан Джамбулатович Гарсиев, двадцать два года. Работал тренером в элитном спортивном клубе. Карате киоку-синкай... По картотеке МВД пока не проходил. Отпечатки его сняли, у нас не наследил, послали на всякий случай на всероссийскую идентификацию. Но воскресенье же... Когда раскачаются...

Подполковник Судоплатов никак не показал своего отношения к услышанной фамилии и отчеству боевого чеченца. Только взглядом помрачнел.

– Ладно, лови бандитов и ментов. То есть... Короче, всех преступников... Я поехал...
Майор прощально поднял руку, подполковник поднял стекло, и на этом они разъехались. Но на следующем перекрестке Андрей Вячеславович повернул направо и сразу за поворотом остановился. С мобильного набрал номер командира бригады. Тот оказался еще в кабинете.

– Товарищ полковник, подполковник Судоплатов...
– Что-то случилось?
– Я уже в городе. Здесь – случилось...
– Семья?
– Я до дома еще не доехал. Но жене я звонил перед выездом, дома все в порядке. А вот в городе...

– Рассказывай.
Судоплатов коротко передал все, что услышал от майора ОМОНа.
– Думаешь, это может иметь отношение к нашим вопросам?
– Не сомневаюсь. Разыскиваемого двадцатидвухлетнего чеченца зовут Таймасхан Джамбулатович Гарсиев...

– Сын?
– Я так полагаю. И странно было бы услышать, что человек из банды Гарсиева и сын Гарсиева, появившись в нашем городе, не с одной целью приехали сюда. Хотя всякое может быть. Но я попросил бы вас еще и этого парня по нашей картотеке проверить. Наши быстрее других работают...

– Добро. Я прикажу отправить запрос. Если будет ответ, тебе позвонят даже ночью. Держи трубку под рукой. Я еще и майора Соломатова предупрежу. Пусть по своим каналам запрос пошлет.

– Спасибо, товарищ полковник. Чувствую, тучи начинают сгущаться...
– Оружие у тебя при себе?
– Я сам – оружие, но и пистолет под рукой тоже...

– Будь осторожнее. И обстановку вокруг дома разведай. Я сейчас с начальником штаба твою ситуацию обсуждал. Он предлагает выделить для охраны твоей семьи несколько офицеров. Отдельно – квартиру, отдельно – дочерей... Все негласно, чтобы и они не знали, и даже ФСБ не знала. Для офицеров это будет боевой подготовкой – твой, кстати сказать, профиль. Да и защита надежная...

– Спасибо, товарищ полковник. Не буду отказываться, но следует предварительно знать, с кем мы встретились. Хотя превентивные меры – они и есть превентивные, с опозданием они будут мерами бесполезными...

– И я про то же... Я отдам приказ начальнику штаба. Пусть готовит людей... Если успеет – к сегодняшнему вечеру. Не успеет, так хотя бы к утру. Мы остановились на девяти человеках. Как думаешь, этого хватит?

– Больше – будет заметно, – согласился Андрей Вячеславович.

* * *

Джамбулат забросил за плечо ремень своей нетяжелой сумки, вздохнул перед трудным делом, которое ему предстояло, и двинулся по дороге к селу. Шел он неестественно прямо, испытывая при этом странные ощущения. Показалось, что возвращается боль в спине. Тогда, еще до суда, но во время следствия, его держали в лазарете СИЗО, где следователь ФСБ проводил первичные допросы прямо в палате. Впрочем, допросами это можно было назвать лишь с натяжкой, поскольку сам Джамбулат, слушая вопросы, предпочитал на них не отвечать, а несколько раз даже не имитировал засыпание, засыпая по-настоящему под монотонные слова следователя. А следователь бороться с таким отношением к себе не мог, поскольку уже интересовался у лечащего врача, какие уколы делают арестованному. А уколы были обезболивающие и успокаивающие, потому засыпание было естественным явлением. Это срывало все планы следователя, который собирался многое выяснить до того, как в лазарет зайвится назначенный адвокат. Впрочем, адвокат едва ли пожелал бы как-то помешать следователю и помочь своему подзащитному.

Низложенному эмиру накануне сделали сразу две операции – извлекли пулю из руки и из груди, вторая операция была достаточно сложной из-за сильного внутреннего кровотечения, потом, уже через несколько дней, не церемонясь и не дав окрепнуть, несколько раз возили на снимки позвоночника. Делали снимки, смотрели, совещались, стоит ли оперировать сам позвоночник, но делать этого, слава Аллаху, не стали, хотя лечение проводили интенсивное и мучительное. Кстати сказать, практически бесполезное, доставившее удовольствие только самим садистам врачам, поскольку после него боли не ушли, спина постоянно болела еще около двух лет, и еще несколько раз Джамбулат ложился в лазарет в самой «зоне». Не для того, чтобы вылечиться, потому что врачам не верил и был уверен в том, что все они просто дурят больных, зарабатывая себе на хлеб с маслом, а помочь не могут. Не умеют помочь... Но через два года организм с болезнью все-таки справился. В значительной степени помог массаж. Массажиста-«шестерку» из другого отряда ему выделил смотрящий «зоны», пусть и русский человек, но с уважением отнесшийся к бывшему известному эмиру. Массажист приходил каждый вечер и целый час «работал» со спиной Джамбулата, заставляя порой того не стонать, а рычать от боли нестерпимой. После этого лет пять спина не беспокоила.

Но сейчас, рядом с этим селом, показалось, что позвоночник опять, как семь лет назад, чувствует себя неуверенно. Джамбулат понимал, что это, скорее всего, так называемые фантомные боли, которые не могут быть серьезными и опасными. Так у человека, бывает, болит ампутированная нога.

Только на подступах к самому селу, уже проверив центральную улицу, на которую его выводила внешняя дорога, Джамбулат понял, почему идет так неестественно прямо. Это происходило, помимо его разума, на каком-то глубоком подсознательном уровне. Подсознательно он хотел, чтобы его узнали жители села, те, кто видел его раньше, когда он

еще был эмиром. Они видели его именно таким – прямым. Но, конечно, за семь лет многое изменилось. И образ эмира, которого местные жители видели всего несколько раз, тоже должен был бы раствориться, как какое-то неприятное воспоминание. Ведь они, его одноплеменники, за которых он воевал, за которых погиб его джамаат, не поднялись все на защиту своих лучших сынов, отсиживаясь по домам и ожидая, когда закончится неравный бой. Конечно, они и не могли тогда как-то повлиять на события, слишком большими силами вошли спецназовцы в село. Но как хотелось верить, что все могло бы быть по-другому. Верить в то, чего не было и не могло быть в действительности.

Впрочем, в действительности такие случаи бывали в первую войну, в самом ее начале, когда люди еще не разочаровались в тех, кто власть захватил. Тогда, помнится, много случаев было, когда женщины вместе с детьми и стариками шли, не сомневаясь, прямо на танки и останавливали армию своей волей и бесстрашием, всегда присущими чеченскому народу. Тогда у всех были надежды и идеалы. Но они были цинично растоптаны. А на смену идеалам пришли усталость и равнодушие.

Он входил в село и понимал, что его заметили издали, потому что на улице было слишком много людей, желающих узнать, кто это такой вышел из микроавтобуса и идет к их домам. Его, конечно, не узнали, но люди, в основном, женщины, стояли на тротуарах у своих и чужих калиток небольшими группами, тихо перешептывались, здоровались в ответ на его приветствия, однако ничего не спрашивали. Время такое, что в каждой семье, наверное, есть, кого ждать, и люди ждут постоянно, что кто-то вернется. Даже если человек погиб официально, его все равно ждут, потому что уже много случаев было, когда возвращались те, по ком плакать устали. И люди смотрели на Джамбулата, гадая, кто он такой, и в чей дом направляется, и радость он несет или горе...

Джамбулат, как решил еще раньше, шел к дому Ризвана Саадуева, местного старейшины, надеясь, что тот жив еще. Он бывал в его доме семь лет назад, тогда его встретили уважительно, и он сам уважительно отнесся к дедушке Ризвану...

* * *

Хамзат принес два армейских котелка с какой-то кашей. Он сам, как и Таймасхан, был совершенно неприхотлив в еде. Главное, чтобы в пище не было свинины. После еды, когда, оставив котелки, Хамзат вытянул для отдыха ноги, Таймасхан спросил:

– С Далгатом договариваться будем?

– Надо хотя бы выяснить, что он затеял. Я знаю, как его поставить на место. Может быть, даже получится сделать из противника союзника. Хотя и не уверен, что ненадежный союзник нам нужен. Сами справимся... Он нужен был только тогда, когда мы здесь устраивались. Но и в этом случае он предпочел сделать гадость.

Таймасхан согласно кивнул.

– Союзник нам здесь и не и нужен. А Далгат сразу слишком круто на меня двинулся. Я бы тоже хотел сказать ему пару слов. Может быть, съездим?

– Лучше сначала позвонить.

– По телефону говорить с ним не буду. Это со стороны будет выглядеть так, что я его пугаю. Я никогда и никого не пугаю. Если мне необходимо, я решаю вопрос сразу.

– Чтобы решить его сразу, надо хотя бы вечера дожждаться. В темноте проще добраться до его дома. И в сам дом войти. Он живет, кстати, неподалеку. Можно пешком дойти...

– Тогда вечером и сходим.

– Но я сначала все же позвоню. Может быть, и не придется действовать кардинально. Хотя Далгат не горец, верить ему трудно⁷. Может пожать руку и выстрелить в спину...

⁷ Жители Чечни традиционно делятся на горцев – ичкерийцев и чеченцев – жителей долин. Горцы всегда считались бедными воинами и абреками, жители долин предпочитали войне земледелие и торговлю.

– Тогда, может, и договариваться не стоит?
– Попробовать следует... Я прочувствую ситуацию. Но, в любом случае, осторожность соблюдать надо. Это я всегда помню.

– Звони, – согласился Таймасхан.

Хамзат вытащил из кармана простенькую трубку, набрал по памяти номер. Долго ждал. Наконец, ответили.

– Я хотел бы с Далгатом поговорить, – сказал Хамзат по-чеченски.

– А кто спрашивает?

– Меня зовут Хамзат. Хамзат Хайдарбеков. Он знает меня...

– Он уехал по делам. Не сказал, когда вернется. Попробуйте позже позвонить. Может, даже вечером. Только не слишком поздно. После десяти я телефон отключаю.

– А как ему позвонить на мобильник? Не подскажете?

– Я не знаю номер...

Это был откровенный обман, понял Хамзат. Не бывает такого, чтобы жена не знала номер мобильного мужа, потому что всегда возникают ситуации, когда ей требуется что-то спросить или что-то передать.

– До свидания. Я позвоню попозже...

Хамзат убрал трубку. Таймасхан разговор слышал почти весь, потому что громкость была включена на полную мощность. Но Таймасхан протянул руку и достал из своей сумки мобильник с сенсорным экраном, принадлежащий Алексею, менту в штатском. Понажимал для ознакомления экранные кнопки, потом передал трубку Хамзату.

– Последний звонок... Номер и имя, кстати, есть в списке контактов... Это трубка главного из тех ментов, кто тебя утром искал в моей квартире...

– Богато менты живут, – усмехнулся Хамзат, рассматривая трубку. – Такая тысяча тридцать стоит...

– Далгат им хорошо платит. И еще кто-то платит. Такова жизнь ментовская...

– Будь я крутым консультантом в уголовном мире, то серьезным парням рекомендовал бы ментов грабить. Всегда есть, чем поживиться...

Хамзат нажал кнопку вызова.

– Да, Алексей, слушаю тебя, – почти сразу ответил Далгат.

– Это не Алексей, – спокойно прозвучало в ответ. – Это Хамзат...

Далгат явно испытал не самые приятные минуты, потому что долго молчал.

– Ты мне ничего сказать не желаешь? – спросил Хамзат.

– О чем мне с тобой говорить, если ты объявил мне войну, – Далгат разыгрывал возмущение, но голос его показывал что-то близкое к смущению.

– Если бы мы объявили тебе войну, тебя уже сегодня хоронили бы⁸... Это ты по глупости попытался объявить войну нам. Но я думаю, что ты просто послушал дурного совета человека, который желает тебе зла, и сейчас уже сожалеешь о содеянном.

– О каком человеке ты говоришь?

– Я говорю об этом пройдохе Гилани. Хотя для тебя он, наверное, Гилани Гирмасолатович. Он любит, помнится, чтобы его называли так.

– Ты хорошо знаешь его?

– К сожалению, я слишком хорошо знаю этого скрягу. И знаю методы, которыми он пользуется, когда не желает платить. Ты чем-то помешал ему, и он решил тебя убрать. И потому натравил на нас, зная, чем это для тебя кончится. Подумай, где ты мог перебежать ему дорогу?... Где-то ваши интересы перехлестнулись. Или кто-то заплатил ему неплохо, чтобы ты не мешал. Но он тебя приговорил... Это ты понимаешь?

Таймасхану очень понравилась тактика, выбранная Хамзатом. Сам он не сумел бы

⁸ Согласно кавказским магометанским обычаям, покойников хоронят или в день смерти, или, максимум, на следующий день.

настолько круто повернуть ситуацию. В действительности, Гилани требовался такой специалист, каким был сам Таймасхан. Но Таймасхан нашел подполковника Судоплатова, интересы Гилани его не касались. Но Гилани решил выжить из этого города Таймасхана с Хамзатом и привлек амбициозного, но малоумного Далгата для выполнения своих целей. Далгат окружил себя криминальными парнями и думает, что это позволяет ему быть сильным. Но теперь уже Далгат будет думать не о том, как выполнить просьбу Гилани, а только о собственной безопасности. Он знает, что в войне против Гилани не потянет. И сам Гилани по наивности думает, что его методы могут остаться безнаказанными со стороны Таймасхана с Хамзатом. Здесь он ошибается. Таймасхан не поднимет руку на человека, которого уважает, но если он перестанет уважать человека, то нет причин, которые могут остановить его. А в данном случае речь уже идет не об уважении, можно смело говорить об адате... Но Гилани слишком высоко взлетел в своем понимании, чтобы считаться с законами гор. А надо бы считаться...

По крайней мере, для себя Таймасхан уже решил твердо, что Гилани – следующий в очереди после подполковника Судоплатова. А если будет торопиться, то может стать и первым. Очередность в списке поменять недолго, если обстоятельства вынуждают к этому.

Разговор между Хамзатом и Далгатом продолжался.

– У тебя есть какие-то доказательства этого? – спросил Далгат.

– Ты хоть знаешь, на кого он тебя натравил?

– В этом городе не я должен знать, – ответил Далгат важно. – Здесь должны знать меня...

– Моему другу плевать на город, плевать на страну. Он специалист, услуги которого тебе, например, не по карману. Если он захочет, тебя не будет... Но мне ни к чему говорить много. А относительно Гилани ты подумай. Должна быть причина...

– Есть причина, – неохотно согласился Далгат. – Мы выбрали его третейским судьей в споре. Вопрос еще не решен. Я понадеялся на честность Гилани Гирмасолатовича. Но я тоже слышал, что деньги он любит больше своей честности. Это может быть поводом...

– Не обязательно, – Хамзат опять поступил умно, не желая соглашаться с первой же причиной. Сомнения, обычно со временем переходящие в мучительные, всегда сильнее давят на психику, чем определенность. – В этом случае он мог бы дать только согласие, чтобы твой оппонент оплатил услуги любого специалиста. И все. А сам бы связываться не стал. Мне кажется, так... Думай... Должно быть что-то другое. Гилани никогда не выступает без конкретной причины. Есть у него причина тебя убить...

– Навскидку я сказать не могу... Мне надо подумать...

– Теперь давай договоримся о нашей войне. У нас дела в городе, и тебя эти дела не касаются. Мы не трогаем тебя, ты не мешаешь нам. Такое положение вещей тебя устроит?

– Мне надо подумать, – повторил Далгат.

– Думай. Я позвоню тебе еще... – Хамзат отключился от разговора и повернулся к внимательно все слушавшему Таймасхану.

– Он мне не нравится, – сказал Таймасхан.

– Нам нужен аргумент, который сделает его более сговорчивым. Мне мало того, чтобы он не воевал против нас – необходимо, чтобы он помогал. Но он, кажется, собирается остаться в стороне, предоставив нам самим разбираться с Гилани. Он тогда, естественно, останется в выигрыше.

– Будет аргумент, – согласился Таймасхан. – Как только начнет темнеть, выйдем...

– Сначала подберем новые документы, – сказал Хамзат и придвинул к себе свою сумку...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Разговор с женой – дело сложное, как предвидел Андрей Вячеславович. Она, естественно, не может отнестись спокойно к тому, что сама она и дочери находятся под угрозой, и даже неизвестно, что это за угроза и во что она может вылиться, и чего стоит ждать. Мужчина угрозу всегда воспринимает иначе, чем женщина, и жене понять состояние мужа сложно.

Однако Валентина Сергеевна выслушала Андрея Вячеславовича вполне спокойно, хотя и с напряжением. Он позвонил ей еще перед выездом из военного городка и предупредил. И потому жена уже успела многое передумать и мысленно свыкнуться с возможной опасностью. Она всегда, как большинство женщин, сначала готова была беспричинно всех и вся обвинить неизвестно в чем и только потом начинала думать логически. И тогда уже становилась спокойной и рассудительной и порой могла даже дать дельный совет.

Как ни спешил Андрей Вячеславович, чтобы попасть домой побыстрее, обычные городские автомобильные пробки, свойственные всем без исключения большим городам России, дали возможность Валентине Сергеевне «пар выпустить» и мужа встретить уже с холодной головой, чему он, конечно, мог только радоваться.

– И что мы будем делать? – спросила она.

– Их ищут... Менты ищут, другие чеченцы ищут, ФСБ ищет...

– Найдут?

– Трудно сказать, – честно ответил подполковник. – Большую группу найти легче, чем пару человек. Кавказцев в каждом городе – хоть палкой гоняй. Проверять будут, но даже если всех проверят, где гарантия, что у них нет других документов. Предположим, побитые менты смогут дать словесный портрет, даже фоторобот составят. Помнишь, однажды я тебе показывал фоторобот, который на меня делали...

– Помню. Там кто угодно был, только не ты...

– Вот и я о том же говорю. Гарантии никакой. Процент пять – вероятность.

– И что делать?

– Единственная возможность для нас для всех обрести покой – это их поймать.

– Самим?

– Из тебя получится великолепный ловец бандитов. Это я понимаю... – сухо заметил Андрей Вячеславович. – Из девчонок наших – не хуже...

– Алинка с любым бандитом справится...

– Алинка может... – не мог не согласиться Судоплатов, хотя сомнения тоже были. Младшая дочь Андрея Вячеславовича Алина, второкурсница университета, уже восемь лет регулярно занималась айкидо. И год назад был случай, когда ее, угрожая ножом, пытались ограбить в подъезде двое кавказцев. Кавказцам не повезло. Под конвоем ментов их сначала отправили в травматологический пункт городской больницы, а потом уже и в камеру райотдела. Однако инвалидами оба остались на всю жизнь. – Но против оружия и айкидо не поможет... Там уж, как повезет...

– И что нам делать? – опять спросила Валентина Сергеевна. – Уехать? И как учеба у девочек? Да и куда уехать? Не будешь же всю жизнь прятаться...

– Вот здесь главное и кроется... – вывел Андрей Вячеславович резюме. – Поймать их возможно только тогда, когда они сами на нас выйдут. На меня, на тебя или на девочек... Иначе придется всю жизнь, как ты говоришь, прятаться...

– Ты мне пистолет дай, – потребовала Валентина Сергеевна.

– Лучше каждой из вас по автомату... И про бронежилеты спросить забыла... Короче говоря, дело обстоит так. Наш начальник штаба вышел с предложением выделить для каждой из вас по группе охраны. В этом случае будет возможность заблокировать бандитов и уничтожить. Я понимаю, что это доставит и тебе, и девочкам много неудобств. Но иного выхода я пока не вижу...

– А тебе?

– Мне – охрану? – улыбнулся подполковник. – Я – сам себе охрана. И буду только

счастлив, если они напрямую на меня выйдут. Только меня сильно смущает тот факт, что справки этот Хамзат Хайдарбеков наводил не только обо мне, но и обо всех вас. Возможно, ищет вариант, как ударить болезненнее.

– А кто он вообще такой? Они – кто такие?

– Один воевал в банде, которую я со своей ротой семь лет назад уничтожил. Второй – сын главаря банды. Сам главарь сейчас, кажется, «сидит», а сыночку его нейдет... Тогда, когда банду уничтожали, два человека смогли уйти. Может быть, это оба они и были. Хотя сын молод для войны, но я не исключаю и такой вариант. Может быть, один Хамзат ушел с кем-то... Но факт остается фактом – они сейчас здесь, и нам следует с этим бороться...

Начать немедленную борьбу с кровавыми бандитами Андрею Вячеславовичу помешал телефонный звонок. Он вытащил из чехла мобильник, посмотрел на определитель. Звонил командир бригады.

– Подполковник Судоплатов. Слушаю вас, товарищ полковник.

– Андрей Вячеславович, мне только что позвонил майор Соломатов. Есть интересные и серьезные новости.

– Слушаю.

– ФСБ забрала из милиции расследование, и делом сейчас уже занимается даже не особый отдел, а региональное антитеррористическое управление. Майор Соломатов временно прикомандирован к ним, как человек, наиболее знакомый с обстановкой. Будет между нашими ведомствами играть роль своеобразного буфера. И вот он передал первые данные. Пришел ответ по запросу из всероссийской дактилоскопической лаборатории. «Пальчики» Таймасхана Гарсиева, если это действительно он, зарегистрированы не только в четырех городах России, но и в трех европейских странах, и человек с этими отпечатками находится в розыске по линии Интерпола. Официально считается, что это профессиональный киллер высокой квалификации, чрезвычайно хладнокровный, рискованный и, одновременно, осторожный; непревзойденный, как говорят, стрелок из пистолетов. Стреляет с обеих рук, и всегда в голову, чрезвычайно быстро. Интерпол за ним охотится уже четыре года, но все безуспешно. Они не знают даже его имени, потому что везде он работал под прикрытием разных документов, разумеется, фальшивых...

– Извините, товарищ полковник...

– Можешь не извиняться, я уже закончил по первой теме. Что у тебя?

– Во время уничтожение банды Джамбулата Гарсиева, как вы знаете, два человека прорвались прямо сквозь нашу цепь. Пока четверо осматривали двух убитых, а еще дворе стреляли в убегающего, появился еще один, стрелял с двух пистолетов, точно в голову, и очень быстро. Для такой ситуации, как я считаю до сих пор, это слишком большие потери. Никто не успел дать очередь навстречу. Значит, мы можем предположить, что это был...

– Что это был Таймасхан Гарсиев. А второй, раненый, – Хамзат Хайдарбеков. Это я уже предположил...

– Он мне нужен, товарищ полковник, – не сказал, а даже прошептал подполковник Судоплатов. – Я должен его найти. Именно я...

– Думаю, у тебя будет такая возможность. Теперь слушай дальше. Еще один важный, на мой взгляд, момент. Десять дней назад окончился срок у Джамбулата Гарсиева. Сейчас он находится в Чечне, пытается устроиться, как говорят, в мирной жизни, но пока не устроился. Майор Соломатов сказал, что в Чечню ушла просьба отследить все контакты Гарсиева-старшего и, по возможности, прослушать его телефонные разговоры...

– Это может быть связано с появлением у нас Гарсиева-младшего и Хамзата Хайдарбекова, но вовсе не обязательно. Между ними две с половиной тысячи километров. Если бы они были связаны, то постарались бы встретиться. Хотя я не знаю, что между ними за отношения, поэтому судить категорично не берусь.

– Ладно. Начальник штаба сказал, что офицеры для охраны твоей семьи будут готовы сегодня к вечеру. Восемнадцать человек: шесть троек. Сутки дежурит девять человек, сутки их сменяют другие. С женой поговорил?

- Как раз сейчас разговариваем.
- Против охраны не возражает?
- Относится с пониманием.
- Ну и добро... Как только все будут готовы, я позвоню. Встречай, сам поставишь задачу и определишь условия. Дочери когда дома будут?
- Сегодня воскресенье. Они не на занятиях. Где-то бегают. Не думаю, что ушли надолго... Младшая, наверное, на тренировке. Мы им позвоним, вызовем.
- Вызывай сразу. Мы не знаем, что на уме у этих ублюдков. Чем младшая дочь занимается?
- Айкидо.
- А... Помню, ты же рассказывал... В прошлом году...
- Да, это она.
- Везет же некоторым. А у меня старший сын сутками за шахматной доской просиживает, а младший – столько же за компьютером. Хиляки оба... Кстати, характеристика на неизвестного, хотя теперь уже и предполагаемого киллера из розыска Интерпола: особо опасен при задержании, в совершенстве владеет приемами рукопашного боя. Предупреди дочь. А то связаться может... А это не просто бандюган...
- Обязательно предупрежу. Мне уже рассказывали, что он без оружия разделал в пух и прах четверых вооруженных ментов.
- Ну, менты – это не показатель. Я, человек уже в возрасте, пятерых ментов разделаю, – заметил Барсук. – Тебе, думаю, десяток по силам...
- Стараюсь держать себя в боевой кондиции, – скромно подтвердил Судоплатов.
- Ладно, звони дочерям.
- Я так и хотел. Сейчас жена будет звонить.
- Пусть они согласуют с охраной свое времяпровождение. И объясни им доходчиво, чем грозит пренебрежение безопасностью. Еще... Я запросил материалы по европейским делам. По тем, что в Интерполе. И по делам в других городах. Обещали подослать, что подослать можно. Там дела не закрыты, следовательно, все выложить нам не могут, поскольку мы к следственным органам отношения не имеем. Но, просто из уважения, в общих чертах обрисуют произошедшее. Тебе не интересно?
- Интересно, товарищ полковник. У дежурного есть номер моей электронной почты. Если будет возможность, пусть сбросит текст. Если есть фотографии, тоже...
- Фотографий нет. Побитые менты составили четыре фоторобота. Ни один из них, как сказал майор Соломатов, не похож на другой. Не определишь. Но если что-то будет, Владимир Анатольевич тебе позвонит сам. Я дал ему номер.
- Понял. Мне бы тоже его номер. Мало ли, вопросы появятся...
- Полковник Барсук продиктовал. Андрей Вячеславович записывать не стал, потому что телефонные номера он всегда запоминал легко.
- Жди охрану.
- Мы ждем...

* * *

Джамбулат хорошо помнил этот старый и слегка покосившийся дом. Он даже помнил, что в доме подсел пол в одном из углов кухни. Почва здесь глинистая, глина зимой «гуляет», шевелит фундамент. И никого из близких молодых родственников, кто мог бы угол поднять и пол исправить, не осталось в живых. Всех забрала война. Тогда, во время своего недолгого визита к бабушке Ризвану, Джамбулат, тогда еще эмир джамаата, хотя уже почти разгромленного, все же силу свою еще чувствовал и обещал хозяину помочь финансово с ремонтом дома. Помочь он хотел из уважения к его погибшим сыновьям и внукам, но не успел, потому что уже на следующий день был ранен и попал в плен. Но теперь шел прямо к этому дому, надеясь, что старый Ризван Саадиев еще жив.

Старика Джамбулат увидел издали и рад был, что увидел. Но стоял тот не у своего двора, а возле калитки соседнего, и две женщины, пожилая и молодая, что-то старику говорили. Старик был так же прям, как и раньше, хотя и опирался двумя руками о посох. Однако плечи, за долгую жизнь привычные к распрямленному положению, и сейчас горбиться не желали. Джамбулат двинулся прямо к ним.

– Здравствуй, дедушка Ризван, – сказал он, приложив руку к сердцу и наклонив голову.

– Здравствуй... – ответил старик слегка настороженно, всматриваясь в лицо и пытаясь вспомнить, где с этим человеком встречался. Но то ли память уже начала подводить, то ли зрение, узнать он не смог. – А ты кто будешь?

– Меня зовут Джамбулат Гарсиев. Я был у тебя в гостях семь лет назад. Помнишь?...

Старик недолго помолчал, потом сказал уже тише:

– А... Эмир Гарсиев... Помню тебя. Чего ты хочешь?

– Я хотел зайти к тебе в гости, чтобы пожелать долгих еще лет жизни, – Джамбулат не обиделся на прямой вопрос, прозвучавший вместо традиционного приглашения в дом. Видимо, эмиры былых дней уже не пользовались уважением, и это, наверное, было естественным явлением, потому что эмиров было много, и большинство из них оставили по себе память не добрую.

– Ну, коли так, пойдём...

Ризван Саадуев, хотя и держался прямо, посох все же взял в руки не зря, потому что ноги слушались его плохо, и передвигался он очень медленно. Но все же пошел впереди, как и полагается старшему по возрасту, более того, старшему в селе, а Джамбулат, спиной чувствуя настороженные взгляды двух женщин, так же тихо двинулся за ним.

Крыльцо со временем покосилось еще больше, и дедушке Ризвану подниматься по нему было опасно. Однако он все же поднялся и остановился на веранде, с которой вела дверь в дом. И веранда тоже показалась кривой, и доски пола «гуляли» под ногами.

– Сколько тебе лет, дедушка Ризван? – спросил Джамбулат.

– Прошлой осенью сто шесть, говорят, исполнилось. Это по паспорту. А паспорт-то давали со слов родителей. В жизни я еще года на три, кажется, старше... Они хотели меня помоложе сделать... Не помню уж, зачем...

Дверь, конечно, не имела ни замка, ни даже задвижки, и вообще едва ли когда-то закрывалась. Старик прошел в дом, потом – сразу в большую кухню, где и принимал Гарсиева семь лет назад. Джамбулат прошел за хозяином следом. Пол в кухонном углу осел еще больше.

– Помнишь, дедушка Ризван, я обещал тебе денег на ремонт пола дать...

– А мне кто только не обещал, – вздохнул старик. – И люди, и власть... И никто не дал...

– Я за свое слово всегда отвечаю. Просто тогда, семь лет назад, меня уже на следующий день ранили и захватили в плен. И семь лет я на «зоне» был...

– Семь лет – это много... А сейчас, стало быть... – старый Саадуев заговорил о том, что его волновало, потому что скрывать у себя беглого боевика, наверное, было по нынешним временам опасно.

– Срок вышел, я на свободе... Вспомнил про обещание, деньги привез...

Джамбулат вытащил из кармана две заранее приготовленные пятитысячные купюры и положил на стол, под тарелку.

– Спасибо тебе, что не забыл своего слова. Издавна в нашем народе слово было ценным. Сейчас не то, сейчас люди испортились, слова роняют и не поднимают. И народ уже не тем стал, что прежде. Меня твое отношение к слову больше денег радует. Спасибо! Значит, не все еще для нас потеряно...

Они некоторое время молчали, потом Джамбулат выложил на стол нехитрое угощение, что припас для старика.

– Что это я сижу... – вдруг засуетился Саадуев. – Водку я не держу, а чаем угостить готов...

– Я спросить хотел... – приступил Джамбулат к основной части разговора.
– Спрашивай...
– Семь лет назад, когда мой джамаат уничтожили, несколько человек наших смогли уйти... Ты ничего, дедушка Ризван, про них не слышал?
Тот посмотрел внимательным взглядом.
– Хочешь новый джамаат собрать?
– Нет. Я свое отвоевал... Сейчас от моей войны толку никакого не будет.
– Тогда зачем они тебе?
– Мой сын... Среди убитых его не было...
Старый Ризван снял в газовой плиты чайник и замер с ним в руках, о чем-то думая.
– Слышал что-то? – спросил, волнуясь, Гарсиев.
– Сейчас и не упомяну все... Вроде бы, говорили люди... Спроси у Сосланбека. Мне кажется, он должен помнить... Кажется, он что-то говорил... Не знаю, много времени прошло...
– Сосланбек – это кто? – на всякий случай, чтобы не показывать старую связь и не подставлять самого Сосланбека, переспросил Джамбулат.
– Наш бывший фельдшер. Сейчас фельдшер другой, какой-то молодой парнишка, к которому пойти страшно – что он умеет? – а Сосланбек на пенсии. Спроси его, он скажет точно...
Последние слова уже прозвучали уверенно. Настолько уверенно, что Джамбулат сам почувствовал уверенность: фельдшер Сосланбек что-то знает.
– Он в старом доме живет? У старого фельдшера я был. Он мне спину лечил...
– Где и жил...
– Спасибо. Чаю попьем, я к нему схожу... В дороге пыли наглotalся. Во рту что-то сохнет...
– Откуда сейчас пыль? Снег не везде сошел.
Но во рту у Джамбулата в самом деле сохло...

* * *

Валентина Сергеевна быстро дозвонилась Марине, старшей дочери, и категорично потребовала, чтобы та немедленно вернулась домой. Марина, видимо, была в это время не одна, говорила скомкано и короткими фразами, и даже вопросы задавала сдержанные, на которые мать отвечала без подробностей.

– Срочно. Это необходимо... Мы все в опасности... Все узнаешь дома...

Марина пообещала, хотя и неохотно. Но Андрей Вячеславович дочерей воспитывал в военной строгости и дисциплине, и потому сомнений не было, что дочь вскоре вернется. А вот Алине дозвониться никак не удавалось. Холодный компьютерный голос сообщал, что телефон абонента или выключен, или недоступен для связи. И это Валентину Сергеевну сильно беспокоило, потому что тренировка у дочери должна была давно закончиться, а трубку она выключает только во время тренировки. Мест в городе, где телефон может быть недоступным для связи, практически не было. По крайней мере, чтобы номер был недоступным такое продолжительное время. И Валентина Сергеевна продолжала звонить до тех пор, пока в замке не зашевелился ключ – это пришла сама Алина. Оказалось, что у нее просто разрядилась трубка.

В ожидании Марины, чтобы каждой из дочерей не повторять одно и то же, Андрей Вячеславович включил компьютер и сразу принял по электронной почте большое письмо из бригады. Как и обещал полковник Барсук, дежурный выслал по его просьбе все материалы, что пришли на Таймасхана Гарсиева из Интерпола и из антитеррористического управления ФСБ России.

Подполковник отправил подтверждение получения и начал сразу читать. По большому счету, это было даже не досье как таковое, а только выдержки из досье, которые посчитали

возможным передать в ГРУ. Естественно, имени и фамилии в материалах не упоминалось, назывался только идентификационный код базового файла с отпечатками пальцев, засветившимися в пяти случаях из семи. Еще два случая вошли в общий список бездоказательно, только лишь по схожести почерка киллера. А почерк был эффектный и не оставляющий надежды на выживание жертвы. Таймасхан Гарсиев, если только это действительно был он, стрелял одновременно из двух пистолетов точно в голову, и всегда в лицо, никогда не подходя заказанной жертве со спины. В этом просматривалась какая-то приверженность горским традициям. Сразу вспоминался классический эпизод из русской истории восемнадцатого века со сдачей в плен Шамиля, когда тот ехал верхом к русским войскам, а ему кричали со спины бывшие его сторонники, требуя обернуться, но Шамиль не оборачивался. И противники его сдачи не решились выстрелить в своего бывшего предводителя, потому что горские законы запрещали стрелять человеку в спину. Правда, та же самая история говорит, что эти законы не всеми и не всегда выполнялись. Абрек на Кавказе считался уважаемым человеком, но Андрей Вячеславович читал монографию по движению абреков, и в большинстве случаев документально было доказано, что кавказские абреки честью своей не дорожили, стреляли только из засады и в спину противнику, да и то лишь в том случае, если после этого могли уйти безнаказанными. А все легенды о геройстве и бесстрашии абреков – ложь, народная выдумка. Но Таймасхан Гарсиев, если и чувствовал себя настоящим абреком, то законы гор уважал. Это отмечено во всех семи случаях, хотя во всех же семи случаях он имел возможность стрелять и в спину. Впечатление складывалось такое, что Таймасхан хотел перед выстрелом посмотреть жертве в глаза и при этом сам наслаждался своим змеиным хладнокровием. В принципе, за отвагу и самообладание, за боевую дерзость можно было бы человека и уважать, если бы не его кровожадность, отмеченная в каждом из семи случаев. После выполнения заказа Таймасхан всегда опустошал обоймы, расстреливая свидетелей. А работал он обычно в людных местах. Однажды в Словакии даже в присутствии полицейского, которого тут же и застрелил. Убийство свидетелей как-то не вписывалось в общую картину. Свидетелей убирает тот, кто отчаянно боится быть узнанным. А он, похоже, вообще никого не боится. И потому это больше походило на волчьи повадки. Волк, забравшись в овчарню, убивает всех овец, но уносит только одну, первую, которую убил. Инстинкт волка не позволяет ему остановиться, однажды начав убивать...

Еще одна характерная деталь, которую нельзя было не отметить. Все жертвы Таймасхана – чеченцы, бывшие боевики, и не из простых, обосновавшиеся за границей и живущие неплохо, по крайней мере, обеспеченно. Это тоже давало какую-то зацепку, хотя зацепиться у подполковника Судоплатова возможности не было, поскольку следственными полномочиями спецназ ГРУ никто не наделял, и даже данные из досье выложили выборочно, без деталей. О том, что следствие разрабатывает какие-то версии, не было сказано ни слова. Но сомневаться не приходилось – эти версии существуют, и над ними интенсивно работают ответственные люди. Если люди из ФСБ, то это могло бы дать результат. Ментам же Судоплатов не верил, и из всех ментовских подразделений с уважением он относился только к ОМОНу. Без этого никак. Плечом к плечу с омовцами он еще в той же Чечне воевал...

После совершения очередной акции всегда находили следы одного или, по крайней мере, двух людей, подозреваемых в причастности к убийству. Но следы находили только тогда, когда эти люди исчезали из поля зрения преследователей. За границей они обычно устраивались в гостиницах. В России – на съемных квартирах или в частных домах. Иногда, если требовалась длительная подготовка, даже регистрировались по месту проживания. Все документы были на разные имена, но не вызвали ни у кого сомнения. Следовательно, резонно предположить, что они были настоящими. По крайней мере, абсолютно точно, что настоящими были загранпаспорта, и эти загранпаспорта выдавались, как было установлено, вполне официально, в соответствии с российскими паспортами по заявлению обратившихся в соответствующие службы граждан. Но потом этих граждан найти не удавалось. Просто исчезали они, выпадали из поля зрения следственных органов, и впоследствии, уже

объявленные в розыск, нигде не «светились»...

2

Таймасхан давно убедился, что Хамзат был предусмотрительным и запасливым человеком. Еще пять лет назад, когда подвернулась возможность, он запасся настоящими документами на себя и на Таймасхана во многих экземплярах, но на разные имена и фамилии. Нужные люди вывели Хамзата с Таймасханом на нужного человека, готового оказать за соответствующее вознаграждение полезную услугу. Тогда еще не просматривалось острой необходимости в этих документах. Но Хамзат предполагал, что они всегда могут пригодиться. Правда, чтобы обеспечить себе на будущее безопасность, пришлось заставить навсегда замолчать человека, который эти документы им делал, продажного ментовского полковника, начальника одного из районных отделов внутренних дел Ставропольского края. Но с полковником поступили честно. Ему сначала заплатили, он отнес деньги домой, и деньги большие, должно было хватить на несколько похорон, а потом Хамзат, позвонив и назначив последнюю встречу, сам застрелил его. Тоже, в подражание Таймасхану, выстрелом в голову. Но одиночным выстрелом, потому что стрелять сразу с двух рук точно Хамзат не умел, и сколько Таймасхан не старался обучить его, результата не было, только патроны зря тратили, а патроны к двум «береттам» добывать стало уже сложно, да и стоили они несравненно дороже патронов к тому же «макарову» или «стечкину». Но все же не скупилась, стреляли, однако результата не увидели. Должно быть, для такой стрельбы необходим был особый талант, которым был награжден только один Таймасхан.

Небольшой металлический ящичек, лежавший в сумке Хамзата в самом низу, был разделен на две половины. В каждой хранились документы на одного из них. В этот раз, прибыв сюда, в этот город, по настоянию Таймасхана, оба они жили по своим настоящим документам. Таймасхану хотелось, чтобы выплыла его фамилия и стало понятно, за что поплатился подполковник спецназа ГРУ. Тогда бы это была настоящая и громкая месть, можно сказать, заранее объявленное убийство. Все было бы сделано в соответствии с правилами адата, от которых отступать нельзя. А невозможность после окончания дела использовать свои настоящие имена и того и другого волновала мало, потому что оба они не были ничем связаны. Память отца, носящего фамилию Гарсиева, никуда не ушла бы от Таймасхана. А прикрытие любой другой фамилией и другим именем принципиального значения не имело. Что касается Хамзата, то, потеряв в течение двух войн всех родственников и жену с сыном, он вообще редко свою фамилию вспоминал, и, как Таймасхану казалось, тяготился ею, потому что эта фамилия заставляла его вспоминать и грустить. Но жить постоянно в воспоминаниях и грусти нельзя, это недостойно мужчины, и потому Хамзат всегда предпочитал, чтобы его звали только Хамзатом, без отчества и фамилии.

– Бери любой, – сказал он, когда рука Таймасхана застыла перед раскрытым ящичком. – Среди них не может быть ни лучшего, ни худшего, потому что одной рукой выписаны...

Таймасхан вытащил тот паспорт, что был посредине. И посмотрел фотографию, чтобы убедиться, что не вытащил паспорт Хамзата. В каждый паспорт были вложены и водительские права, и карточка пенсионного страхования. Эти документы делались чуть позже, когда возникла такая необходимость. Не было только карточки медицинского страхования, поскольку к врачам ни тот, ни другой предпочитали не обращаться даже тогда, когда болели. «Больничные листы» им предъявлять было некуда, а с простудой оба могли справиться собственными силами. Но, когда предъявляешь по требованию документы, такие мелкие детали, как наличие других документов, подтверждающих твою личность, обычно производят впечатление. Это была задумка Хамзата, который желал избежать более тщательных проверок, поскольку по старым своим грехам амнистии не подлежал, в отличие от Таймасхана, который вообще не числился в списке боевиков по причине своего

малолетнего возраста в тот период, когда велись боевые действия.

Именно поэтому Хамзат был против, когда Таймасхан твердо решил, что в этом городе они должны жить по своим настоящим документам.

– Ты считаешь, что у каждого мента поганого в кармане список всех разыскиваемых боевиков? – сказал тогда Таймасхан. – Они даже своих блатных разыскать не могут...

– Своих – да... А к нам особо придираются...

– Пусть придираются. Больше придираться, значит, не придется вообще ни к кому... Так надо. Чтобы знали...

Хамзат понимал Таймасхана. Когда можно было спорить и убедить, он спорил и убеждал. Сейчас наступил тот момент, когда убеждать было бесполезно, потому что в дело вступил принцип. И Хамзат согласился. Но долго жить по своим документам им не дали. И в этом была уже не вина Хамзата, как и не вина Таймасхана. Менты в самом деле придрались, но совсем по другому поводу. И отделались легче, чем могли бы отделаться.

– Уже вечереет, – заметил Таймасхан.

– Здесь не горы. Здесь вечереет долго. Успеем еще...

* * *

Наверное, единственное, что мог себе позволить на современную мизерную пенсию дедушка Ризван, так это хороший чай. И заваривал он его хорошо. Не такой крепкий, к какому привык Джамбулат на «зоне», где пили или чефир, или чай, близкий к чефиру, к тому же только черный. Здесь был вкусный и ароматный зеленый чай, который следовало пить долго и с пониманием всей прелести чайных ощущений. Не зря японцы придумали целые чайные церемонии. Вкусный чай должен быть праздником.

Джамбулат заметил, что старик не притронулся к угощению, которое он привез ему, но это было, видимо, от стеснения.

Но чай не помогал от ощущения сухости во рту. И только тогда Джамбулат понял, что это от волнения. Если он нашел след сына, то сможет, наверное, и его самого найти. Он чувствовал, что сможет это сделать, и потому хотелось навестить бывшего фельдшера как можно скорее. Но сразу встать и уйти было нельзя. Это значило бы оказать неуважение дому, который тебя принял, и хозяину дома. И все же время идти подошло. И только Джамбулат вроде бы встал, когда в дверь неожиданно громко постучали, и тут же, не дожидаясь приглашения, вошли трое ментов с автоматами. Вошли, не ворвались, хотя держались настороженно. С дедушкой Ризваном поздоровались уважительно, но остановились против Джамбулата. Один сразу сзади зашел.

– Гости у нас, – сказал старший.

– Гость у меня, – неожиданно резко ответил старик. – И незваные гости, которые оскорбляют мой дом и мое гостеприимство.

Старший мент слегка опешил.

– Извините, дедушка Ризван. Просто нам известно, что за гость к вам пожаловал...

– Мне тоже это известно. Плохих людей я у себя не принимаю. Плохие люди для меня гости незваные.

– Значит, мы – плохие люди? – спросил старший мент с легкой насмешкой, но и с вызовом.

Джамбулат понял, что, во избежание конфликта, и ему пора свое слово сказать.

– Если вас интересует моя персона, давайте выйдем на улицу и там поговорим.

Старший мент глянул на старика и нехорошо усмехнулся. Менты всегда не понимают, за что их народ не любит, и не верят в эту нелюбовь, потому что слишком сильно любят сами себя.

– Пойдем, коли сам просишь...

– Извини, дедушка Ризван. Я к тебе еще зайду сегодня, если не возражаешь, – сказал Джамбулат.

– Приходи ко мне ночевать. У меня места много, и мне не скучно...

Если бы не нахальные менты, старик, может быть, и не пригласил бы, – понял Джамбулат. А этим приглашением он показывал свое несогласие с ментовской наглостью и свое право на собственное мнение, пусть и идущее вразрез с мнением власти.

– Спасибо...

Джамбулат хотел забросить на плечо ремень сумки, но мент, что стоял за спиной, сумку перехватил.

– Носильщик? – усмехнулся Джамбулат. – Ну-ну... Работай... Если бесплатно...

И пошел к двери. Но один из ментов все же обогнал его и на крыльцо вышел первым, чтобы «осмотреть» стволом автомата двор. И только после этого осмотра освободил выход.

В том же порядке, в котором дом покидали, вышли сначала во двор, потом за калитку. Там остановились.

– Предъявляй документы, гость, – потребовал старший из ментов.

Джамбулат на это никак не среагировал, поскольку никакой вины за собой не чувствовал. Он достал паспорт, молча протянул.

Старший мент взял их, просмотрел внимательно, потом вытащил из нарукавного кармана коротковолновую рацию и куда-то передал данные. Пока данные проверяли, два других мента перерыли всю сумку Джамбулата. Он это видел только отчасти, но демонстративно отворачивался, считая, что если менты захотят что-то взять, то они все равно возьмут, но, по большому счету, в сумке и брать было нечего.

– Паспорт только что сменил? – спросил тем временем старший мент.

– Не менял, а получил.

– Без паспорта жил?

Кто живет без паспорта, знали все. Тем, кто в горах и лесах укрывается, паспорт часто бывает не нужен. Хотя некоторые, кто на зиму домой возвращается, стремятся его тоже иметь. А еще лучше загранпаспорт, потому что на зиму лучше уходить за границу.

– Получил только что. По справке...

– По какой справке?

– Об освобождении.

Старший мент посмотрел внимательнее.

– Срок большой?

– Семь.

– Общак?

– Строгий.

– Понятно...

У мента даже тон разговора сменился. И в это время рация дала сигнал вызова. Мент ответил сразу же. Выслушал сообщение, приложив трубку рации к уху и отключив громкость.

– Я понял... Да. Понял я...

Убрав рацию, старший мент вернул Джамбулату паспорт.

– Иди, эмир... Только скажи сначала, что в наших местах делаешь?

– Вспоминаю.

– Что вспоминаешь?

– Как здесь мой джамаат перестреляли...

– Семь лет назад?

– Семь лет назад.

– Ладно. Иди...

Несмотря на сказанные слова, похожие на приказ, Джамбулат на месте остался, а менты, как-то по-особенному значительно переглянувшись, ушли сами. И даже сумку застегнули и поставили рядом с Джамбулатом. А он, проводив их тяжелым взглядом, вздохнул, перебросил ремень сумки через плечо и двинулся к дому бывшего фельдшера, а ныне пенсионера Сосланбека. Но через пять шагов остановился. Очень ему не понравилось,

как переглядывались менты. И потому Джамбулат свернул к ближайшим кустам, сел там на камень и раскрыл сумку, чтобы проверить содержимое. Небольшой целлофановый пакет с сероватым порошком нашелся быстро, его засунули во внутренний боковой кармашек сумки. Похоже было на наркотики. Чтобы не оставлять отпечатков на целлофане, Джамбулат взял пакет запасными чистыми носками и выбросил. Потом сверху камнем заложил. Хорошо, что жизнь приучила его не верить ментам...

Теперь можно было идти к фельдшеру. Но из опасения, что кто-то наблюдал за ним со стороны, Джамбулат, покидая кусты, демонстративно подтянул ремень на штанах...

* * *

Наконец-то и старшая дочь пришла. Но, уже позвонив как обычно в дверь, потому что никогда не любила своим ключом пользоваться, долго еще стояла на лестничной площадке даже после того, как Валентина Сергеевна дверь открыла. Разговаривала с каким-то провожающим ее парнем. И не спешила домой, хотя мать во время телефонного разговора предупредила Марину, что ее ждут. Но у молодежи свои дела, и молодежь всегда считает, что старшие могут подождать. Ни Андрей Вячеславович, ни Валентина Сергеевна дочь не торопили. Мало ли что, может, разговор серьезный.

Она вошла только минут через сорок после звонка в дверь. Вошла сияющая и счастливая настолько, что упрекнуть ее никто не рискнул. Да и в чем было упрекать? Что заставила родителей так долго ждать? Но она сама могла бы в ответ упрекнуть, что они мешают ей устраивать свою личную жизнь.

– Ладно, все собрались, все живы и здоровы, и то хорошо, – сказал, входя в кухню, где его дожидались Валентина Сергеевна с двумя дочерьми, Андрей Вячеславович. – А теперь попрошу слушать внимательно...

Однако сразу сказать ему не дали, потому что в кармане зазвонил мобильник. Подполковник ответил сразу.

– Да... Да... Пусть подъезжают... Поместимся... В крайнем случае, на полу сядут... Выехали? Ну и хорошо. Квартиру многие знают.

– Похоже, гости намечаются, – улыбаясь, сказала Марина.

Младшая сестра молчала. Мать ей, похоже, уже в общих чертах обрисовала ситуацию. Насколько младшая была серьезна, настолько же старшая была всегда легка нравом. И в этом дочери Андрея Вячеславовича были совершенно не похожи одна на другую.

– Гости будут серьезные. Восемнадцать человек офицеров спецназа выделено в охрану нашей семьи. Не каждому министру такое выпадает...

– В охрану? – по-прежнему улыбаясь, спросила Марина. – Вот уж чего мне не нужно, так это охраны.

– Нужно, – сказала Валентина Сергеевна.

Марина поочередно внимательно посмотрела на мать и отца, потом на сестру, которая тоже молчала. И стала ждать объяснений. Андрей Вячеславович начал объяснять коротко, почти по-армейски, и не вдаваясь в детали там, где этого не требовалось, но особенно подробно рассказал о том, что за человек интересуется их семьей. Вернее, не один, а двое, но, не имея достаточной информации о Хамзате Хайдарбекове, рассказывал в основном о находящемся в международном розыске киллере, подразумевая при этом, естественно, Таймасхана Гарсиева.

– Вот, исходя из всего этого, – закончил Андрей Вячеславович, – командование бригады приняло решение выделить нашей семье охрану. По три человека на каждого. Трое страхуют Алину, трое – Марину, трое обеспечивают безопасность квартиры...

– А тебе самому? – спросила Алина. – Охотиться этот убийца будет в первую очередь за тобой...

– У меня есть охрана, – не стал вдаваться в подробности отец.

Марина встала и подошла к окну, повернувшись ко всем спиной.

– Ну вот, – сказала не оборачиваясь. – А мне сегодня предложение сделали.
– Значит, свадьба на носу? – то ли усмехнулся, то ли просто поморщился Андрей Вячеславович.

– Я сказала, что подумаю... Я же человек вдумчивый и неторопливый.

– Кто? – Валентина Сергеевна тоже встала.

– Володя. Вы его не знаете. Мы познакомились-то месяц назад...

– Тоже студент? – спросил Андрей Вячеславович.

– Нет. Он в прошлом году наш же факультет закончил. Сейчас работает...

– Это как-то мешает осуществлению наших планов? – спросил отец.

– А как я с ним встречаться буду? Под присмотром охраны? Или вообще встречи отменить?

– С охраной ты выглядеть будешь солиднее, – невесело пошутила Алина. – Он подумает, что ты шибко крутая и денежная.

– Зачем так зло, – обернулась Марина. – Он и без того обиженный. Ростом мне чуть выше плеча...

– Разговорчики в строю, – строго остановил перепалку Андрей Вячеславович. – Все должны осознать, что эта мера вынужденная, и кончится все только тогда, когда будут ликвидированы сами бандиты. А ликвидировать их можно только тогда, когда они на нас выйдут. Следственные органы не видят пока возможности найти их, поскольку никто не знает их в лицо, а документы у них на разные имена и фамилии, и при этом документы такие, которые невозможно отличить от настоящих. Стоп...

Подполковник сам себя остановил и задумался.

– Что? – спросила Валентина Сергеевна.

– Ничего... Мысль пришла, за которую следяки, кажется, не ухватились...

Он вытащил из кармана трубку и пошел в комнату, чтобы никто не мешал разговаривать. Номер майора Соломатова был в памяти еще свеж. Владимир Анатольевич ответил быстро.

– Подполковник Судоплатов... Владимир Анатольевич, мне мысль пришла в голову интересная... Может, и до меня кто-то додумался, тем не менее, на случай...

– Слушаю вас, Андрей Вячеславович.

– Я тут познакомился со всеми материалами, что нам предоставили. И обратил внимания, что ни разу ни один паспорт не вызвал сомнения. Похоже, что паспорта настоящие. Может быть, конечно, фотографии переклеены, но технически это тоже сложно. А если паспорта готовили сразу партией, то возникает вопрос: где готовили? Можно проверить по всем известным следствию данным эти паспорта на схожесть? Номера, серии, место выдачи, подписи выдавших и прочее...

– Я могу только поздравить вас, товарищ подполковник. У вас большие задатки следователя. Я сейчас же передам ваше предложение следователю, пусть подготовит запрос. Точные данные наверняка указывались при получении каждого загранпаспорта. И обязательно записывались при регистрации по месту жительства. Мы сверим это. Будут результаты, я вам сразу и сообщу... А будут еще идеи, милости прошу, в любое время дня и ночи...

– Жду вашего звонка...

Не успел Андрей Вячеславович убрать трубку, как раздался звонок в дверь. По многим голосам, раздавшимся с лестничной площадки, Судоплатов сразу понял, что охрана уже подъехала. Осталось только провести подробный инструктаж и выработать план...

* * *

Хамзат нашел где-то в глубине дома охранника Василича, объяснил коротко, что им необходимо сходить на важную встречу. Василич, словно и не был никогда ментом, в чужие дела предпочитал не вникать, без разговоров дал ключи от калитки и от дома.

– Я собаку спускать не буду. Вернетесь, скажете, тогда и отпущу. Машину не надо?

– Мы пешком. Тут рядом...

– Бывайте... Тут по телевизору криминал показывают. Двух чечен разыскивают. Кучу продажных ментов и своих соплеменников положили. Не вас, случаем?

– Нас пока еще не за что. Потом посмотрим...

– Если что, здесь искать не будут. Можете смело отлеживаться...

И даже никакого любопытства. Приятно с таким человеком дело иметь.

Вышли за калитку. Коттеджный поселок хорошо освещался, но фонарями не на улицах, а за высокими заборами дворов. По сути дела, освещались целенаправленно эти самые заборы. Но сам поселок был не слишком большим, да и дом, в котором они нашли себе временное убежище, был недалеко от окраины и потому освещенные улицы они покинули быстро. А вот на малоосвещенных улицах квартала с домами частного сектора пришлось и ноги промочить. Но и этот квартал миновали без задержки, вышли в район современных многоэтажек, обошли их по краю, теперь уже по асфальтированному и вычищенному добросовестным дворником тротуару, и оказались в другом коттеджном поселке, поскромнее первого и погрязнее. Хотя у некоторых домов заборы были выше.

– Вот его бедная лачуга, – показал Хамзат на двухэтажный кирпичный дом за не самым высоким забором. – Обычно охранник у ворот сидит. Это даже не охранник, а так... Ворота открывает... Рядом с воротами сторожка. Он там обычно. Есть охранник в самом доме. Иногда там сидит мент. Бывает, даже с автоматом. Но тоже не слишком-то охраняет. Еще двое сменных спят в полуподвальной комнате, но когда Далгат уезжает, он их с собой берет. С ними же истопник котельной живет. Котельная внизу, в подвале. Можно в нее пробраться от забора через люк. Там под люком наклонный желоб, по нему в котельную уголь засыпают. Прямо с улицы, чтобы двор не пачкать. Четыре метра прокатиться – и в котельной. Только грязно там... Собак во дворе нет. Раньше Далгат алабая держал. Потом пес его сына покусал, пришлось алабая пристрелить. Другого заводить ему жена не разрешает.

– Ты весь дом изучил? – спросил Таймасхан.

– Нет, я с бригадиром строителей разговаривал. Его потом приглашали и недоделки устранять. Знает, как было и как стало. Что насчет люка скажешь?

– Пачкаться не хочется.

– Мне, честно говоря, тоже. Через забор проще.

– За углом уже и света нет.

Они двинулись за угол.

– Далгат такой храбрый, что охраны почти не держит?

– Скорее, самоуверенный. Его никогда не били всерьез, потому и к порядку не привык. Думает, если имеет парней, которые ему подчиняются и готовы на все только потому, что они чеченцы, то никто не решится на него руку поднять.

– Надо учить...

За углом оба остановились. Забор был вполне преодолимым препятствием. С такими им уже приходилось справляться многократно.

– Я первый, – сказал Таймасхан, вытащил из-за пояса на спине ментовские пистолеты, передернул затворы, досылая патроны в патронники, и вернул пистолеты на прежнее место.

Хамзат подставил, как ступеньку, сомкнутые перед собой руки. Таймасхан на «ступеньку» шагнул, последовал толчок, позволивший легко забросить ногу на забор и сесть на него верхом. После этого сам Таймасхан протянул руку и помог взобраться туда же Хамзату. Спрыгнули оба, уже держа пистолеты в руках. У Хамзата был такой же «макаров», только с тяжелым самодельным глушителем.

– Начнем с ворот... – предложил Таймасхан.

– По мне хоть с кого начинать. Но сначала следует проверить, на месте ли Далгат. Света в его кабинете нет, а ложится он всегда поздно. Пойдем в гараж...

Гараж был сделан из утепленного профнастила, с секционными автоматическими

воротами. Дверь, расположенная сбоку, была не заперта.

– Машины нет, – сказал, заглянув за дверь, Хамзат. – А ты говоришь, начнем с ворот... Не я же буду открывать Далгату ворота... Пойдем в дом. Подождем в кабинете...

– Охранник в доме, – напомнил Таймасхан.

– Пусть он тоже Далгата встречает. Мы войдем через окно. Люблю я эти большие окна...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Начальник штаба постарался подобрать для охраны весьма боеспособную группу. Подполковник Судоплатов, как заместитель командира бригады по боевой подготовке, лучше других знал, на что каждый из восемнадцати способен, даже лучше начальника штаба, и потому остался доволен. При этом каждая из шести троек состояла из опытного офицера и двух молодых, что позволяло разнообразить методы работы. Так, если бы три капитана по пятам следовали за той же Мариной по университетским коридорам, это привлекло бы излишнее внимание и к ней и к ним. Но один капитан и два молодых лейтенанта внимания привлекать будут меньше, особенно, если они в гражданском и не держатся один рядом с другим. Все эти мелочи следовало обговаривать заранее, и с помощью Марины и Алины набросать по памяти расположение основных аудиторий, где проходят занятия, коридоров и лестниц, в том числе, и запасных и пожарных, а то, что дочери не знали, предстояло самостоятельно изучить офицерам.

Охрана в стенах университета, как все согласились дружно – это самый сложный момент, поскольку там все друг друга знают, и посторонние люди будут обязательно замечены. Хотя этот же аргумент должен оттолкнуть от университетских стен Таймасхана с Хамзатом. При этом следовало обязательно учесть, что предсказывать поведение Таймасхана сложно, поскольку, как уже понял Андрей Вячеславович, он мало смущается такими моментами, и даже, наоборот, предпочитает работать там, где его меньше всего ждут. Следовательно, и в стенах университета оставлять девочек без охраны было нельзя. И потому сразу спланировали, что один человек – предположительно, старший – дежурит в машине у входа в здание, контролируя по возможности всех входящих и выходящих и выделяя лиц кавказской национальности. Внутри группы поддерживается постоянная связь через коротковолновую радиостанцию «подснежник». При этом следовало учесть, что в самом университете кавказцев тоже учится немало, а Таймасхан, судя по возрасту, вполне может сойти за студента.

Подполковник Судоплатов при этом предполагал, что чеченцы еще не настолько опаскудились, чтобы расправляться с женами и детьми офицеров, и если Таймасхан с Хамзатом собираются что-то предпринять против семьи, то, естественнее всего предположить, что они рассчитывают с помощью членов семьи устроить ловушку для самого подполковника. Следовательно, офицерам охраны следует исходить из того, что предполагается не покушение на жизнь, а только какое-то незамысловатое мероприятие типа похищения. Вот этому, вероятно, и придется мешать. Но при этом следовало помнить, что при попытке помешать тому же похищению Таймасхан не постесняется применить оружие, а делать это он умеет мастерски.

Тщательно разработав детали охраны, ознакомив дочерей с теми группами, которые будут работать с каждой по отдельности, перешли к охране дома. Здесь все было уже гораздо проще. Пока дома находится сам подполковник, блокировать следует только вход в подъезд и выход на крышу. Но, опять же, не постоянно, а только при обнаружении опасности. Блокировка выхода на крышу должна осуществляться через другой подъезд, чтобы не привлечь к себе внимание раньше времени. Если подполковник будет на службе или еще

где-то, один из офицеров в дополнение ко всему должен находиться в квартире вместе с Валентиной Сергеевной. Средства связи внутри группы – те же, и согласование должно касаться каждого шага. При этом, ставя задачу, сам подполковник Судоплатов совершенно не бравировал, не заявлял, что его охранять не нужно, и согласился с предложением, которое высказал через офицеров охраны начальник штаба – выделить еще одного офицера, которого Андрей Вячеславович сам выберет, для постоянного его личного сопровождения хотя бы на службу и со службы. Здесь уже не шел разговор о тройной охране, но один офицер может оказаться необходимым даже при движении машины по улице, где бывает так легко застрять в дорожной «пробке» и стать мишенью для проезжающего мимо бандита, сидящего в другой машине. Сами бандиты при этом всегда легко пользуются встречной полосой движения, чтобы уйти после выстрела от преследования. Офицер-охранник в этом случае может подстраховать и, в случае опасности, должен уметь выстрелить первым. Подполковник Судоплатов знал, кого ему взять себе в помощники. Этот человек, возможно, не уступал Таймасхану Гарсиеву в умении стрелять с двух рук, а в скорострельности стрельбы вообще не знал себе равных. И при этом редко промахивался, что было давно проверено в боевой обстановке. И потому сразу позвонил старшему лейтенанту Разумову. Оказалось, с Колей Разумовым уже разговаривал начальник штаба, словно бы знал заранее, кого Андрей Вячеславович выберет себе в поддержку, и тот уже был готов в понедельник утром подъехать к дому подполковника, чтобы сопровождать его на службу...

Почти все вопросы обеспечения безопасности были решены, однако что-то в этой системе самого Андрея Вячеславовича не устраивало, но он пока не мог сообразить, что именно. Нет, всю систему охраны он забраковать не хотел, но где-то был один единственный, маленький прокол, который не давал покоя, но в конкретную мысль пока не оформлялся...

* * *

Бывший сельский фельдшер Сосланбек, должно быть, увидел в окно, что кто-то подошел к его калитке и остановился, не сразу решившись войти. Может быть, глухонемая жена его, если еще жива, увидела и мужу показала. Но Сосланбек вышел на веранду и, глядя себе под ноги, а не на пришедшего, спустился с крыльца, чтобы встретить гостя. Только после этого Джамбулат открыл калитку и вошел во двор.

– Здравствуй, эмир, – сказал Сосланбек, показывая, что он сразу узнал Гарсиева. – Я рад видеть тебя живым, хотя мне говорили, что ты был убит в том последнем бою. Приятно сознавать, что кто-то ошибался, передавая мне недобрую весть...

– Кто говорил? – сразу спросил Джамбулат.

– Они не со зла... Они сами сильно печалились... Проходи в дом, – позвал фельдшер и даже рукой показал, куда идти, словно в его небольшом дворе была возможность заблудиться.

И сам двинулся первым к крыльцу. Фельдшер был основательно подслеповат и потому горбился, смотрел себе под ноги, и эта манера ходить делала его старше. Даже старый Ризван Саадуев в свои сто шесть лет, имея уже внуков-пенсионеров, держался более прямо, чем Сосланбек.

Глухонемой жены фельдшера на кухне не оказалось, хотя, насколько помнил Джамбулат, раньше она оттуда почти не выходила, даже когда мужчины сидели там и беседовали о своих делах. Просто складывала красные руки на коленях, смотрела перед собой в окно и сидела, неизвестно о чем думая. А говорить при глухонемой можно было что угодно, все равно ничего не слышит и ничего никому не скажет.

– Жена-то жива?

– Жива. У сестры она. Сестра одна после войн осталась, сильно болеет, вот и ухаживает-выхаживает. Да я еще каждый день хожу уколы ставлю... Скоро идти надо. Сегодня еще не был. Присаживайся. Чаем тебя напою...

– Спасибо, Сосланбек. Меня старый Ризван напоил, больше никак не влезет.
– Я понимаю, зачем ты пришел, но сначала хочу тебя спросить, что с тобой произошло?
– Что со мной могло произойти... Две пули получил, они меня и свалили. Хотел гранату вытащить и почти вытащил, только взорвать ее не успел. Вот и все. Потом суд, семь лет строго режима...

– Хорошего мало, – посочувствовал фельдшер.

– Кто не был, пусть не будет, кто был, тот не забудет... Значит, понимаешь, с каким вопросом к тебе пришел?

– Таймасхан с Хамзатом?

– Да...

– Ты знаешь, что они прорвались?

– Я знаю, что прорвалось двое. Потом меня, когда в сознание пришел, хотели заставить опознать тела убитых. Посмотреть я не отказался, но называть никого не стал. Но Таймасхана с Хамзатом среди убитых не было. Слышал, как солдаты говорили, что один был ранен... А второй из двух пистолетов шестерых застрелил и раненого увел. Я знаю, кто у нас в джамаате умел стрелять так...

– Таймасхан не только стрелять умеет, – одобрительно заметил Сосланбек. – Хамзат уговаривал его бросить себя и одному спастись. Он не бросил. Мальчишка показал себя настоящим мужчиной. Он не только увел Хамзата. На берегу их обязательно догнали бы. Таймасхан его через реку переправил, в ледяной воде. И ко мне привел. Я их в подвале фельдшерского пункта спрятал. Спецназовцы в село небольшой группой входили, но если кто и видел, не сказали...

– Хамзат выжил?

– Я ему операцию сделал не хуже столичного хирурга. Пулю вытащил, зашил аккуратно. Через три недели уже скакал. Я хотел, чтобы еще неделю отлеживался, он не стал. Ушли они с Таймасханом...

– Куда? Какие планы были?

– Я посоветовал. Друг молодости у меня незадолго до этого нашелся. Асхаб Вахатов... Серьезным человеком стал, свой ликероводочный завод на Урале имеет. Я дал адрес и письмо написал, чтобы Асхаб их устроил. Больше вестей не было. Наверное, устроил... Удивляюсь только, что Асхаб мне ни разу за эти годы больше не написал.

– Ты можешь мне дать адрес или телефонный номер?

– Телефона у меня нет, потому и номер я не знаю. Без надобности... А адрес – пожалуйста... Сейчас принесу...

Привычно сгорбившись и глядя под ноги, Сосланбек ушел в комнату и вернулся только минут через пять. Наверное, искал затерявшийся адрес. Но нашел и принес четверть тетрадного листа с записанным адресом.

– Вот... Может быть, Таймасхан до сих пор там. Асхаб мог дать ему и Хамзату работу.

– Я не знаю, как благодарить тебя, – сказал Джамбулат.

– Рано благодарить. Найди сначала сына и Хамзата, потом ко мне в гости все вместе приезжайте. Тогда и отблагодаришь. А сейчас, извини, мне надо спешить к сестре жены, пора ставить укол. Я и так уже опоздал. Если тебе негде переночевать, можешь остаться у нас...

– Спасибо. Я обещал прийти к старому Ризвану. Напоследок вопрос... Они что-то с собой взяли *оттуда* ?

Фельдшер сразу понял *откуда*.

– Только несколько пистолетов и патроны к ним.

– Значит...

– Остальное все на месте, но я сам туда ни разу не заглядывал.

– И никто не заглядывал?

– Если бы кто-то нашел, было бы много шума... У меня жена глухонемая. Я даже не глухой...

Джамбулат встал и протянул фельдшеру руку. Тот пожал ее с заметной радостью. Видимо, не надеялся так быстро выпроводить гостя, а ему в самом деле следовало спешить. Но Гарсиев никогда не был назойливым человеком, он двинулся к двери. Хозяин проводил его до калитки.

Уже вечерело, но до наступления темноты оставалось еще не меньше двух часов, и Джамбулат решил подняться в гору на место, где был уничтожен его джамаат. Он и раньше планировал сходить туда, но думал сделать это утром. Однако полученный от Сосланбека адрес заставил торопиться. Утром можно было уже уехать, чтобы продолжить поиски сына.

Чтобы выйти на склон горы, следовало перейти старый каменный мост, которому от роду было несколько веков. Когда-то дорога вела в сторону нескольких старинных башен и лежащего там же села, сейчас заброшенного и мертвого. С удивлением Джамбулат увидел, что и мост тоже разрушен. Кто-то не поленился выломать камни, видимо, пригодные для строительства, и в итоге весь мост рухнул, образовав небольшую запруду, через которую вода реки просто перекачивалась. Семь лет назад этого не было, тогда мост еще стоял, и по нему остатки джамаата уходили к скалам, в надежде спастись. И даже бронетранспортеры спецназовцев проехали здесь же, преследуя уходящих бойцов. Мост выдерживал даже бронетехнику, он мог бы стоять еще долго.

Джамбулат остановился на берегу, посмотрел вдаль. Там сейчас уже и следов того боя не найти. Конечно, реку можно перейти по остаткам моста, хотя и придется ноги до колен промочить. Не слишком приятное занятие для ранней весны, хотя и не слишком страшное. Но ради чего стоило туда идти? Чтобы вспомнить все? А разве Джамбулат все забыл? Нет, он помнит, кажется, все поминутно. Помнит даже, как встал он в полный рост и поднял автомат, когда спецназовцы вышли на линию огня, но его опередила одна короткая очередь, сразу бросившая его на землю. Очередь стандартная, в три выстрела. И две пули из трех достались ему, лишив возможности дать последний бой...

Он, наверное, долго еще простоял бы там, на берегу, если бы не услышал за спиной шаги, а потом раздался знакомый голос:

– Вот он куда забрался...

Джамбулат обернулся. К нему приближались менты. Теперь уже не трое, а четверо, во главе с каким-то майором в повседневной форме, тогда как трое первых, уже знакомых, были в полевой форме. И двое каких-то гражданских, незнакомых Джамбулату людей.

– Вспоминает, – сказал майор. – Решил навестить места былых сражений...

– А куда ты, гражданин Гарсиев, наркотики спрятал? – спросил старший из первой тройцы.

– Что вам нужно? – хмуро спросил Джамбулат.

– Понятые, подойдите... – подогнал майор гражданских.

Гарсиеву не стали объяснять, что им нужно. Просто рывком сняли с его плеча сумку, чуть не срывая хлипкий замок-«молнию», раскрыли ее и полезли внутрь. Копались долго, сердито переглядываясь. Естественно, ничего не нашли...

– Где наркота? – спросил майор.

– Ты у меня спрашиваешь? – вопросом на вопрос ответил Джамбулат. – Спроси своих людей... У них глаза дурные, может, и потребляют...

– Ну что? – спросил у своих людей майор.

– Ничего...

– Козлы, – сказал майор. – И с такими вот приходится работать... Ты свободен, Гарсиев. Только прошу тебя по-человечески – мотай отсюда побыстрее и не мути мне здесь воду...

– Я уеду утром с рейсовым автобусом, – сказал Джамбулат не просто твердо, но даже жестко. – Я обещал старому Ризвану, что буду ночевать у него. Он ждет. Надеюсь, что до моего отъезда провокаций больше не будет? Иначе...

– Что – иначе?

– А об этом ты подумай сам. И, если додумаешься, парням своим скажи. Они дураки

беспробудные, но это и они поймут... Я обид не прощаю, и вообще, если мне что-то в голову западет, это там так долго сидит, пока выполнено не будет...

– И что тебе в этот раз запало?

– Что провокаторов следует уничтожать. Иначе они и другим будут жизнь портить. Провокаторы – это грязь, свойство погоды. Будет и время ясной погоды, а до этого грязь следует убирать и выбрасывать. Это закон жизни...

«Парни» усмехались недобро. Майор оглянулся на гражданских, которых в качестве понятых пригласил. Те смотрели в стороны, словно ничего не слышали.

– Ну-ну... Чистильщик... Посмотрим, на что ты способен...

Джамбулат понял, что еще не все закончилось. Но он, кажется, сам хотел обострения и умышленно шел на него. Он хорошо умел обострять ситуации, а в острых ситуациях чувствовал себя гораздо лучше глупых ментов. Только они об этом пока не догадывались, надеясь, что их погоны уже сами по себе являются оружием...

* * *

Прикрываясь кустами от случайного взгляда, Таймасхан с Хамзатом прошли почти вокруг всего дома Далгата и остановились под большими темными окнами кабинета, выходящими на стеклянную крышу какой-то теплицы, прилегающей к дому.

– Жена Далгата решила детей кормить только своими помидорами и огурцами, – объяснил Хамзат. – Выращивает без всякой химии. Отапливается вместе с домом. Хорошо, когда можешь себе такое позволить. Дети здоровыми вырастут...

– Главное, чтобы росли не сиротами, – сказал Таймасхан.

– А это уже не ко мне обращение, а к самому Далгату. Что он выберет...

– Как забираться будем?

– По карнизу...

Карниз шел вдоль всей стены, и по нему вполне можно было пройти от одного окна к другому. Впрочем, другие окна мало интересовали незваных гостей. Подходящее дерево нашлось сразу. Его и искать не надо было, потому что оно росло здесь же, под стеной дома. Правда, деревце было молодое, с тонкими ветвями но, если не раскачиваться, подобно обезьяне, забраться на карниз можно. Что Хамзат сразу и сделал. Таймасхан, положив руки на рукоятки пистолетов, заткнутых за тугой пояс на спине, страховал снизу, зная, что товарищу понадобится время, и сразу двоим взбираться не стоит.

На карнизе нельзя было, конечно, плясать, но можно было выполнять необходимую работу. Хамзат вытащил из кармана свой рабочий инструмент – специальный циркуль с присоской на одном конце и с алмазным колесиком на другом, прижал присоску к стеклу, прочертил алмазом окружность и с помощью присоски вытащил стеклянный круг. Во втором стекле он был уже меньшего диаметра, его тоже удалось вытащить без труда. Осталось только просунуть руку и открыть окно. Еще мгновение, и Хамзат шагнул на подоконник. Таймасхан все так же страховал снизу, следя за двором и садом и не обращая внимания на действия товарища.

Осмотрев кабинет и убедившись в безопасности, Хамзат уже сам высунулся в окно с пистолетом в руке – теперь страховать предстояло ему – и тихо позвал Таймасхана:

– О!

Сигнал был привычным и понятным. Таймасхан ловко взобрался на дерево, с дерева перешел на карниз, добрался до окна, и в это время с улицы послышался шум двигателя автомобиля.

– Быстрее, – поторопил Хамзат. – Далгат приехал.

– Вовремя мы, – оценил свои действия Таймасхан, уже оказавшись в кабинете.

Хамзат тем временем закрыл окно и задернул шторы так, как они были до этого задернуты. Потом, встав за штору, заклеил скотчем дыру в стекле, чтобы не было очевидного сквозняка и ветром штору не раздвигало. Это может сразу насторожить входящего в кабинет

Далгата. А надо было, чтобы он вошел, сел за стол, и только после этого предстояло начать разговор, который вовсе не обязательно закончится выстрелами.

В кабинете было три окна. Одно за спинкой высокого кресла Далгата. Там, за тяжелой, никогда не открывающейся, как сказал Хамзат, шторой и спрятался Таймасхан, которому следовало показать себя только в самый критический момент, если такой наступит. Сам Хамзат укрылся за шторой того самого окна, через которое они и проникли в кабинет.

Осталось ждать. Дверь не была закрыта на ключ. Сначала послышались быстрые шаги нескольких людей, потом эта дверь распахнулась нервным рывком.

Далгат сразу прошел к столу, где включил большую настольную лампу, и только после этого сел в кресло, не сняв длинного кожаного плаща. Лампа осветила его мрачное лицо с нахмуренными бровями. Хамзат знал, что большой свет хозяин дома никогда в кабинете не включает, а настольная лампа у него горит даже днем.

Четверо парней, вошедших вместе с Далгатом, остановились перед столом, и только один из них сел в кресло, показывая свое особое здесь положение. Дверь так и осталась не закрытой, и в нее минутой позже заглянула женщина.

– Ты скоро освободишься? – спросила она с порога, не заходя в кабинет. Хмурое лицо Далгата, видимо, яснее слов подсказало, что входить ей не следует.

– Пока я занят. Дети спят?

– Только-только уложила...

– Иди к ним. У меня дела.

Женщина кивнула и дверь закрыла.

– Это скотство мне может обойтись в потерю трехсот тысяч баксов, – сердито сказал Далгат, продолжая какой-то ранее начатый разговор. – А я не настолько богат, чтобы дарить какому-то местному прохиндею такую сумму.

– Ну-ну... Стоит ли так расстраиваться, – сказал тот, что сел в кресло. – Если бы ты свои баксы потерял, я бы тоже не меньше тебя расстроился, поверь. А пока еще эти баксы чужие, их потерять не так страшно. По крайней мере, не стоит терять из-за них сон и аппетит...

– Я не философ, я практик, – сказал Далгат. – И всегда буду только практиком. Ладно. Завтра все решится. Если не в нашу пользу, то мне придется нанимать кого-то, кто сумеет показать, что со мной связываться опасно.

– Зачем нанимать? – не понял собеседник. – У нас что, своих парней не хватает?

– Мои парни к этому не должны быть причастны. Слух пустить необходимо, пусть знают, с кем связываются, и пусть другим в следующий раз nepовaдно будет. Но действовать должен человек со стороны, и этого человека потом надо сдать. Понимаешь, о чем я говорю? Заказ делать не от моего лица. Кого угодно можно назвать. Только чтобы имя на слуху было. И расплатиться обязательно. А потом сдать... Но в одном ты прав – раньше времени расстраиваться не стоит. Это все завтра, завтра и решать будем. Сейчас надо Гилани Гирмасолатовичу позвонить. Значит, ты говоришь, это провокация Хамзата?

– Я уверен, – сказал собеседник. – Хамзата этого вообще давно пора к ногтю прижать... Как вонючего клопа. Их много таких сейчас по городам мотается. И своих и чужих боятся. «Зоны» не нюхали, а права качают... Но к Хамзату счет особый. И даже у меня лично. Он четверых наших парней сегодня порешил. Парней, которых я сам расставлял и провожал на дело. И пусть попадется мне, с живого шкуру спущу. Собственными руками... Далгат, отдай его мне... Замани в дом для разговора и отдай. Иначе мне погибшие парни всю оставшуюся жизнь будут снится и просить об отмщении...

– Бери... Смерть друзей прощать нельзя, и в этом я тебя понимаю, – сказал хозяин кабинета с некоторым пафосом. – Я приглашу его на завтра. И – он твой, как только войдет в этот кабинет. А он рвется сюда войти...

– Ох, он у меня долго корчиться будет...

Выстрел прозвучал буднично и негромко, поскольку стрелял Хамзат из пистолета с глушителем.

– Кто еще хочет спустить с меня шкуру? – спросил Хамзат, выходя из-за шторы.

Пистолет он держал чуть выше пояса, но с такой короткой дистанции стрелять можно было прицельно и из этого положения. К тому же это провоцировало противников на ответные действия. А именно этого Хамзат и ждал, не стреляя сразу...

2

Село быстро накрывалось сумерками. Еще и тучи с востока наступали, оттого темнело быстрее, чем при ясном небе. Тучи, наверное, могли и дождь принести. А в дождь дороги грязные и скользкие, ходить по ним не слишком приятно.

Джамбулат направился снова к фельдшеру, надеясь, что тот уже вернулся домой. Свернув на нужную улицу, он увидел, что на кухне горел свет.

Постучав в дверь, Джамбулат сам входить не стал, хотя чувствовал, что дверь изнутри не закрыта, но дождался, когда хозяин сам откроет.

– Заходи, – сказал Сосланбек, словно сразу почувствовал настроение бывшего эмира.

И уже за спиной Джамбулата посмотрел на улицу: не наблюдает ли кто за ними. Глухонемая жена фельдшера, видимо, осталась с больной сестрой, и Сосланбек сам готовил себе ужин.

– Перекусишь со мной?

– Спасибо, Сосланбек. Мне не до того...

И рассказал обо всем, что произошло.

– Я этих ментов знаю лучше, чем ты, – сказал, недолго подумав, фельдшер. – Злые скотины, а не люди... Чести у них нет. И потому я советовал бы тебе уехать. Я найду тебе машину...

– Здесь есть машины?

– Сейчас уже есть. Бексолтан, младший сын старого хромого Даккаша, пригнал откуда-то. Уже месяц ездит.

– Хромым Даккаш... Я, кажется, помню его. На него можно положиться...

– Можно. И на сына положиться можно. Парень полтора года назад освободился. Ментов и «вертухаев» на дух не переносит... Два с половиной года на «общаке» отсидел. За характер... Какого-то начальника на место поставил. Потом где-то в России болтался. Вернулся с машиной. Дорогая... Не ездит – летает. Я Даккаша попрошу, тебе даже платить не придется. А чтобы ментам насолить, Бексолтан и среди ночи встанет и повезет...

– Это хорошо. Но лучше было бы, чтобы «солить» было некому... Понимаешь, о чем я говорю? Вот почему мне нужен надежный парень.

– Понимаю. И не могу возразить... Пойдем в схорон?

– Пойдем.

– Я фонарик возьму...

– Заметить могут.

– Не заметят. Я светить буду осторожно...

Сосланбек снял с плиты сковороду, на которой шипело разогретое подсолнечное масло, так и не успев приготовить себе ужин до конца, и сразу двинулся к двери. И даже свет на кухне выключать не стал. С полки в коридоре взял небольшой фонарик. И сразу с крыльца свернул не в сторону улицы, а за угол дома в свой огород. Джамбулат следовал на нем, чуть не наступая в темноте на пятки, но не торопился, зная манеру фельдшера смотреть себе под ноги. Но по пути Сосланбек фонарик не включал. Он включил его только внизу, в дальнем углу своего огорода, и то на короткое мгновение, чтобы осветить место.

– Снимай камни...

Работа не заняла у Джамбулата много времени. Он снял камни стены, не скрепленные раствором, приподнял деревянную, обитую рубероидом, чтобы не гнила, крышку и открыл неглубокую, по колено, яму. Здесь хранился десяток автоматов с патронами, ящик гранат «Ф-1», несколько пистолетов с запасными обоймами и ящик патронов к пистолету. Выбрать

пистолет необходимости не было, потому что там были только «беретты». Джамбулат взял две верхних, запасные пустые обоймы к «береттам», три гранаты и засыпал в карманы столько патронов, сколько поместилось. Рядом с автоматами, как он помнил, лежал когда-то моток толстой зеленой лески. Конечно, сейчас еще не лето, а зеленая леска для лета предназначена, но уже и не зима, снег стаял, а на желто-зеленоватой прошлогодней траве эта леска тоже в глаза бросаться не будет. Тем более ночью.

– Чтобы Бексолтану обидно не было, подари ему пистолет, – посоветовал Сосланбек. – Тогда он всегда будет твоим помощником.

Джамбулат согласился. Подарить мужчине оружие – это гораздо лучше, чем заплатить ему деньги. Деньги быстро кончаются, а с оружием их запас всегда можно пополнить. И он взял из схорона еще одну «беретту» с двумя обоймами. И еще две горсти патронов насыпал уже в карманы брюк. Патроны к такому пистолету на войне не были дефицитом. В мирное время их, наверное, найти сложнее.

Схорон укрыли и вернулись в дом.

– Я схожу к Бексолтану, – предложил фельдшер. – Как договариваться?

– Пусть сразу выезжает из села и ждет меня на дороге за первым поворотом в сторону Грозного. Фары выключит, чтобы из села свет видно не было. Я подойду, как только все закончу. Это будет, видимо, поздно. Может быть, ментовские бандиты пожелают прийти перед рассветом, когда сон самый крепкий. Но пусть Бексолтан запомнит время, когда выехал со двора. Его наверняка будут потом спрашивать, во сколько он меня повез.

– Я понял, – согласился Сосланбек. – Ты меня ждать не будешь?

– Нет. Спасибо тебе за все. Мы прощаемся, и не знаю, когда увидимся в следующий раз, но мы увидимся. Схорон береги. Времена меняются часто, обстоятельства меняются еще чаще. Все может пригодиться. Если у тебя что-то не получится с машиной, просто подойди к дому старого Ризвана, но не по тротуару, а по дороге. И позови старика. Скажи ему, что завтра тебе привезут для него лекарство. И все... На тротуар – ни ногой. К калитке – тоже. Там уже будет опасно...

– Я понял. Тогда я пошел...

– Сначала я...

Джамбулат пожал фельдшеру руку и вышел из дома. Теперь ему предстояло договориться со старым Ризваном Саадуевым. Но там, видимо, тоже не должно было возникнуть проблем.

В окне дома Саадуева горел свет. Постучав, Джамбулат вошел. Старик спешил ему навстречу. Значит, ждал.

– Честно говоря, Джамбулат, я начал беспокоиться. Куда увели тебя эти негодяи?

– Далеко они не увели. Придраться им было не к чему. Но они подсунули мне в сумку пакетик с наркотой и потом попытались этот пакетик найти. Только его там уже не было. Расстались мы врагами, и они, я думаю, намереваются прийти за мной сюда сегодня ночью.

– А за что тебя забирать?

– Они придут не забирать. Они придут убивать...

Старик и без того держался прямо, а тут выпрямился еще сильнее.

– Убить человека в моем доме? Убить моего гостя? Пусть попробуют. У меня есть охотничье ружье и еще ружье отца. Правда, я не знаю, стреляет ли оно... Пусть попробуют, проклятые, и останутся они во веки прокляты...

– Не надо ружья, дедушка Ризван. Я сам сумею за себя постоять. Скажи мне только: кто-то другой может к тебе прийти в это время?

– В это время добрые люди спят. Не спят только гонимые и их подлые гонители. Что ты хочешь сделать?

– Я хочу уничтожить ментовских бандитов, как они хотели уничтожить меня. Но я не хочу опять превращаться в гонимого, и потому, когда тебя будут спрашивать, ты должен сказать, что я уехал из села с Бексолтаном, как только стемнело.

– А кто будет спрашивать?

– Тот, кто приедет за трупами ментов. Но я так сделаю, что обвинить смогут только их самих. Не беспокойся... Я не мог ничего сделать в твоём дворе без твоего разрешения и только за разрешением пришел к тебе. Ты согласен?

– Конечно... Они уже один раз сегодня осквернили мой дом. И хотят еще меня самого опозорить. За это надо наказывать!

– Тогда есть к тебе просьба. Гранаты я приготовлю для них мощные, они могут осколками стекла выбить. Потому я тебе еще денег оставлю на ремонт, – Джамбулат выложил на стол еще одну пяти тысячную купюру. – Извини, большим помочь не смогу. Мне необходимо ехать на Урал, чтобы продолжить поиски сына. Я не богат, а на «зоне» больше работаешь на «хозяина», чем на себя. Много накопить я не сумел даже за семь лет...

– Если тебе нужны деньги, я ничего не смогу у тебя взять. Я могу отдать тебе даже свою пенсию. Мне вчера принесли...

– Спасибо. Но я найду богатых людей, которые мне помогут.

– Не жалко денег бывает только тем, кто не ради денег живет. Богатые живут ради денег, и они с этими бумажками расстаются с трудом.

– Я умею уговаривать, дедушка Ризван. Они не откажут мне...

– Как хочешь. Но запомни, что мой дом всегда будет твоим домом. Здесь ты всегда найдешь помощь и поддержку.

– Ты уже оказал мне помощь и поддержку. И я благодарен тебе. А сейчас я займусь делом...

Джамбулат вышел.

Дело, в общем-то, было не сложным. Осмотрев двор, калитку, забор и тротуар за забором, Джамбулат легко вспомнил, как все делается. Разогнуть предохранительные усики, сорвать с гранаты кольцо, удерживая предохранительный рычаг, гранату вместе с рычагом опоясать петлей из лески, петлю затянуть чуть потуже, чтобы граната не вывалилась, и подвесить саму гранату к горизонтальной ветке орешника. Дальше, уже осторожно, протянуть леску к калитке и зацепить за чуть-чуть торчащий гвоздь. При открывании калитки леска сразу потянет гранату вверх, ударит ее о горизонтальную ветку и освободит от петли. Осколки мощной оборонительной гранаты «Ф-1» сметут всех, кто окажется рядом, и даже будут опасны для тех, кто окажется метрах в тридцати. Хотя, по всем инструкциям, осколки «Ф-1» должны разлетаться на двести метров, Джамбулат хорошо знал, что на такое расстояние может отлететь только случайный осколок. Но тридцать метров – это зона устойчивого поражения. Хотя предсказать траекторию полета осколков гранаты не может никто; Джамбулат слышал как-то, что был даже случай, когда невредимым остался человек, от которого граната взорвалась в двух метрах. Штаны ему в трех местах порвало, а тело не задело. Поэтому, перепрыгнув через забор, Гарсиев через другую горизонтальную ветку, проходящую выше забора над тротуаром, протянул еще одну леску, с которой соединил еще две гранаты. Теперь в зону поражения попадал и тротуар перед калиткой. Осталось ждать. Время взрыва «Ф-1» после освобождения предохранительно рычага около трех секунд. Но когда эти три секунды начнут отсчет – это было неизвестно...

* * *

Далгат вместе с креслом отодвинулся от стола. И пистолет в его руке появился словно бы сам собой, как из воздуха материализовался. Трое оставшихся парней Далгата тоже за оружие схватились. Но тут из-за спины хозяина дома раздалось два почти одновременных выстрела, а третьим снова прозвучал негромкий выстрел Хамзата, и тут же ствол уперся Далгату в затылок. Тот ситуацию оценил и уронил свой пистолет на пол, а руки, как умный первоклассник, положил перед собой на стол, показывая, что он сопротивляться не желает, и даже мысли такой в его голове зародиться не могло.

– Соображает, недоносок... – сказал Хамзат и подобрал с пола поочередно все пистолеты, потом обыскал убитого в кресле, но у того оружия не оказалось, зато был

бумажник, битком набитый долларами и евро. Далгат смотрел на бумажник отупело.

– Откуда у него столько? Он же всегда у меня занимает... Я уже забыл, сколько он должен, а он все время жаловался, что дома есть нечего...

– Это ты нас спрашиваешь? – Таймасхан вышел из-за спины хозяина дома, но оружие из рук не выпустил.

Хамзат тем временем обыскал самого хозяина и нашел бумажник, набитый более туго, чем первый.

– Откуда у тебя столько? – спросил Таймасхан.

Далгат ничего не ответил.

– Ну так что, ты, значит, решил меня сдать? – Хамзат взял за шиворот сидящий в кресле труп и сбросил его на пол. Поправил лампу, чтобы свет в кресло падал, проверил, нет ли там крови, крови не нашел и сел против хозяина. И лампу повернул, чтобы свет падал тому в лицо.

– Жена твоя, кстати, не пойдет? – поинтересовался Таймасхан. – Я не люблю стрелять в женщин, но еще больше не люблю свидетелей.

– Не пойдет... – пообещал Далгат. – У меня уже несколько раз стреляли. В первый раз прибежала, я ей высказал, с тех пор свое место знает. Ладно... Я согласен – вы победители... Я готов выслушать ваши условия.

– Ты еще не ответил на мой вопрос, – заметил Хамзат. – Сдать меня собрался?...

– Это не называется сдать, – Далгат поморщился. – Это называется военной хитростью. Ты же, кажется, воевал и знаешь, что такое заманить противника в засаду...

– Я воевал не «кажется», я воевал по-настоящему. В отличие от тебя, который только пользовался тем, что мы воюем. Пользовался нашей славой, словно это была твоя слава, и карман себе набивал. Но ты слишком давно родные края покинул и забыл, что везде, в том числе, и на войне, есть свои правила. И каждый горец обязан эти правила выполнять. И одно из самых главных правил народов Кавказа, всех народов, как бы они не назывались, – это честность. Честность воина допускает применение военной хитрости. Но честный воин никогда не пригласит врага в свой дом, чтобы там захватить его. Дом – это приют и оплот гостеприимства. Горец должен от других защищать человека, который пришел в его дом. А ты это забыл...

– Здесь не горы, – ответил Далгат. – Здесь другие порядки...

– Значит, и ты не горец, не чеченец, если ты традиции своего народа в грязь втоптываешь...

На столе зазвонил телефон. Далгат взглядом попросил разрешения снять трубку. Но перед тем, как такое разрешение дать, Хамзат подался вперед и нажал на аппарате кнопку под надписью «громкая связь». Не забыл при этом и на определитель номера посмотреть. Не дождавшись звонка от Далгата, Гилани Гирмасолатович решил позвонить сам.

В этом режиме связи разговаривать следовало, не снимая трубку, но Далгат, вроде бы автоматически, за трубкой потянулся, однако Хамзат резко ударил его по руке и кивнул на аппарат.

– Слушаю вас, Гилани Гирмасолатович... – вынужден был Далгат начать разговор, но от вздоха разочарования не удержался.

А Хамзат ткнул пальцем в свое улыбающееся, почти смеющееся лицо, требуя, чтобы хозяин кабинета убрал из голоса трагические вздохи. Клоунада действие возымела. Далгат успокаивающе закивал и тоже хило улыбнулся.

– Это я тебя хотел послушать. Ты должен был сам мне позвонить... – голос Гилани Гирмасолатовича звучал громко и требовательно.

– Я только что приехал. Еще плащ снять не успел, – Далгат, в отличие от собеседника, явно заискивал и извинялся, словно надеялся, что тот мог заступиться за него и как-то повлиять на ситуацию. По крайней мере, такая мысль у Далгата наверняка появилась. И он попытался ухватиться хотя бы за эту «соломинку», поскольку других не имел.

– И что ты мне сообщишь? – в голосе позвонившего явно слышалась легкая угроза.

– Относительно чего? – попытался Далгат выпутаться из ситуации.

– Нашел ты Хамзата?

– Менты нашли его напарника – Таймасхана Гарсиева...

– Вот это совсем зря. Джамбулата лучше было бы вообще никак не светить. Но я сам виноват, что не сказал тебе. Что дальше?

– Он изуродовал четверых ментов. Они сейчас в больнице лежат... В госпитале, то есть... А сам ушел.

– Он что, даже не перестрелял их? Странно. Это вообще на него не похоже...

Далгат осторожно повернул голову, чтобы посмотреть за плечо.

– Должно быть, у него не было с собой оружия, – предположил он.

– Скорее всего, он хотел замять это дело. Похоже, Таймасхану очень нужно в вашем городе остаться. Что ему там надо? Ты не в курсе?

– Об этом разговора не было...

– Ладно. Дальше.

– Мои парни нашли дом, где Хамзат Хайдарбеков обосновался, и караулили с двух сторон на машинах. Но Хамзат их вычислил. Двоих застрелил, двоих взорвал прямо в машине.

– Это нормально. Так и должно было быть... А что менты?

– Их ищут... И ко мне приезжали поинтересоваться, не знаю ли я таких чеченцев. Я сказал, что Хамзат заходил ко мне несколько раз, предлагал свои услуги, но у меня для него работы не нашлось.

– А что вообще Хамзату от тебя нужно было?

– Он передал привет от общего знакомого. А так никаких конкретных просьб не было. Правда, интересовался бригадой спецназа ГРУ, но вскользь. Спрашивал, не было ли у моих парней конфликтов со спецназовцами. Все-таки – чеченцы... Говорил, что хочет какое-то предприятие открыть, но пока думает, чем заняться. Деньги у него, похоже, есть. Кажется, он хочет плотно осесть на месте. Я пообещал узнать, на чем сейчас можно хорошо заработать. «Крышу» пообещал... Насчет этого мы с ним слегка «поцапались». Он заявил, что сам может стать мне «крышей», а может и не стать...

Далгат, кажется, увлекся, но вовремя спохватился и скосил глаза в сторону Хамзата. Тот слушал внимательно и кивал.

– Меня все-таки интересует, уехали они из города или нет? Мне что, напрямую Хамзату позвонить? Или ты все же сможешь со своими ментами узнать?

Хамзату надоело слушать. Он шагнул вперед и упер в стол руки так, что оказался над телефонным аппаратом, в который был вмонтирован микрофон.

– Гилани... Это я...

– Кто? – не понял Гилани Гирмасолатович.

– Это я – Хамзат... Тебе не стоит надеяться на помощь Далгата. Он сегодня потерял четверых утром, и еще четверых, самых приближенных, вечером. И еще потеряет сегодня же вечером минимум двух охранников.

– Хамзат... Извини, не узнал тебя сразу. У русских примета такая есть – если голос не узнал, значит, человек долго жить будет. Жить тебе, следовательно, долго...

– Я буду жить долго, – согласился Хамзат. – Я тебе переживу на много лет...

– Это уже, как доктора решат, – пошутил Гилани Гирмасолатович, а сам совсем не весело хихикнул. – Хамзат, мне срочно нужен Таймасхан. Просто срочно. Кроме него никто не сможет справиться... Там необходимо публичное наказание, и гонорар будет соответствующим.

– Меня не интересуют гонорары, Гилани Гирмасолатович, – из-за плеча Далгата, подавшись вперед, сказал Таймасхан.

– Здравствуй, Таймасхан. Я рад, что ты тоже там...

– Они у меня в гостях, – вставил слово Далгат.

– Мы не были у тебя в гостях, – сказал Таймасхан. – Гость обязан уважать хозяина, и

никогда не причинит ему вреда.

– Вреда... Мне? – Далгат вроде бы даже удивился такому высказыванию, но долго удивляться у него времени не было, потому что Таймасхан рывком развернул кресло, от которого тут же отвалилось колесико, и кресло стало заваливаться набок, но и упасть Далгату сразу Таймасхан тоже не дал. Он выстрелил в лоб почти в упор. И только после этого отпустил подлокотник кресла. Далгат упал набок.

– Что у вас там происходит? – спросил Гилани Гирмасолатович.

– А вы не поняли? – спросил Таймасхан. – Вдова Далгата приглашает вас на похороны...

– Она моя племянница, – напомнил Гилани Гирмасолатович. – Надеюсь, ее вы не тронете?

– Мы не тронем ее, даже если она ваша дочь.

– Таймасхан, мне кажется, ты на ссору нарываешься...

– Я не навязываюсь никому в друзья и в помощники. И сказал уже, что не нуждаюсь в гонорах. Я обеспечил себя на многие годы вперед. Я даже от более выгодного «заказа» отказался, нежели вы можете предложить.

– Более выгодный «заказ»? – переспросил Гилани Гирмасолатович. – Что ты можешь знать о моем «заказе»?

– Я знаю только то, что не принял «заказ» на вас. А свою цену вы сами знаете. И вы должны быть мне за это благодарны. Но если вы будете надоедать, я могу и передумать...

– Ну-ка, ну-ка... Поподробнее...

– Подробности в нашем деле исключены, – подыгрывая товарищу, сказал Хамзат. – Это ты, Гилани, должен лучше других знать.

– Таймасхан, я тебе сделку предлагаю. Ты мне даешь информацию, а я тебе кое-что о твоём отце сообщу. Это будет равный обмен...

Это был ловкий ход мудрого в политике и в бизнесе человека. Таймасхан мог бы и купиться, но ему нечего было сказать.

– Я – профессионал... И не говорю лишнего. Даже за такую цену... Но здесь, в этом городе, я как раз для того, чтобы все узнать об отце. Так что, без вашей помощи я могу обойтись. Желаю и вам обойтись без моей помощи. И помните, что я отказался, но есть много других, кто не откажется. Есть хорошие снайперы...

– Имя, – возопил Гилани Гирмасолатович. – Только имя назови. Кто «заказывал»?

Хамзат улыбнулся, приподнял и опустил трубку аппарата. Разговор прервался...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Через забор опять пришлось перепрыгивать, чтобы самому не стать жертвой выставленных «растяжек». А такие случаи были на памяти Джамбулата. Более того, он сам желал такой случай инициировать, только с другими действующими лицами. И потому сам соблюдал повышенную осторожность. Но забор был не настолько высок, чтобы стать серьезным препятствием для еще не старого Джамбулата Гарсиева. Сказывалась многолетняя воинская закалка, да и жизнь на «зоне» раскиснуть не давала. Мышцы свою крепость и упругость пока не потеряли.

Дедушка Ризван дождался гостя в темноте на веранде. Стоял, оперевшись двумя руками на свой посох, и смотрел в темноту, словно что-то видел. Но даже свет из окна не попадал туда, где Джамбулат трудился. И потому ничего увидеть старик не мог. Тем не менее, смотрел.

– Что ты там сделал? – спросил просто, когда Джамбулат вернулся. – Все получилось, как ты хотел? Моя помощь не нужна?

– Поставил «растяжки» на три гранаты. Теперь главное, чтобы *они* пришли. Самому снимать «растяжки», да еще в темноте, дело опасное. А если не придут, снимать придется, не то, не приведи Аллах, взорвется невинный. По-доброму-то, чтобы «растяжки» снять, нужен скотч, а у меня его нет. У тебя, дедушка, не завалилось?

– Скотч? А это что за штука? – переспросил старик.

– Значит, не завалилось, если не знаешь... Ладно. В крайнем случае, обойдусь леской...

Чтобы снять «растяжку», необходимо предварительно обмотать предохранительный рычаг вместе с корпусом гранаты плотным и крепким слоем скотча. Тогда есть гарантия безопасности. Гранаты в этом случае можно будет выбросить где-то в горах, где осколки никого не достанут. А камни и скалы такие ранения переносят безболезненно. Но все же лучше будет, если «растяжка» сработает. Естественно, на нужных людях. Но старик сказал уже, что в это время никто прийти к нему не может. Фельдшер Сосланбек уже предупрежден. Но он, если бы что-то получилось не так, как планировалось, уже, наверное, подошел бы. Если не подошел, значит, машина должна выехать или вот-вот выедет и будет ждать на дороге за первым поворотом. Это недалеко, минут сорок пешего хода...

– Пойдем в дом, дедушка Ризван.

– А мы разве смотреть не будем?

Хотелось усмехнуться стариковской наивности, но усмешка могла бы Ризвана Саадуева обидеть, а обижать доброго и честного старика не хотелось.

– Смотреть опасно. Так же опасно, как входить в калитку.

– Подумаешь... Опасно... Зато интересно.

– Нельзя, дедушка Ризван. Мне тоже интересно, но я просто знаю, чем это грозит.

– Неужели осколки до дома достанут?

– До двухсот метров разлетаются. Хотя основная зона поражения метров тридцать – сорок... А здесь метров восемь. Нельзя...

Старик вздохнул. Ему очень хотелось бы посмотреть, как взорвутся обидчики его дома. В этом была бы и его тоже месть. Но он хорошо понимал, что есть понятие «нельзя», и этого понятия могут не придерживаться только неразумные дети и всегда излишне любопытные женщины. А мужчине следует уметь держать себя в руках, чтобы не быть на женщину похожим.

– Но услышать-то мы услышим? – все же спросил он.

– Еще как услышим... Окна вылетят со звоном.

– Ради такого дела окон мне не жалко. Я бы и дом не пожалел. Где ждать будем?

– Лучше свет выключить и устроиться где-нибудь недалеко от двери.

– На кухне...

– Давай на кухне. Но ждать, я думаю, придется долго. Они вообще могут перед рассветом пожаловать.

– Тогда лучше лечь спать, – резонно рассудил старик. – Когда окна вылетят, мы проснемся.

– Правильное решение, дедушка Ризван. Ложись. Я посижу. Мне что-то совсем не спится. Ходил сегодня к реке, смотрел на разобранный мост, на дальние скалы, к которым так и не удалось прорваться. Все вспомнилось... До боли в груди... Какой уж тут сон...

– Как хочешь. Я лягу...

В этом была своя правда, возрастная. Да и безопаснее будет.

Едва старик ушел в комнату, Джамбулат набил пистолетные обоймы патронами и приготовил на всякий случай оружие – все три пистолета, что взял из схорона. «Всякий случай» в его понимании произойти мог лишь тогда, когда менты не пожелают войти через калитку, а где-то в стороне перелезут через забор. Чтобы лучше слышать происходящее вокруг дома, Джамбулат даже окно на кухне раскрыл, хотя вечер был прохладным и еще более прохладной обещала быть ночь. В горах и летом ночи не балуют теплом. А в середине весны, когда снег сошел лишь совсем недавно, тем более. Если «всякий случай» наступит, придется отстреливаться, и дело приобретет совсем другой оборот. В своем умении отбиться

и победить Джамбулат не сомневался, но, помимо этого, он надеялся после взрыва доказать свою непричастность к происшествию. Более того, хотел бы обвинить во всем ментов и тем самым косвенно доказать свою невиновность. А в случае перестрелки такой вариант полностью отпадал, и Джамбулату пришлось бы снова переходить на нелегальное положение и скрываться в лесах. Не самый лучший вариант для его дальнейших планов. Но, какой бы оборот дело не приняло, отступить он был не намерен.

Так сидел он, слушал ночную тишину. Время тянулось долго, и глаза начали уставать, стали тяжелеть веки. Но Джамбулат обладал сильной волей и легко сумел перебороть сонливость.

Первую тень Джамбулат увидел сразу после того, как посмотрел на часы. Стрелки показывали четверть первого ночи. Обычно, в это время в селе все уже спят, и в редком окне увидишь огонек. Разве что кто-то из молодых смотрит телевизор, но спутниковые антенны были только в самых богатых домах, а простое телевидение сюда не доходило. Поэтому большинство окон были уже полностью темными.

Тень прогулялась по тротуару по ту сторону штакетника. По фигуре Джамбулат определил старшего из первой троицы ментов, что приходили в дом старого Ризвана. Два других мента были ростом пониже. Майор был такого же роста, но намного толще, с заметным брюшком.

Очевидно, это была разведка. Хотя что могла дать такая разведка – непонятно. Разве что менты надеялись услышать мелодичный храп из дома. Но, скорее всего, они слышали многократно, что любой военной операции предшествует разведка, и потому решили провести ее таким странным, ничего не дающим образом. Через минуту разведчик прошел в обратную сторону тем же маршрутом. И хорошо, что ему не пришла в голову идея зайти во двор. Тогда погиб только он один, а другим, возможно, не хватило бы осколков. Впрочем, менты могли бы и к своему погибшему подойти, тогда ничего не стоило бы бросить из окна гранату и в них. Благо, гранатами Джамбулат запасся. И пойдя потом разберись, кто и отчего взорвался, если свидетель будет только единственный, причем сам же свидетель эту гранату и бросит.

Но старший из троицы ментов не решился на одиночный самостоятельный рейд в глубину предполагаемой обороны противника. Хотя он, скорее всего, и не подозревал о готовности противника его встретить. Ждать осталось совсем недолго. Более того, теперь уже можно было и от окна отойти, чтобы не получить в лоб осколок тобой же установленной гранаты.

Джамбулат проявил благоразумие и отодвинулся от окна, сев на стул за стеной. Ожидание, казалось, затягивается чрезмерно, но минутная стрелка часов показывала, что прошло всего две минуты. А еще через минуту все и началось. Взрывы слились в один единый взрыв, но все же тому, кто эти взрывы ждал, легко было определить, что их было три – все гранаты сработали. Неизвестно было, досталось ли другим окнам дома, но кухонное вылетело не от осколков, а от взрывной волны. Все-таки в трех гранатах в общей сложности содержится сто двадцать граммов тротила. А это немало...

И вспышка была яркой. По крайней мере, кухню она осветила, как шальная молния, и тоже только на короткое мгновение. И хорошо, что быстро прошла, и сразу за вспышкой пришла темнота. Иначе Джамбулату сложно было бы завершить начатое так, как он задумал. А пока все происходило именно в соответствии с его планом. Почти одновременные взрывы трех гранат накрыли всех четверых пришедших ментов осколочными волнами, пришедшими с трех сторон к центру круга. Центром в этом случае была калитка, рядом с которой все они и стояли. В такой позиции уцелеть было невозможно. Обидно было только то, что менты не успели понять, кто им устроил такой «праздник с фейерверком». Но, в соответствии с планом дальнейших действий, непременно следовало сделать так, чтобы все другие думали, будто этот праздник они устроили себе сами. Джамбулат подскочил к убитым и окровавленным ментам и засунул майору в задний карман брюк остатки лески. Теперь сомневаться не приходилось – именно майор ставил «растяжки» и сам же на них подорвался

по неосторожности. Ну, не умеет он... С кого в этом случае спрашивать...

Дедушка Ризван спал, видимо, крепко, да и ходил не слишком бодро, а потому успел выйти только тогда, когда Джамбулат уже возвращался в дом за своей сумкой.

– Все в порядке, дедушка Ризван. Мы с тобой победили их и больше никто не захочет обижать твой дом...

Дедушка Ризван выпрямился сильнее, почувствовав гордость.

– Я должен поблагодарить тебя за помощь и за прием. А сейчас мне пора идти, потому что машина уже ждет на дороге. Помнишь, когда я уехал?

– Только-только стемнело. Бексолтан, помнится, пообещал тебя отвезти... Наверное, к нему ты сразу и ушел...

Джамбулат протянул ему руку и почувствовал, что рука у старого Ризвана еще крепкая...

* * *

Вечер для подполковника Судоплатова прошел спокойно и буднично, потому что он умел мысленно полностью отключаться от вопроса, который в настоящее время разрешить не мог. И к делам минувшего дня его вернул только звонок майора Соломатова:

– Андрей Вячеславович, не разбудил?

– Нет, я в это время обычно в Интернете работаю...

– На каком-то форуме общаетесь?

– Нет. Больше практикуюсь в английском и французском. Изучаю сайты, связанные с англоязычным или франкоязычным спецназом. Иногда встречаются интересные вещи, которыми не грех воспользоваться в учебе.

– А я каждый день, если свободен, на собачьем сайте провожу. У меня две хаски. Общаюсь с любителями породы...

– Если вы по поводу собак, то вам лучше поговорить с моими дочерьми. Достают сильно. Собаку просят...

– Настоятельно рекомендую просьбам внять. Собака в доме – это внутреннее равновесие всех членов семьи. Но я по другому поводу. Есть новости. Те данные с паспортов, которые удалось проверить... Короче, ваша догадка подтвердилась. Они паспорта делали оптом в одном из районов Ставропольского края. Должно быть, через начальника районного управления внутренних дел. Предположительно, они и убили потом этого полковника. Свидетелей не оставляли... Странно только, что оставили в живых паспортистку, которая непосредственно паспорта оформляла, но здесь можно предположить, что они просто не знали, что полковник через нее работал. Паспортистку задержали и уже допрашивают. Сейчас проверяют всю базу данных райотдела, сверяют фотографии в картотеке. У нас, таким образом, есть возможность найти полный список фамилий, под которыми они могут скрываться. Но, главное, мы, благодаря вашей сообразительности, вовремя добрались до данных и теперь имеем на руках фотографии и Хамзата Хайдарбекова и Таймасхана Гарсиева. Фотографии разосланы по всем постам ГИБДД, усиленным ОМОНОм, и оперативным группам, занятым в поиске...

– Если можно, Владимир Анатольевич... Мне на электронную почту сбросьте. Того и другого... Чтобы знать хотя бы, с кем встречусь, если встречусь...

– Обязательно. Я хотел было с курьером прислать, по этому поводу и звоню. Но так будет даже удобнее. Адрес почты говорите...

Андрей Вячеславович продиктовал свой электронный адрес. Майор повторил для проверки.

– Все правильно.

– Значит, сейчас отправлю.

– Буду ждать. Не выключаю компьютер...

Однако прихода сообщения пришлось ждать двадцать пять минут. Видимо, майор

Соломатов не сам отправлял, а только отдал распоряжение, и кто-то, получив приказ, не слишком поторопился. Но, в принципе, оперативной необходимости в срочности не было, потому и претензии предъявлять не было смысла.

Фотографии были черно-белые и неважного качества, как все фотографии, что делаются на паспорт. Люди там обычно бывают мало на себя похожими, но это уже имело отношение к мастерству фотографов, к которым тем более не имело смысла предъявлять претензии. В последних советских паспортах фотографии были крупнее и большегодились для опознания. Но приходилось пользоваться тем, что есть под рукой. Андрей Васильевич полученные портреты слегка увеличил и сразу вывел с принтера в двадцати трех экземплярах каждый. Один экземпляр себе, по экземпляру жене и дочерям, по экземпляру каждому члену оперативной группы охраны, включая старшего лейтенанта Разумова на случай неожиданной встречи. Это уже было серьезным подспорьем в работе. По крайней мере, та же группа охраны любой из дочерей могла контролировать людей, входящих в университет, и аккуратно проверять подозрительных.

Валентина Сергеевна долго рассматривала фотографии.

– А вот этот – симпатичный парень, – сказала, держа в вытянутой руке фотографию Таймасхана. – И лицо хорошее, такие лица обычно у порядочных людей бывают...

– Это самый злобный профессиональный убийца. Киллер, как их сейчас зовут, – сообщил Андрей Вячеславович. – И убивает он не только тех, кого ему «заказали», но и свидетелей. Правда, убивает красиво. Парню в отваге и хладнокровии не откажешь.

– А этого я, кажется, видела, – сказала Марина. – Это знакомый Володи...

– Какого Володи? – не поняла Валентина Сергеевна.

– Жениха, – подсказал Андрей Вячеславович.

– Ну, насчет жениха – это слишком громко сказано. Он только предложение сделал, а я ничего еще не сказала, – возразила Марина. – Но этого человека я с Володей видела. У нас в университете, кстати...

– Очень приятно, – сказал отец. – Ты понимаешь, что это может значить, невеста?

– Могу только догадываться. Ходить мне в старых девах, – со злой иронией ответила Марина. – Но через Володю можно этого типа найти...

– Для нас сейчас каждая возможность – как шашлык в голодный год, – сказал Андрей Вячеславович. – Обязательно надо использовать. Или ты против?

– Если стоит дилемма: свадьба или жизнь отца, у меня выбора нет. Я у него ни разу не была, но адрес знаю. И домашний номер и номер «мобильника»... Не знаю только номера машины. Она у него в ремонте...

– В таком случае я включаю в работу антитеррористов, – сказал Андрей Вячеславович и сразу набрал номер майора Соломатова.

Разговор был недолгим. Соломатов, который собрался уже было домой уйти со службы, схватился за нить сразу и пообещал, что в течение получаса для беседы с Мариной приедет оперативная бригада...

* * *

Оперативная бригада заявила в квартиру Судоплатовых через двадцать минут, но состояла она всего-то навсего из двух подполковников и майора, которые с Мариной поговорили внимательно и в присутствии только одного свидетеля – самого Андрея Вячеславовича. И только после этого передали кому-то по связи адрес и номера телефонов Володи и сказали Марине через десять минут позвонить ему и попросить приехать к ней. В оправдание такого позднего приглашения можно ничего конкретно не говорить, сообщить только, что дома большие неприятности и Марине нужен надежный провожатый, который отведет ее, предположим, к подругам в университетское общежитие. Вариант казался вполне приемлемым даже для Марины.

– Стоп, – вмешался Андрей Вячеславович. – Я так понимаю, что вы хотите ловить

Хамзата «на живца»?

– У вас, товарищ подполковник, есть другие варианты? – слегка настороженно спросил руководитель оперативной бригады ФСБ подполковник Сумароков.

– Я не о том... Я пока только вопрос задал. Потом объясню...

– Можно назвать эту операцию и так.

– Не проще ли просто «прокачать» этого парня? Всерьез... Пригрозив статьей за терроризм...

– А если ничего не скажет? Он просто не увидит в своих действиях пособничества терроризму. Есть и среди неспециалистов люди юридически грамотные и знающие, какая статья что обещает, и как суд обычно рассматривает эту статью. Мы с таким уже многократно встречались. Или вообще он назовет кого-то другого? Ошиблась девушка. С другим человеком она его видела. И ничего уже доказать будет нельзя...

– Если есть необходимость, – объяснил Андрей Вячеславович, – я сам проведу допрос. Не для протокола, а для нужд оперативной необходимости. В военных ситуациях допускаются немного вольные методы...

– Какие методы? – с сомнением и неодобрением спросил старший из подполковников. – пытки? Нас самих за это взгреть могут. Только за то, что мы не воспротивились вашим действиям... Следует еще доказать, что обстановка действительно военная, а потом доказать, что Марина видела этого парня непременно с Хамзатом. А я оставляю процентов сорок на то, что она ошиблась. Может быть, даже пятьдесят процентов...

– Можно и без пыток обойтись. Скополамин⁹... Я попрошу, мне привезут ампулу.

Подполковник Сумароков отрицательно покачал головой.

– Предположим, мы сделаем так... Предположим даже, что он что-то скажет... Но вы же читали, кажется, первоначальные материалы следствия. Хамзат предельно осторожен и обычно предпочитает иметь одностороннюю связь. Даже предполагая проводить операцию задержания, как вы говорите, методом «на живца», мы имеем мало надежды, что парень получит возможность связаться с Хамзатом. То есть, вся наша операция – попытка «схватиться за соломинку», поскольку рядом нет бревна. Получится – не получится... К тому же обычным задержанием мы можем спугнуть Хамзата, и больше никогда аналогичной возможности не заполучить, если это в самом деле реальная возможность. Нет, я против...

– Тогда давайте посмотрим на дело с другой стороны, – Андрей Вячеславович, понимающий, насколько опасна ловля преступника «на живца», естественно, беспокоился за дочь и искал наиболее безопасные варианты. – Сколько человек у вас в группе?

– Кроме нас – еще шестеро офицеров. Все с большим опытом оперативной работы. Проверены во многих операциях.

– Я вижу здесь некоторую неувязку, – откровенно высказался подполковник Судоплатов. – В данном случае вы предполагаете противопоставить опыт оперативной работы многолетнему боевому опыту бандитов. А это не всегда аналогичные понятия? и требуют разного подхода. В боевых ситуациях следует предпринимать боевые действия, а не оперативного характера.

– Да, но мы исходим из обстановки...

– Вот, а я бы предпочел, чтобы против бандитов с боевым опытом выступали офицеры с боевым опытом. То есть, я бы предложил пусть не заменить вас, но усилить офицерами спецназа ГРУ. Десять человек могу выставить в течение получаса.

– Такие силы невозможно оставить незамеченными.

– Все будут в гражданской одежде. На вооружении только пистолеты. А прятаться они умеют, за это можно не волноваться...

⁹ Скополамин – так называемая «сыворотка правды», психотропный препарат, вызывающий у человека повышенную болтливость и желание показаться значимым, знающим. При умелой постановке вопросов обычно позволяет провести продуктивный допрос.

– Завидная у вас мобильность. Хотя нам недоверие и обидно, отказаться от такого предложения трудно, поскольку оно видится разумным. Повадки боевиков ваши парни должны знать лучше. Вызывайте своих, – решил подполковник Сумароков, на что майор, прибывший с ним, недовольно «цыкнул». Но это Андрея Вячеславовича не смутило.

Андрей Вячеславович позвонил сразу и вызвал все дежурные тройки, плюс к ним старшего лейтенанта Разумова. Против первоклассного стрелка, согласно логике, должен действовать первоклассный стрелок. Это будет высокой степенью гарантии безопасности для остальных. Тем более, привыкший к тому, что он стреляет быстрее и точнее других, Таймасхан не может ждать, что встретит равного противника. К тому же он не знает, кто, возможно, будет этим противником. А это может стать решающим фактором.

Только после того, как прибыла группа и подполковнику Судоплатову доложили об этом, Марина, посмотрев на часы и покачав головой, потому что стрелки вот-вот должны были сойтись на двенадцати ночи, позвонила на мобильник Володе. Тот без сомнений и не задавая лишних вопросов, выразил желание и готовность...

2

– Хорошая здесь охрана, – сказал Хамзат. – Даже на выстрелы не приходит. Везде бы такую встречать, а то получится, как в Польше...

В Польше год назад их встретили двумя автоматными очередями из новых экспериментальных бельгийских пистолет-пулеметов Р-90. Если бы не молниеносная реакция Таймасхана и не его умение стрелять, не прицеливаясь, но точно, так бы и лежали под кустами, пока их не взяли бы там тепленькими.

– За это наказывать следует, – заметил Таймасхан. – И сурово... Службу нести каждый обязан добросовестно.

– Похоже, здесь выстрелы время от времени все же раздаются, и потому никого не пугают. Кстати, прямо под кабинетом находится подвал. Возможно, под ковром люк, куда трупы сбрасывают. Посмотрим?

– Тебе интересно?

– Не очень.

– Мне еще больше «не очень»...

– Даже жена совсем не волнуется. Ладно бы, один выстрел или два... А тут почти целый бой. Я бы на ее месте поинтересовался...

– Он же ее отослал. Правильно женщину воспитывает.

– Ладно, двинули к выходу, охрану поищем...

Но жена, оказывается, все же взволновалась. Дверь распахнулась, как только Таймасхан с Хамзатом приблизились к ней. Женщина вошла, и Хамзат сразу ударил ее рукояткой пистолета по голове. Такого удара хватило, чтобы она ничего не видела еще, по крайней мере, несколько минут. А до этого увидеть что-то она тем более не смогла. Даже удар, наверное, не увидела, и очень удивится, когда в себя придет.

Оставив жену лежать в пяти шагах от мужа, они спустились по лестнице. Хамзат показал на дверь в боковой стене холла. Матовое стекло закрывало видимость, но все же было ясно, что свет там горит. Таймасхан дверь распахнул резко. Хамзат держал наизготовку пистолет с глушителем. Здесь стрелять следовало именно Хамзату, чтобы выстрел не услышал охранник у ворот.

За дверью, спиной к ней и лицом телевизору, сидел человек в наушниках. Таймасхан, видимо был прав, считая, что пренебрежение служебными обязанностями следует наказывать. Хамзат и наказал – выстрелом в темечко, к которому приставил глушитель, и дождался, когда охранник непонимающие глаза поднимет.

У ворот стояла каменная будка-сторожка. Там охранник спал, положив руки на стол, а на руки пристроив неумную голову. Хамзат выстрелил в эту голову прямо сквозь стекло, потому что опасаться им было уже некого. Даже если в соседних дворах, где тоже наверняка

есть охрана, услышат, дураков подставлять свою голову следует еще поискать.

– Может, машину возьмем? – предложил Таймасхан.

– Пройдемся. Воздухом подышим...

Они вышли, оставив калитку распахнутой настежь. И в это время в нагрудном кармане Хамзата «вибровозонком» подала «голос» трубка.

– Слушаю, – ответил Хамзат по-русски. – Да, это я... Да я же... Понял... Так... Так... И что?... А что случилось-то? Ладно. Короче, действуй, только не спеши... Мне нужно по крайней мере минут тридцать... И никаких такси... Далеко до общежития? Понял. Нет... Там место слишком открытое. Тогда к дому иди. За сорок минут как раз доберешься... Поведешь ее в сторону троллейбусной остановки. Из двора за школу, через пустырь... Она на занятия всегда там ходит, я сам видел... Действуй. Сразу и рассчитаемся... Сразу... Я с собой привезу... И не переживай... Она уже больше никогда не пожалуется папочке... Она уедет в горы, и там останется... Все... Веди ее... Когда к дому подойдешь, от подъезда мне позвони... Чтобы я уже на месте был... Если что, придется чуть-чуть подождать... Действуй.

Он убрал трубку и посмотрел на Таймасхана.

– Что? – спросил тот.

– Водитель, кажется, тот, что ближе к креслу стоял? – Хамзат бросил взгляд в сторону окна кабинета Далгата, словно объяснял, про кого он говорит.

– Откуда я могу знать его водителя?

– Надо было сразу тебя послушать и взять машину. Вернусь, объясню... Подожди...

Хамзат побежал в дом. Там пока никакой тревоги не поднялось. И даже дети спали за толстыми стенами, не потревоженные выстрелами. Однако в кабинете жена убитого хозяина встала на четвереньки. Очевидно, удар был на слишком тяжелым. Чего доброго, и ментов вызовет, и номер машины сообщит. А это было бы сейчас совсем некстати. Хамзат перевернул ее ногой, чтобы посмотреть в лицо. Ему всегда было трудно стрелять в человека, если он не видел лица, хотя и так стрелять тоже приходилось. Но женщина глаза закрыла. Тогда он выстрелил ей в лоб и шагнул к тому парню, которого посчитал водителем – тот держал в руке брелок с автомобильными ключами. Вместе с ключами пришлось взять его документы и на машину. Парень молодой, Таймасхан внешне может его заменить, хотя лица не слишком похожи. Но для всех здесь, в России, люди с Кавказа кажутся друг на друга похожи. И кто вообще когда сверял фотографию на водительском удостоверении с настоящим лицом. А если уж дело в темноте происходит, то вообще можно не опасаться ничего. Единственная возможная неприятность – это посты проверки, выставленные специально для того, чтобы их, Хамзата с Таймасханом, поймать. Но пусть попробуют это сделать... Хамзат стрелять умеет, а Таймасхан весь пост перестреляет раньше, чем какие-то там омовцы опустят предохранитель и затвор автомата передернут. Так что ехать можно было смело и с чужими документами.

Выходя из кабинета, Хамзат опять остановился рядом с женой Далгата. Он самому себе признаваться не хотел, но чувствовал себя сейчас, после того, как дело было уже сделано, нехорошо. Он знал, что, со своей точки зрения, поступил правильно, и никогда не видел разницы в том, убить мужчину или женщину. Просто его, в самом раннем детстве оставшегося сиротой, как-то непривычно больно кольнула мысль о том, что еще сирот прибавилось. И прибавилось их не у тех, с кем он воевал, с кем вел его воевать Джамбулат Гарсиев, а сироты появились в его родном народе. Джамбулат этого не понял бы. Он всегда старался к своим соплеменникам относиться с пониманием. Но что делать, если эти соплеменники не хотят принимать в свой круг Хамзата с Джамбулатом. Ощущать это было непривычно Хамзату, и он старательно выдавил из себя подобные мысли другими, более приземленными, а выйдя торопливо из дома, сделал знак вошедшему в калитку Таймасхану, чтобы тот ворота открыл, а сам направился к гаражу.

Тяжелый семиместный внедорожник «Audi Q 7» в управлении был, тем не менее, достаточно легким. Хамзат легко вырулил из гаража, закрывать ворота не стал, но их на этот раз Таймасхан все же закрыл, даже калитку прижал плотно, чтобы не казалось со стороны,

будто здесь что-то произошло.

– За руль, – скомандовал Хамзат и протянул Таймасхану документы на машину и права. – Теперь тебя Казбеком зовут. Погнали, Казбек...

– Погнали... Тебя теперь, случайно, не Далгатом зовут?

– Не люблю носить имена покойников. Примета нехорошая.

– Согласен. Живи долго. Куда едем?

Таймасхан уже вырулил на дорогу, ведущую к центру города.

– У нашего подполковника что-то дома случилось. Этот парень, которого я на его дочь натравил, думает, что она с родителями поругалась. Попросила его прийти, чтобы ее до общежития проводить. Через полчаса он будет там. Жми на «газ»...

– Ментов полный город, – кивнул Таймасхан на встречную машину. – Надеюсь, еще не к Далгату...

Он посмотрел в боковое зеркало заднего вида. Хамзат вообще обернулся, но сильно тонированные задние стекла мешали смотреть.

– Нет, поворот проехали...

– Туда можно со следующего поворота заехать. Чуть дальше, но дорога лучше.

Таймасхан включил сигнал поворота, перестроился в первый ряд и прижался к бордюру. И не поленился из машины выйти, чтобы посмотреть вслед ментовской машине.

– У нас времени мало, – напомнил Хамзат.

– Я предпочел бы знать, ловят нас или нет... В этот раз – «или нет». Проехали мимо поворота... Погнали...

Теперь, пользуясь ночной пустотой дороги, Таймасхан легко разогнал мощную машину и уже через двадцать минут оказался в другом районе города. Куда ехать, он знал хорошо...

* * *

Бексолтан показался внешне достаточно хмурым, но не злым парнем, не слишком умным, судя по обилию татуировок на руках, но старый фельдшер Сосланбек, видимо, рассказал, кого ему предстоит везти, и к Джамбулату парень отнесся с очевидным уважением.

– Едем, эмир? – спросил Бексолтан, когда Джамбулат сел к нему в слегка потасканный, но все еще солидный внедорожник «Лексус».

– Едем... Через пару минут... Я хотел бы с тобой предварительно расплатиться, чтобы не отрывать себе карманы лишним грузом.

– Как хотите. Если у вас, кстати, финансовые трудности, я могу и бесплатно помочь в хорошем деле. Люди *должны* помогать друг другу против ментов, иначе не выжить...

– Извини, как раз в связи с финансовыми трудностями, я хотел бы не деньгами, – Джамбулат вытащил из кармана увесистую и солидно смотрящуюся «беретту-92», приложил к ней запасную двухрядную обойму. – Надеюсь, тебе это понравится... Тридцать патронов в запасе...

– Ух, ты! – воскликнул Бексолтан, и татуированная рука жадно схватила оружие. – Только спрятать нужно. На дороге может проверка быть. Сейчас часто проверяют...

– Если проверяют, лучше бы спрятать. У меня тоже оружие, – согласился Джамбулат, выкладывая к себе на колени две своих «беретты» и две гранаты. – И патронов полные карманы. Патронами, кстати, могу с тобой поделиться. Мне столько ни к чему. Нужно будет, я себе всегда добуду...

– В поддоне тайник, – признался Бексолтан. – У меня там старенький «наган» с двумя патронами лежит. На всякий случай... Если «наган» выложить, все поместится. Я в войлок это заверну, чтобы не брэнчало. Машина тихая, брэнчание будет слышно. А «наган» пока под камень спрячу. На обратной дороге и его заберу...

– Хорошо. Работай, – согласился Гарсиев.

Работа заняла некоторое время, потому что, чтобы добраться до тайника, машину

пришлось поддомкратить. В гараже на ремонтной яме это, наверное, можно сделать быстрее, но не возвращаться же в гараж, когда уже покинул село.

Закончив работу, Бексолтан вытер руки тряпкой.

– Что там в селе так гроыхнуло? – спросил между делом, словно бы совсем не интересовался произошедшим.

– Менты хотели «растяжку во дворе дедушки Ризвана Саадуева поставить. Да, известно, руки из задницы у них растут... Сами и взорвались. Сразу три гранаты... Всех в ключья...

– И сколько их было? – Бексолтан понимающе скривил рот.

– Четверо.

– Вот красота... Всех сразу... Они уже каждый дом и каждый двор до белого каления довели. Но теперь у нас тоже жить можно нормально. Когда еще новых сюда пришлют. Этих-то полгода искали...

Парень сел за руль и сунул грязную тряпку в карман своей дверцы.

– Назад когда планируешь? – спросил Джамбулат.

– Сразу... Отвезу и назад.

– Я хотел тебе предложить поработать у меня. По России прокатиться...

– Куда?

– Сначала на Урал. Потом, как подскажут. Сына я ищу...

– Я на Урале уже был. Мне туда нельзя.

– Сильно наследил?

– Сам-то не слишком. Машина с перебитыми номерами. Оттуда пригнал.

– Сам угонял?

– Сам. Для себя выбирал... Чтобы не слишком новая, не броская, но надежная. «Лексус» из самых, считай, надежных в мире.

– А здесь не тормозят?

– Тормозят. Сто баксов... Менты на этом и живут. Всегда приходится с собой возить. Если только на прикомандированных нарвешься, те могут докопаться. Но их сейчас почти не стало.

– Ну, поехали. В Грозный... Я, с твоего разрешения, слегка вздремну по дороге...

– Если остановят... Останавливаться?

– У меня с документами все в порядке.

– Тогда все нормально.

* * *

В Грозный добрались без приключений...

Бексолтан отправился в обратный путь, но до этого во дворе дома Джамбулата опять ставил домкрат, чтобы вытащить из тайника груз. Впрочем, это была задержка не долгая, и с извлечением оружия проблем было меньше, нежели с заталкиванием его в тайник. Едва затих звук двигателя, Джамбулат сразу перепрятал пистолеты, патроны к ним и гранаты в собственный тайник, который оборудовал загодя. Тайник был хороший, надежный, который трудно было отыскать даже с металлоискателем, потому что он был в кирпичной стене позади будки с привозными газовыми баллонами. Чтобы такой тайник найти, следует знать, что он есть, а случайный поиск результата, скорее всего, не даст. Этот тайник Джамбулат делал давно, когда еще дом строил, при советской власти, тогда открыто держать оружие еще не рекомендовалось. Потом он держал в тайнике деньги своего джамаата. Там и сейчас, когда джамаата не стало, еще хранилось немного долларов.

Во время многолетнего отсутствия хозяина в доме жили молодые родственники – сын двоюродного брата с женой и двумя детьми – и присматривали за хозяйством, потому что дни стояли сложные, и пограбить могли и свои и федералы, пользуясь общим отсутствием порядка. О тайнике родственники, конечно, ничего не знали. Знал о нем только один

Таймасхан, но он, видимо, в Грозный не заглядывал. Так, по крайней мере, родственники сказали, когда дом хозяину освобождали, не слишком радуясь его возвращению, хотя внешне это никак не демонстрировалось.

Тайник многие годы простоял в неприкосновенности и сейчас принял в свои укромные ниши оружие. И мог бы принять еще столько же, но такой необходимости у Джамбулата не было, поскольку снова ввязываться в войну он не собирался, как и не собирался оставаться полностью безоружным, понимая, что для него выжить без оружия сложно.

Только справившись с делом и убедившись, что все замаскировал хорошо, Джамбулат вымылся, разделся и лег спать, надеясь хорошенько выспаться перед тем, как планировать свои дальнейшие действия. Но выспаться ему не дали. Еще и девяти часов не было, когда он проснулся от ощущения беспокоящего присутствия посторонних. Это ощущение не каждому дано, но тот, кто много лет воевал, кто длительное время находился в состоянии постоянного риска, подсознанием начинает определять опасные моменты. Дом, конечно же, был закрыт изнутри, и войти никто, естественно, не мог. Но подобные ощущения никогда Джамбулата не подводили, потому что трусом он не был. Придержав рукой штору и выглянув в окно, он увидел, что двор полон ментов. Причем не просто ментов, а готовых к штурму, утяжеленных бронежилетами, с автоматами наизготовку, занявших позицию. Но команды пока, видимо, не поступило, и ломать дверь никто не решался. Хотя, как только Джамбулат выглянул сквозь стекло, как ни осторожно он это сделал, на него сразу было наставлено несколько стволов. Значит, за окнами внимательно наблюдали.

Не откладывая дела в долгий ящик, что только обострило бы ситуацию, он пошел к двери, повернул ключ, дверь распахнул, но сам, на всякий случай, шагнул в сторону от шальной очереди. Знал, как любят менты шмалять на опережение, даже не разобравшись в необходимости таких действий. А потом вложат ему в руки автомат и скажут, что оказал вооруженное сопротивление. Это обычная тактика всех ментов, решающая многие вопросы их личной безопасности. Но на этот раз судьба была к нему благосклонна, очереди не прозвучало.

– Руки за голову, выходи по одному, – последовала слегка истеричная громкая команда.

Он вразвалочку, не слишком торопясь и совсем не показывая испуга, вышел за порог, осмотрелся и только после этого убрал руки за голову.

– Я здесь один... Больше выходить некому...

Тут же с боков, с каждой стороны, выскочили по паре крепких парней, Джамбулата схватили за руки, завернули их за спину, и громко щелкнули наручники. Он, впрочем, не сопротивлялся. Да и бесполезно было сопротивляться, когда ментов только в одном дворе собралось около трех десятков, а за забором еще и бронетранспортер стоял и смотрел пулеметом в окна.

И лишь когда все было закончено, когда руки из-за спины вытащить возможности не было, следовательно, не было возможности и оружие выхватить, из-за спин передовых бойцов весело выскочил подполковник с животом, едва прикрываемым бронежилетом, и радостно засмеялся.

– Не успел сбежать!.. Аллах милостив...

– Куда бежать? От кого? – скованные за спиной руки не помешали равнодушному пожатию плеч. А глаза при этом выражали только спокойное недоумение и легкую насмешку.

Джамбулат слишком хорошо владел собой, и ни один мускул на его лице не дрогнул, когда подполковник спросил:

– И за что же ты наших ментов взорвал?

– Я взорвал ментов? – в искренности Джамбулата сомневаться было сложно. – Я, вообще-то, никогда минным делом не занимался. В душе желание, может быть, и есть, потому что ментов любить и даже уважать – это грех смертный – но взрывать – это не мое дело... Вы, парни, ошиблись в очередной раз...

– В селе был? С ментами ругался?

– Ну и что? Кто с ментами не ругается?

– Что ты там делал?

Ответить Джамбулат не успел. В кармане пузатого подполковника блаженным петушиным голосом завопил мобильник. Пузо и бронезилет мешали забраться в карман. Но подполковник все же изловчился и телефон вытащил. Посмотрел на определитель.

– Слушаю, товарищ полковник... Да, только что взяли. Тепленького... Вроде как спал... Так... Так... А как же... Понял, товарищ полковник. Понял, выполняю... Да... Так точно, товарищ полковник... Обязательно...

Подполковник убрал трубку в карман и только после этого догадался отодрать липучки на бронезилете, что позволило ему перевести дыхание.

– Снимите с него наручники...

Наручники сняли, и Джамбулат скрестил руки на груди, ожидая дальнейшего. Он стоял на высоком крыльце, менты перед ним – на земле двора. Джамбулат и без того был высокого роста, а сейчас смотрел на них сверху вниз, с презрением и нелюбовью, и не стеснялся это показать. Менты этого не заметить не могли. Тем не менее, подполковник козырнул.

– Извините, гражданин Гарсиев. Ошибочка вышла...

– Как так? – спросил один из ментов. – Не он, что ли?

– Там ФСБ дело расследует... Эксперты говорят, парни сами на своих «растяжках» взорвались. Козлы, одним словом. Какого-то бывшего эмира взорвать не смогли... Сами и виноваты... Еще там машина вернулась. Этого, – тройной подбородок на ментовском горле жидко колыхнулся в сторону Джамбулата, – отвозила... Они уехали еще засветло. За несколько часов до взрывов.

Несмотря на извинения, подполковник не мог удержаться от оскорблений перед тем, как уйти. Натура не позволяла чувствовать себя виноватым, хотя, видимо, был приказ принести извинения, и этот приказ он выполнил.

– Отбой! Поехали в управление...

Менты уходили явно недовольные такой скорой и совсем не кровавой развязкой. Но на Джамбулата посматривали косо и угрожающе, словно обещали вернуться, когда ситуация изменится. А он позу не сменил, так и стоял со скрещенными на груди руками и смотрел на них до тех пор, пока не закрылась калитка за последним...

И только тогда эмир опустил руки, а во взгляде его было уже не презрение, а торжество, которое он мог себе позволить, только оставшись наедине со своими мыслями. Он сделал дело мастерски, и сделал так, что его самого можно было посчитать чуть ли не «случайно не пострадавшим», да и вообще рассматривать в качестве предполагаемой жертвы. И это само по себе уже говорило, что он не совсем потерял былую квалификацию. Судя по всему, и жители села остались довольны исходом. По крайней мере, так можно было понять из разговора с Бексолтаном.

Выспаться полноценно за несколько часов Джамбулат, естественно, не мог, но он хорошо знал, что сон после того, как он был прерван, нормальным и крепким, приносящим отдых, уже не будет. Значит, и ложиться уже не обязательно, а выспаться можно в следующий раз. А пока следовало решить, как вести себя дальше. И самый сложный вопрос был в том, что помощник прокурора по надзору Зияудди Индарбиев мог бы просто, посмотрев какие-нибудь неизвестные Джамбулату инструкции, не разрешить ему выезд из города на длительное время. Это, конечно, не остановило бы его. И пусть будет нарушение, плевать он хотел на это, потому что вернуть его на «зону» никто права не имеет. Тем не менее, хотелось бы уехать спокойно, не думая при каждой проверке документов, что тебя могут вот-вот задержать. С надзором следовало что-то решать, как-то договариваться. А договариваться можно было единственным способом – назвать действительную цель поездки. Единственная тонкость, которую Джамбулат не продумал ранее, – как представить сына. Естественно, речи быть не может о том, чтобы говорить о месте и роли Таймасхана в джамаате. Сказать можно только о том, что Таймасхан был оставлен в селе под чьим-то присмотром. Пусть даже того же фельдшера Сосланбека. А после того, как джамаат был

уничтожен, никто в селе не знал, что сам Джамбулат остался в живых, потому что спецназовцы, входившие в село в поисках тех, кто прорвался, ничего об этом не сказали, а самого Джамбулата вывозили вертолетом вместе с трупами убитых спецназовцев. Едва ли стоит ждать, что кто-то в прокуратуре пожелает проверить его слова и отправится к Сосланбеку. За Таймасханом не было следа, который требовал бы его поиска, следовательно, он и будет рассматриваться просто как мальчишка, потерявший отца. И отец в этом случае может и должен сына искать...

Решив так, Джамбулат оделся и отправился в прокуратуру. Но пришлось зевать, прикрывая рот ладонью, на крыльце, потому что помощник прокурора по надзору Зияудди Индарбиев уехал куда-то по своим делам. Дежурный предложил Гарсиеву отметить у любого инспектора по надзору, гарантировав, что данные обязательно передадут Индарбиеву. Но Джамбулат оказался:

– Мне поговорить нужно...

Хотя Зияудди Индарбиев и принимал Гарсиева намеренно холодно, Джамбулат все же предпочитал иметь дело с ним, потому что когда-то был если не в дружеских, то в приятельских отношениях со старшим братом Зияудди, Бесланом Индарбиевым, бывшим во времена Масхадова судьей шариатского суда, а потом пропавшим неизвестно куда. И хотя Зияудди, может быть, как раз из-за брата и показывал рисованную строгость по отношению к бывшему эмиру, Джамбулат надеялся, что он такой же честный человек, как и старший брат, хотя и носит погоны прокуратуры.

Индарбиев приехал минут через сорок, увидел шагнувшего к нему Джамбулата и узнал его сразу, хотя до этого они только один раз встречались неделю назад. Джамбулат не мог этого не заметить. И это сразу же слегка насторожило. Но разговор все-таки был необходим.

– Ко мне?

– Да...

– Вроде бы, в этом месяце вы уже отметились... Я вас, кажется, отправил для регистрации в горотдел. Или есть проблемы?

– Есть...

– Пойдемте...

В кабинете Индарбиев сначала убрал в сейф папку, с которой приехал, и достал с другой полки другую папку, раскрыл, глянул, словно вспоминая, что тянется за Гарсиевым. И только после этого поднял взгляд на посетителя.

– Сначала выслушаю вас. А потом скажу, что у меня для вас имеется... Я, кстати, намеревался сам вас вызывать... Может быть, мы одновременно желали встречи по одному и тому же поводу. Слушаю вас внимательно...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Тщательный план действий разрабатывали совместными усилиями. Андрей Вячеславович хотел не упустить ни одной мелочи, невнимание к которой могло бы поставить в опасное положение жизнь его дочери. И потому, по его настоянию, приходилось каждую деталь обсуждать по три, а то и по четыре раза. Оперативная группа привезла с собой подробный план городского квартала, в соответствии с которым и выставлялись посты. Причем сама Марина, знающая свои привычные маршруты, принимала в обсуждении активное участие. Самый естественный путь, которым она всегда пользовалась – мимо школы, через пустырь, когда-то представлявший собой школьную спортивную площадку, но

давно уже превратившийся неизвестно во что, но не занятый пока под строительство, как большинство подобных пустырей в городе. Видимо, на картах городского архитектурного управления, как и на картах ФСБ, там официально все еще находился школьный стадион.

Но теперь пришлось убедиться, что городские планы, которыми пользуется ФСБ, давно устарели.

– Здесь вот на чертеже, сразу за бывшим футбольным полем, кустов нет. А там кусты стоят. Сирень, кажется... Или черемуха... Не помню точно... Густые, не прорваться, – вносила Марина дополнения по ходу обсуждения. – Там десять человек спрячется, и в темноте их не увидишь.

– Десять человек там прятаться не будут, – решил подполковник Сумароков, – но одного человека там выставить необходимо. Если кто-то другой попытается там же спрятаться, мы кусты блокируем сразу с четырех сторон до вашего туда выхода.

– Это все второстепенно... Необходимо в первую очередь определить, где они будут осуществлять нападение, – сказал Андрей Вячеславович. – Где мы на их месте устроили бы засаду? Из этого и следует исходить, только после этого выставлять посты... Может быть, и эти кусты...

– Конечно, только кусты. Не можем же мы выставить пост на открытом месте? – сказал Сумароков. – Места для постов тоже должны соответствовать условиям возможной маскировки...

– Вот потому я и настаивал на участии в операции спецназа ГРУ, – не согласился Судоплатов. – Устроиться и замаскироваться на открытом месте может только спецназ ГРУ. Лучше, конечно, если это будет не голый асфальт... Наши парни просто лягут рядом с любой неровностью, прикроются маскировочной сеткой, и в такое время суток их заметишь только тогда, когда наступишь. При этом нам следует учесть, что у Гарсиева с Хайдарбековым богатый боевой опыт, и они основное внимание будут уделять тем местам, где возможно устроить для них засаду. Они не ожидают ее, но осторожность проявлять все-таки будут. Это у всех бывших и настоящих бандитов в крови. Я повторяю: они засады пока не ждут, – сразу ответил Андрей Вячеславович на поднятую Сумароковым руку, – но проверять все равно будут все тщательно. Следовательно, наша засада должна быть там, где они засаду не ожидают встретить...

– Флаг вам в руки, – согласился подполковник ФСБ с подполковником спецназа ГРУ, потому что тягаться в устройстве засад с военной разведкой он не собирался. – Что вы конкретно предлагаете?

– Я предлагаю исходить из обстановки. Своей группе я уже отдал приказ искать места засады, и, думаю, что-то уже найдено... Оперативной бригаде ФСБ я бы предложил блокировать все проходы и проезды по внешнему периметру. Пропускать внутрь, но не выпускать за пределы.

– Предположим, запустим внутрь... Как мы определим их, чтобы своих не перестрелять? – задал естественный вопрос Сумароков.

– А их определять не нужно. Вы внешний периметр контролируете, мы – внутренний. Два периметра не соприкасаются. Если появляется противник, он оказывается между двух линий огня. Вот в этом случае важно на линию своего же огня не попасть, потому что противник будет уже виден, и его ни с кем не спутаешь. Следовательно, стрелять необходимо будет только прицельно и только на поражение, одиночными выстрелами. Поскольку мы находимся в городе, и неизвестно, куда может попасть пуля после промаха.

– У меня в оперативной бригаде два снайпера, – сообщил подполковник Сумароков. – У того и у другого винтовки оборудованы ночными прицелами.

– Это хорошо, – согласился подполковник Судоплатов. – Дайте им конкретный приказ стрелять сразу на поражение.

– Приказ отдать не долго. Вы считаете, что стрелять следует только на поражение?

– Во избежание потерь среди собственного личного состава... Таймасхан очень опасен. Когда он прорывался через линию прикрывающих, успел уложить шестерых солдат раньше, чем

они подняли оружие. У нас в бригаде так стреляет только старший лейтенант Разумов. Он, кстати, участвует в операции...

– На будущее... Хорошо бы ваш старший лейтенант дал несколько уроков нашим специалистам. Потом поговорим об этом.

– Невозможно. Такие уроки не усваиваются. Они на цирк похожи... Мы пробовали у себя. И убедились, что для такой стрельбы нужен особый талант и особое устройство пальцев. Это, сдается мне, большая редкость, чем, скажем, актерский или писательский дар...

В дверь кухни, где проходил разговор, постучали, и, решительно наклонив голову, вошла Алина.

– Что ты? – спросил Судоплатов.

– Я слышала, что Маринке предстоит... Я с ней пойду, – сказала Алина упрямо и твердо, как об окончательно решенном и не подлежащем обсуждению. При этом голос ее звучал вполне по-армейски, как заметил подполковник Сумароков.

– Исключено, – категорично возразил командир оперативной группы ФСБ. – Это потребует дополнительных мер по страховке и привлечения дополнительных сил. Мы такой возможностью, к сожалению, не располагаем.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво сказал Андрей Вячеславович, сразу сообразив, что хочет младшая дочь. – Алина, по правде говоря, сама, как страховка... Бандиты едва ли ожидают отпора от женского пола. А она в рукопашном бою в состоянии любому боевику противостоять.

– Таймасхан Гарсиев четверых вооруженных ментов сегодня уложил голыми руками.

– Я их десятерых точно так же уложу. И Алина пятерых... Что с ментов взять... А здесь есть, над чем подумать... В любом случае, Таймасхан с Хамзатом не ожидают отпора. Это, возможно, даст те несколько дополнительных секунд, которых нам может не хватить в критический момент.

– Риск двойной, – продолжал сомневаться Сумароков. – Сразу обе дочери... Таймасхан с Хамзатом только этого и хотят.

– Еще следует учитывать, что радость бывает более сильным расхолаживающим фактором, чем растерянность. И это тоже нам на руку, – Судоплатов стоял на своем. – Алина справится...

Командиру оперативной группы ФСБ только и осталось, что пожать плечами.

– *Ваши* дочери... *Вы* рискуете...

– *Мы* рискуем, – сказала Алина.

– А что на это Валентина Сергеевна скажет? – нашел Сумароков, кажется, последнюю возможность настоять на своем мнении.

– Она меня и послала, – просто сказала Алина.

Теперь Сумароков только руками развел.

– Боевая семейка... Ничего не скажешь... – руководитель оперативной группы ФСБ то ли восхищался, то ли осуждал – было непонятно.

Валентина Сергеевна не вошла в кухню, но остановилась в дверях, прислонившись плечом к косяку, ничего не говорила, но едва заметно согласно кивала головой, подтверждая общее мнение семьи.

– Тогда будем считать новый вариант, – обреченно вздохнув, решился наконец Сумароков, понимая, что хотя официально операцией руководит непосредственно он, бразды правления как-то незаметно перешли уже к подполковнику Судоплатову. Но с теми силами, что тот сумел очень быстро привлечь, хотя до военного городка было и не близко, рассчитывать на успех было легче. Кроме того, подполковник Сумароков получил от своего руководства совет прислушиваться к мнению подполковника Судоплатова. – И даже дополнительные варианты, на случай, если идти придется в другую сторону. Куда этот Володя может повести...

– Вести буду я, – сказала Марина категорично. – Пустырь – самое удобное место...

В это время подполковнику Сумарокову позвонили на мобильник. Он выслушал сообщение молча, поблагодарил и оглядел всех собравшихся с видом победителя.

– Нам удалось прослушать разговор Володи с Хамзатом. Тот велел ему вести Марину через пустырь за школой. Значит, имеем возможность сконцентрировать силы там...

* * *

Таймасхан всегда легко справлялся с машиной любой марки. Ездить он начал раньше, чем научился ходить. Сидя на коленях отца, крутил «баранку» и считал, что ездит. Потом, уже с десяти лет, начал ездить по-настоящему и даже самостоятельно. И позже освоить другие машины ему было просто. Хотя при этом он ни разу не сдавал на права, а все права, которые имел, были куплены. Единственное, однажды ему пришлось ехать за рулем на автобусе, и это ему сильно не понравилось, а потом довелось уходить от погони на тяжелом грузовике, тараня при этом машины, которые мешали ехать достаточно быстро и в нужном направлении. За рулем Таймасхан испытывал почти такое же удовольствие, как при стрельбе. А уж на такой, как машина Далгата, и говорить не приходилось. «Audi Q7», несмотря на свои солидные размеры, легко управлялась и сразу отзывалась на желание ехать быстрее или медленнее. И хотелось поездить на ней подольше и по разным дорогам, чтобы опробовать возможности автомобиля. И когда пришлось съехать с асфальтированной дороги, чтобы через кочки и заросли невысоких кустов добраться до удобного места, которое вызвался показать Хамзат, Таймасхан не отказал себе в удовольствии испытать и пневматическую подвеску «Audi».

Хамзат показывал пальцем:

– Правее забирай... Правее... Оттуда и пустырь будет видно, и их подъезд. Она ведь может пожелать пойти и в другую сторону.

– Что там за мужики? – кивнул Таймасхан в левую сторону, где за кустами виднелись три фигуры.

– А кто ж их знает? Это, мамой покойной клянусь, не мои знакомые, – отмахнулся Хамзат.

– Не думаешь... – начал было Таймасхан.

– Не думаю, – прервал его Хамзат, понимая, о чем говорит молодой напарник. – Я уже просчитывал варианты. Чтобы устроить нам ловушку, следует знать, что мы здесь, и, самое главное, знать, зачем мы здесь. Нереально просчитать, что ты имеешь претензии к подполковнику спецназа ГРУ и желаешь предъявить эти претензии в полном объеме, в том числе, и через его дочерей. Даже теоретически это невозможно, не говоря уже о практике...

– Предпочитаю всегда делать скидку на случайность, – сказал Таймасхан. – Кто этот парень? Ты хорошо его знаешь? А вдруг он мент или просто с ментами связан?

– У меня на руках документы по кредиту, который парень не в состоянии оплатить. Он очень не желает, чтобы документы пошли в ход...

– Мне кажется, – заметил Таймасхан, – ты в последнее время слишком много моментов основываешь на материальном. Это не всегда срабатывает.

– При том, что людей воспитывает современное телевидение, в России это срабатывает почти всегда. Будь я президентом России, срочно расстрелял бы всех телевизионных редакторов и руководителей программ. Как хорошо, что наши горцы не опустились до того, чтобы смотреть телевизор...

– Здесь ты сильно себя обманываешь. Уже и они смотрят, уже и они развращаются. Ретрансляторов везде поставили. Где нет ретрансляторов, там ставят спутниковые антенны.

– Неужели не осталось дома людей, которые эти ретрансляторы взорвут? Неужели нет законов шариата, которые запрещают ставить спутниковые антенны?

– Мало ли что есть? Надо дать этому толчок...

– Хоть в Чечню возвращайся, – со вздохом сказал Хамзат.

– Закончим здесь дела, может, и вернемся... А куда те трое за кустами делись?
– Думаю, ушли... Здесь днем много людей проходит. Это самый короткий путь на соседнюю оживленную улицу, где ходят троллейбусы и автобусы. Наверное, двинулись туда. Ночью я здесь не был, но не понимаю, почему никто не должен здесь ходить ночью...

– Не нравится мне это, – вздохнул Таймасхан.

– Не вижу причин для беспокойства.

– Я тоже не вижу. Просто – не нравится, и все. И место это не нравится...

– Вот здесь к бордюру прижмись.

Таймасхан не стал прижиматься к бордюру. По этой дороге, идущей вокруг школы, и днем-то никто, пожалуй, не ездит. А уж ночью тем более... И машина, прижавшаяся, как положено во время стоянки, к бордюру, будет привлекать больше внимания, чем перегораживающая дорогу.

– И все же... Я лучше поберегусь...

Остановившись, Таймасхан переложил пистолеты из-за пояса себе на колени и несколько секунд держал в каждой руке по рукоятке...

* * *

Подполковник Судоплатов прижимал ладонь к уху, куда вставил наушник «подснежника», компактной коротковолновой радиостанции малого радиуса действия, чтобы посторонний разговор не мешал ему слушать переговоры внутри оперативной группы спецназа ГРУ. Микрофон на гибком и пластичном поводке располагался рядом со ртом, но сам микрофон подполковник только что выключил после того, как передал сообщение, полученное от внешнего радиуса оцепления о неуместной здесь машине «Audi Q7», только что проехавшей через пустырь. Машина была здесь явно посторонней и могла помешать проведению операции. И, как минимум, могла попасть под обстрел, в результате которого рисковали потерять жизнь посторонние люди. В более неприятном случае Гарсиев с Хайдарбековым имели возможность захватить внедорожник и скрыться на нем. Андрей Вячеславович слушал, как обсуждали маневры «Audi» спецназовцы, как высказывали один другому результаты своих наблюдений и собственные соображения.

«Audi» заняла достаточно странное для стоянки место. И это могло значить многое.

– Похоже, это они, – сказал, наконец, Андрей Вячеславович, делая один вывод из разных предположений. – Остановились очень несуразно, явно кого-то дожидаясь. Из машины никто не вышел...

Подполковник Сумароков в это время по своему телефону связывался с базой данных ФСБ, чтобы проверить через нее номер и принадлежность машины. И как раз принимал ответ на свой запрос, готовый записать данные, но записывать не стал, и даже ручку в карман убрал.

– Понял... Значит, Амадиев... Он что, в их компании? Ах, так даже... Совсем интересно и, может быть, меняет дело... Ладно, разберемся...

Сумароков убрал трубку и слегка задумался.

– И что? – спросил Судоплатов.

– Машина принадлежит Далгату Амадиеву, чеченскому «авторитету», главному, так сказать, бандиту в местной диаспоре. Сам Амадиев специализируется на рэкрете – и местных бизнесменов, и своих земляков и на рейдерстве, но найти против него что-то серьезное, за что можно было бы его «закрыть», до сих пор не удавалось. Очень осторожен. И имеет мощную адвокатскую «крышу», которая готовит ему прикрывающие документы для каждого захвата нового предприятия. Грамотные юристы... Не придерешься... Предполагают, что на нем висит несколько убийств, но это тоже только предположение, требующее следствия. Причем сам Далгат прочно повязан с ментами и многих из них держит на постоянной зарплате.

– Значит, Таймасхан Гарсиев из его банды? – предположил Андрей Вячеславович.

– Нет... И даже напротив... Дело в том, что Амадиев, похоже, прислал утром ментов к Таймасхану, а тот с ними разделался. А потом Далгат послал своих людей следить за Хамзатом Хайдарбековым, но Хамзат двоих взорвал, двоих застрелил. Предположительно, вместе с Таймасханом, поскольку выстрелы были произведены в голову, скорее всего, из движущейся навстречу машины. Для такой стрельбы нужен специалист, а Хамзат Хайдарбеков в списке специалистов не числится.

– В таком случае, мы можем предположить, – сказал майор из оперативной бригады ФСБ, – что Далгат знает, где должны появиться Хамзат с Таймасханом, и послал сюда своих людей? То есть, нашу работу пытаются сделать чеченские бандиты, и мы можем просто «умыть руки»?

– Ни в коем случае, – не согласился подполковник Судоплатов. – Во-первых, в этом случае расстреляли бы и моих девочек, а они с таким согласиться не захотят. Следовательно, «умывать руки» нам слишком рано. Во-вторых, это не могут быть люди вашего Далгата. Вернее, его люди могут быть, но они приехали сюда с какой-то своей миссией, нам неизвестной, и не предполагают, что здесь будут находиться Таймасхан с Хамзатом.

– Почему? – не понял майор. – Не слишком ли категоричное утверждение?

– Если Далгат знает, какой стрелок Таймасхан, а он это должен знать, он никогда не пошлет своих людей на собственной машине, наверняка Хайдарбекову и Гарсиеву знакомой. Просто пожалеет машину, которая не предназначена для боевых действий. Это, так сказать, «выходной костюм»... Кроме того, она сразу подставит приехавших под выстрелы. Таймасхан будет стрелять первым. А машина стоит не прячась, ее невозможно не заметить...

– Соглашусь с товарищем подполковником безоговорочно, – сказал Сумароков. – Скорее всего, мы имеем возможность наблюдать тот самый один шанс из тысячи, что привел сюда, может быть, самого Далгата, но это нам только на руку, потому что машина врага не может не привлечь внимания бандитов, и они вынуждены будут работать по двум направлениям.

– Какие-то еще предположения есть? – спросил майор, согласившись со своим командиром.

– Есть только одно... – Судоплатов хотел все варианты просчитать, даже самые, казалось бы, невероятные. – На «Audi» приехали Хамзат с Таймасханом... Звонок Володи застал их во время разборки с Далгатом, разборка благополучно закончилась, и они, чтобы не потерять время, воспользовались машиной побежденного противника.

– Маловероятно, – заметил Сумароков. – У Далгата дома, насколько я помню, есть охрана, в том числе, и ментовская. Даже, кажется, именно ментовская. После своей официальной смены менты дежурят у него с табельным, кстати, оружием... Там же всегда находится большая группа бандитов, подчиненных Далгату. Если бы там поднялся шум, нам уже должны были бы сообщить, потому что в городе сейчас развернут широкий поиск и фиксируется каждое подозрительное происшествие.

– Это не убедительно, – возразил Судоплатов. – Если бы мне понадобилось разобраться с этим Далгатом, меня охрана не смутила бы, и я разобрался бы обязательно. Тем более, имея опытного помощника, хотя мог бы обойтись и без него. И я могу предположить, что на подобное способны и Таймасхан с Хамзатом. Они не только опытные боевики, но еще и высококлассные киллеры с большими «хвостами», за которые их никто не сумел ухватить. А так работать могут только специалисты. И они вполне могли разобраться с Далгатом, а после этого прибыть сюда на его машине.

– Что в таком случае мы имеем?

– В таком случае мы можем упустить их, поскольку не на «колесах», – сердито высказался подполковник ФСБ.

– Ваши снайперы... С ночными прицелами... – напомнил Судоплатов.

– Разве в ночной прицел, да еще сквозь стекло, можно опознать человека? Тем более, человека, которого видел только на старой паршивенькой фотографии с паспорта.

– Выдвигайте снайперов ближе. Им и не нужно опознавать. Они будут ориентироваться

по действиям и по маневрам машины. Марина, Алина... – подполковник спецназа ГРУ повернулся к внимательно слушающим дочерям. – Идете в стороне от стоящей машины. Насколько возможно, дальше... Если машина двинется в вашу сторону, значит, там Таймасхан с Хамзатом, и в них будут стрелять...

– Согласен, – сказал Сумароков и вытащил свою трубку, чтобы отдать приказ снайперам.

Едва подполковник ФСБ успел все нужное сказать, как раздался звонок в дверь.

– Это Володя, – сказала Марина, взглянув на часы. – Из кухни не выходите. И сидите тихо. Я попрошу его в подъезде подождать...

У старшей дочери подполковника Судоплатова, как заметил подполковник Сумароков, как и у младшей, вполне командирские нотки в голосе, да и манеры тоже слегка армейские...

2

– Такую машину себе хочу, – сказал Таймасхан, отложив все-таки пистолеты на колени и крепко сжав пальцами руль с четырьмя сцепленными кольцами посреди тевтонского щита, традиционно украшающего сигнал любой «Audi». – Только, обязательно, с коробкой механической... С «автоматом» только ленивые дурни любят ездить и бабы... Но только с «механикой» себя за рулем хозяином чувствуешь...

– Это дело вкуса, – не согласился Хамзат. – Такие, кажется, только с «автоматом» и выпускаются. Хотя точно я не знаю...

– С «автоматом» не хочу...

– Ты можешь себе позволить такую, – согласился Хамзат. – Под заказ всегда могут и с механикой поставить. Это даже дешевле...

– Дело не в цене. Дело в том, что хочется хоть остаток жизни прожить так, чтобы было приятно. Устал убегать... Хочу ездить в свое удовольствие, никого не выслеживать, и чтобы никто меня тоже не ловил...

– С чего ты вдруг заговорил об остатке жизни? – удивился Хамзат.

– Да так... Ощущение такое, что все к концу подходит...

– Я на двадцать два года тебя старше, и то еще пожить собираюсь.

– Человек предполагает, а Аллах делает по-своему. Неисповедимы помыслы Всевышнего... Просто чувствую приближение конца. Это как в марше... Усталость накопилась, но знаешь, что привал скоро... И я привал чувствую... Последний...

– Я тебе скажу, что с тобой, – усмехнулся Хамзат. – Ты на марше к привалу шел, как к цели. И перед привалом уже расслаблялся и позволял усталости зашевелиться. Основная цель у нас с тобой какая? Победить победителя твоего отца... Нам до этого осталось совсем немного. И мы победим его. И ты чувствуешь, что победим, как чувствуешь приближение привала. Отсюда и расслабление и чувство усталости. С человеком всегда так бывает. Если он сильно к цели стремится, когда достигает ее, какое-то опустошение чувствует. Будь готов даже к тому, что, когда ты подполковника убьешь, тебе его долго еще будет не хватать. Ты даже тосковать по нему будешь, хотя ни разу его вблизи и не видел.

– Я увижу его... Вблизи... Я в глаза ему хочу посмотреть, перед тем, как начну стрелять...

– А вот с этим ты будь осторожен. Меня всегда эта твоя привычка смущала... Что она тебе дает?

– Мне нужно видеть, как человек себя ведет. Один пугается, другой ненавидит... Они все что-то выбрасывают в мою сторону. Взглядом выбрасывают. А я от этого сильнее становлюсь. Я, как кошка с мышкой, с ними играю... И этот подполковник выбросит... Все выбросит... И я возьму это... Я всю его силу победителя возьму... Я с ним тоже играть буду, мне это важно...

– Таймасхан... – в голосе Хамзата прозвучал укор. – Надо быть проще. Это гораздо безопаснее. Всегда может подвернуться человек, который умеет стрелять не менее быстро,

чем ты, и обладающий характером не слабее твоего. И это особенно касается подполковника. У него большой боевой опыт. С ним играть, как с мышкой, нельзя. Это опасно.

– Тем интереснее игра. Иначе вообще зачем брать оружие в руки. Оружие – атрибут силы. Сила – принадлежность отваги. Все вместе и создает победителя. Я смогу его победить.

– Мы сможем его победить, – со вздохом согласился Хамзат. – В любом случае, я подстрахую. Но все же я прошу тебя быть осторожнее.

– Осторожный человек никогда не сможет победить.

– И все же, я прошу... – договорить Хамзат не успел, потому что зазвонила трубка мобильного, он вытащил ее, глянул на определитель и сразу ответил. – Слушаю тебя, Володя. Ты где? Хорошо... Вижу тебя... Действуй. Мы на месте... Пойдете через пустырь. За школой стоит машина. Я там сижу... Не волнуйся... Расплачусь сразу...

Он убрал трубку и кивком показал Таймасхану в сторону дома. Голые кусты не закрывали обзор, и дверь нужного подъезда было видно хорошо. У двери стоял человек. Когда он открыл ее, на улицу неправильным четырехугольником упал тусклый свет из подъезда.

– Началось. Сейчас он ее выведет...

– Кстати, куда мы ее денем? У нас уже нет своего дома, – словно бы только сейчас вспомнил Таймасхан. Захват дочерей подполковника Судоплатова планировался заранее, но тогда имелось в виду наличие дома, который снимал Хамзат, и подвала в нем, где можно было бы держать пленниц. Хамзат даже начал оборудовать этот подвал, но обстоятельства резко изменились.

– А тот, где мы остановились. Места там хватит на всех. Есть и окна с решетками. Я сразу думал об этом доме.

– А этот парень... Охранник.

– А ты разве научился стрелять? Или я никогда не держал в руке пистолета?

– Он нас приютил... – в голосе Таймасхана прозвучало сомнение.

– Он бывший мент. И воевал в Чечне.

Это решило все. Больше вопросов по этому поводу у Таймасхана не возникло. Но появились другие вопросы.

– Может, откладывать не будем?

– Ты о чем? – переспросил Хамзат, хотя, кажется, догадывался, о чем говорит напарник.

Согласно первоначальному плану, необходимо было похитить дочь, чтобы заманить в ловушку подполковника. Сначала Таймасхан планировал даже дать тому оружие, чтобы провести какое-то подобие поединка. Но Хамзат обсмеял такую идею, правильно сказав, что поединок только тогда имеет смысл, когда у противников равные силы. В этом случае побеждает не сильнейший, а правый, которому Аллах силу в руку вкладывает. А в любом поединке с оружием в руках Таймасхан обречен на победу. Это уже совсем не правое дело. Даже просто застрелить убийцу отца – уже дело более правое. Оно будет выглядеть наказанием. Посмотреть в глаза и застрелить. Так и решили. А саму ловушку можно будет придумать позже, исходя из обстоятельств. Но сейчас у Таймасхана появились, кажется, другие планы.

– Я все о том же. У дочери наверняка есть ключи от дома...

– Конечно, есть.

– Значит, туда можно пойти.

– Можно, – согласился Хамзат. – У меня у самого такая мысль возникала, но я боялся, что ты будешь против. Ты любишь проработанные планы. Но импровизация иногда тоже хороша.

– Значит, решено... Так и сделаем.

Осталось только ждать. Но ждать пришлось, как показалось, невероятно долго...

– Что он там застрял? – не выдержал, наконец, Хамзат.

– Он ждет женщину. А женщина даже к соседям собирается всегда, как в последний путь. А если это и в самом деле последний путь, то...
– Наверное, семейные разборки...

* * *

– Подожди в подъезде. Мы сейчас, – послышалось от входной двери.
– Ты с кем?
– С сестрой... Подожди. Мы быстро.
Дверь закрылась решительно и громко. Марина вернулась в кухню.
– Разговор не слишком категоричен? – спросил подполковник Сумароков.
– Нормально...
– А то обидится и уйдет...
– Он привык к такому обращению. Воспитала на дистанции, – без улыбки сообщила Марина, и подполковник ФСБ снова отметил в манерах девушки достаточно четкие командирские замашки.
– Никуда он не уйдет... До утра ждать будет, как ему, подонку, приказано, – сказал подполковник Судоплатов. – Я бы сам с этим женихом побеседовал... Может, сейчас уже можно его брать? Разговор с Хамзатом зарегистрирован. Доказательства есть...
– А если Хамзат ему позвонит? Или между ними существует договоренность о том, что Володя обязательно должен позвонить Хамзату? При осторожности Хайдарбекова это вполне допустимый вариант. Нет, задержание пока выглядит лишним.
– Ладно... – подполковник Судоплатов вытащил из нагрудного кармана джинсовой рубашки радиостанцию «подснежник» и дважды щелкнул разными кнопками, подключая связь для полноценного функционирования. – Тянем до последнего, заставляем Таймасхана с Хамзатом нервничать. Марина, сколько твой Володя вытерпит?
– Ты же сам говоришь, до утра простоит. Я так думаю, что простоит и дольше.
– Не надо перегибать палку, – сказал Сумароков. – Это не только заставит бандитов нервничать, это их излишне насторожит. Немного потянуть время можно, но только в рамках приличия. Потом идти все равно придется.
– Согласен, – кивнул Судоплатов, впрочем, совсем неохотно.
У Сумарокова опять подала «голос» трубка мобильного.
– Слушаю... Хорошо... Продолжайте наблюдение. Держите и того и другого под прицелом. И машину не забывайте. Снайперы где? Хорошо. Пусть там пока будут. Нет. Не распыляться. Войдут во внутренний круг, их примет спецназ...
– Уже приняли, – зажав рукой микрофон «подснежника», сказал Судоплатов.
Сумароков убрал трубку и сообщил для остальных:
– Два человека, предположительно, кавказской национальности, прошли внешний круг, вошли во внутренний. Ведут себя подозрительно, оглядываются, словно кого-то ждут или ищут. Контролируют две стороны: и от дома и в сторону дома... Один, судя по походке, в возрасте, второй – явно молодой. Более конкретной информации получить не удалось.
– Остановились в тех самых кустах... Похоже, спрятались, – сообщил Сумароков самую свежую информацию. – Это они? Будем брать сразу?
– Давайте команду, – после недолгой паузы согласился командир оперативной бригады ФСБ. – Ваши парни ближе. Если что, включатся мои снайперы. Я предупрежу.
Он вытащил трубку.
Подполковник Сумароков придвинул ближе ко рту микрофон.
– Внимание всем! Блокируем пару в кустах. Предположительно, это они. Если будет возможность, работать предельно аккуратно. Сколько у нас человек в тех кустах? Двое... Хорошо. Пусть начинают работать. Остальным стягивать кольцо. Себя не обнаруживать. На подготовку пять минут. Снайперы ФСБ будут страховать. Помните, Гарсиев стреляет очень быстро и точно. Соблюдать осторожность...

Но Сумароков связаться со снайперами не успел, потому что мобильник сам вызвал его.

– Так, понял... Все... Понял... Судоплатов! Отбой...

– Всем отбой! – тут же, еще не вникнув в ситуацию, повторил подполковник спецназа ГРУ. – Оставаться на позиции «до особого»...

И повернулся к командиру оперативной бригады ФСБ за разъяснениями.

– Это не они. Они звонили Володе из машины.

– Забавно получилось бы, если бы Таймасхан с Хамзатом из машины наблюдали, как мы захватываем посторонних, – оценил ситуацию Судоплатов.

– Марина может не идти. Теперь мы знаем, где они, и можем брать на месте... – Сумароков, кажется, почувствовал облегчение. Он боялся своего уже принятого решения на привлечение в операцию посторонних.

– Но в кустах может быть группа поддержки, о которой нам неизвестно. И мы, подходя к машине, рискуем получить выстрелы в спину. – Судоплатову, казалось бы, следовало больше бояться за дочерей, тем не менее, подполковник спецназа ГРУ понимал, что любой неосторожный шаг может сорвать все дело, которое может закончиться окончательно уже сегодня, а может, если Хамзат с Таймасханом уйдут, не закончиться еще долго.

– Что предлагаете? – спросил майор.

– Предлагаю продолжать, как планировали. Марина с Алиной в случае перестрелки не пожалеют одежду и залягут. Это они сумеют.

– Может быть...

– Тогда не будем дольше время тянуть. Марина...

– Я поняла. Мы пошли...

Сестры посмотрели друг на друга и двинулись к двери. Решимости что одной, что другой было не занимать. Отец дождался, когда в замке повернется ключ, и вышел к двери, чтобы послушать. Из подъезда слышались голоса. Но сам подъезд был безопасен. Снизу, из подвала, и сверху, с выхода на чердак, его блокировали офицеры спецназа ГРУ. Следовательно, здесь опасности ждать не следовало. На улице весь путь до машины тоже охранялся, хотя и незаметно для постороннего взгляда. Да и Таймасхан вместе с Хамзатом машину не покинули.

Судоплатов опять прижал микрофон ко рту.

– Внимание всем. Они идут... Парни, очень прошу – предел внимания и точности.

С кухни раздался новый телефонный звонок. Опять звонили подполковнику Сумарокову. Ожидая новостей, Судоплатов вернулся в кухню.

– Остановить их невозможно? – спросил командир оперативной группы ФСБ.

– Как? Они вместе с Володей. И уже, наверное, вышли... Что случилось?

– Там идет еще какой-то человек. Молодой парень. Вышел из соседнего подъезда. Те двое, что в кустах, зашевелились, перепрыгались ближе к тропе, приготовили оружие. У того и у другого ножи...

– Бандюки, что ли? На промысле?

Сумароков в раздражении передернул плечами.

– Похоже...

– Из машины их видели?

– Не могли не видеть. Обязательно видели...

– Что можем предпринять?

– Выхода два. Первый – дать постороннему делу развиваться своим чередом. Но в этом случае парня могут не просто ограбить, но и убить. Второй – вмешаться и спугнуть наших... Допустить убийство или упустить других убийц?... – подполковник Сумароков, судя по интонации, решение уже принял, но хотел услышать и мнение коллеги из спецназа ГРУ.

– Приказ снайперам отдайте. Стрелять по машине при первой попытке тронуться с места. Сразу в водителя на поражение.

– А потом?

– Я дам своим приказ нейтрализовать бандюков. С одновременной блокировкой машины...

– Подождите, сначала я предупрежу снайперов...

* * *

– Еще кому-то дома не сидится, – сказал Хамзат, поглядывая сквозь стекло в сторону кустов, отгораживающих бывшее футбольное поле от остального пустыря.

Два человека шли через пустырь, осматриваясь и оглядываясь, словно плохо знали место. Те, кто часто здесь проходит, иначе себя ведут, и Хамзат это сразу определил.

– Если не поторопятся, пулю получат, – небрежно заметил Таймасхан. – Гуляки хреновы...

– Они не торопятся, – через минуту сказал Хамзат. – Они в кустах застряли? Кого-то ждут и прячутся.

– Засада?

– Похоже, что так. Только не на нас...

– Откуда такая категоричность?

– И сил маловато, и слишком плохо прячутся. На нас бы спецов выслали, которые и прятаться умеют, и вооружены основательно да и вообще бы весь район оцепили. И машину нашу попытались бы бронетранспортером раздавить...

Таймасхан смотрел мимо плеча товарища, но ему видно было плохо.

– Какого им тут хрена надо?

– Гопники, мне сдается...

– Не вовремя и не к месту. Нарвутся на пулю... Но где твой Володя? Я ждать устал...

Хамзат бросил взгляд в сторону дома как раз в тот момент, когда открылась подъездная дверь. Прямоугольник света опять лег в темноту, но это открылась дверь другого подъезда.

– И еще кого-то несет. Здесь что, всегда по ночам гуляют! – проворчал Хамзат.

– В нашу сторону...

– Не совсем в нашу. Скорее, в сторону гопников. Они зашевелились и в сторону сдвинулись. Знают, значит, где люди через кусты проходят. Что-то здесь намечается, мне кажется...

– Посмотрим...

Но смотреть им времени не выпало, потому что и дверь соседнего подъезда открылась. Оттуда вышел Володя и придержал дверь, выпуская двух девушек.

– Двоих ведет? Кто там с ней?

– Мне не докладывали. Может, подруга, может, сестра... Если сестра, то удача с нами.

Человек из соседнего подъезда прошел мимо машины, коротко глянув на нее.

– Что там гопники?

– Спрятались. Сейчас что-то будет. Жалко, кино не посмотрим...

Две девушки вместе с Володей приближались. Шагали быстро, целенаправленно. Обе девушки ростом были выше Володи, но его это смущало мало. Взгляды Таймасхана и Хамзата были прикованы к ним.

– Гопников они не спугнут? – сам себя слегка насмешливо спросил Таймасхан.

– Оп-па!.. – коротко глянув в сторону, вдруг резко воскликнул Хамзат. – Там засада! Гопников вяжут...

– Нас это мало касается...

– Касается. В нашу сторону бегут. С оружием... Гони навстречу девкам.

Еще два человека в гражданской одежде, но с пистолетами вдруг появилось с другой стороны, из кустов, и бежали они явно не к гопникам, а к машине.

Таймасхан завел «Audi», и тут же что-то тупо ляпнуло в стекло, по которому пошли мелкие трещинки. Но стекло выдержало.

– Что за хренобень?

В стекло ударило еще трижды. Точно против тех мест, где сидели Таймасхан и Хамзат.

– Гони! По нам снайперы лупят, – первым сообразил Хамзат.

Новые удары отозвались звуком рвущегося металла. Пули дырявили капот в попытке повредить двигатель, потом в стекло дверцы ударило.

Уговаривать Таймасхана необходимости не было. Машина легко взяла с места, выехала на дорогу между домами и стремительно двинулась в сторону Володи и двух девушек. Они посторонились. Девушки отодвинулись дальше и встали так, что их с двух сторон прикрывали деревья, делающие невозможным таран, но Володя стоял у самого бордюра.

– Дави его, он нас сдал...

Тяжелая машина подбросила низкорослого парня, как куклу, отшвырнула перед собой и переехала. И все это время ощущались удары в корпус машины и в заднее стекло. Но удары длились недолго. Таймасхан уже вырулил на улицу и сразу вдавил педаль «газа» в пол. И уже через десяток секунд «Audi Q7» оказалась у перекрестка и на скорости вошла в поворот прямо на «красный» свет. В ночное время улицы пусты и дают возможность за секунды создать запас дальности.

– Что произошло? – спросил Таймасхан. – Что это было?

– Нам следует сказать большое спасибо Далгату. У него машина бронированная. Но снайперы об этом знали не больше нашего, иначе стреляли бы бронебойными.

– Думаешь, Володя сдал?

– Кто еще мог сдать? Я не вижу других вариантов.

– Куда сейчас?

– Подальше... Потом бросаем машину и ловим частного.

Таймасхан уже не боялся привлечь к машине внимание и ожесточенно гнал по улицам на высокой скорости. Так он сбрасывал свое разочарование после провала задуманного дела.

Столько лет шел к этому. И так неудачно все сложилось...

Доверять следует только себе...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

– У меня дело простое, – начал разговор Джамбулат, не сразу и не в лоб высказывая свою просьбу, а, в полном соответствии с восточными традициями, начиная издалека. – Только честно скажите, если знаете... Мне что, всю оставшуюся жизнь предстоит так вот жить, как сейчас? Это целенаправленная акция, обязательная установка?

– Вы о чем? – спросил помощник прокурора, не совсем понимая или же делая вид, что не понимает. Но если делал вид, то вполне успешно.

А Джамбулат артистично показывал свое возмущение.

– Я об отношении к своей личности со стороны власти... Не со стороны простых людей, а только людей, властью наделенных и к власти причастных.

– С вами что-то произошло?

– Вы не в курсе?

– Нет. Не доложили еще.

– Может быть, просто не успели. Но еще доложат. Отметился я в горотделе по всем правилам. Поехал я, значит, в село... Туда, рядом с которым меня семь лет назад захватили федералы и где закончилась моя боевая биография.

– Зачем? Поехали, я имею ввиду, зачем?

Джамбулат для внушительности сделал значительную паузу. Потом сказал уже совсем другим тоном, без прежней начальной аффектации и даже слегка приглушенно:

– Когда федералы подходили к селу, я уже знал, что нам податься некуда и все мы обречены на гибель. Там был только один проход, по которому можно было с потерями

уйти, и был один процент на то, что спецназ этот проход не знает. Но он знал. И блокировал нас... Но все же мы уходили... Со мной был сын... Мальчишка... Я один у него остался, и мальчишку девать было некуда, потому и таскал его за собой. И подставлять его, жизни еще не видевшего, под пули мне не хотелось. Пожалел и оставил его у сельского фельдшера Сосланбека. Тот хороший человек, честный и добрый. Жена у него глухонемая, детей им Аллах не послал. Думал, пусть мальчишка у них живет, если со мной что-то случится. Все пригляд и забота будет, не беспризорный... Я, говоря честно, выжить не надеялся и сдаваться не собирался. Но мальчишку оставил. Пожалел...

– Похвальное решение, – согласился Индарбиев. – Значит, вы поехали в село искать сына? Я правильно понял?

– Конечно же...

– И что? Нашли?

– Правда, я предварительно уже узнал, что Таймасхана в селе нет. Он уехал куда-то через несколько месяцев после моего ареста... Но куда уехал, это я мог только в селе узнать, и потому эта поездка была мне необходима.

– Сколько мальчишке было?

– Пятнадцать.

– Сложный возраст. У меня у самого сыну пятнадцать. Старается все кардинально решать и слушается сердца, но не разума. И уже начинает считать, что знает больше родителей и вправе решать самостоятельно. Но я слушаю вас. Что дальше?

– Я поехал узнать, куда поехал мой сын. Инспектора по надзору в горотделе я предупредил, и поездка была полностью законной – я не прятался, ничего противоправного не совершал. В селе, сразу по приезду, навестил местного старейшину Ризвана Саадуева. Это очень уважаемый в округе человек. И вот, когда мы с дедушкой Ризваном пили чай, в дом врываются трое местных ментов. Причем ведут себя чрезвычайно нагло. Оскорбляют пожилого хозяина и вообще плюют на обычаи нашего народа. Уже одно это возмутительно. А дальше еще хуже. Меня выводят на улицу, обыскивают, проверяют документы, и, хотя я ожидал худшего, вдруг пока отпускают...

– Я понимаю вас, – вздохнул Зияудди Индарбиев. – И приношу вам свои извинения. Но не все же менты такие однозначно плохие.

– Не все, – согласился Джамбулат. – Я лично однажды встречал мента, который даже умываться умеет. А остальные мне попадались, как эти. Может, просто везет...

– Неоткуда, к сожалению, нам взять культурных и образованных ментов, – рассердился помощник прокурора. – Не вырастили пока таких. А те, что есть в наличии, в большинстве имеют такое же прошлое, как у вас. В свое время они вас предали и перешли на другую сторону, и потому вас и вам подобных, кто сам не сложил оружие, стыдятся, боятся, а чтобы свой страх и свою совесть перебороть, пытаются вас запугать... У них перед вами сильнейший комплекс вины, с которым они справиться не в состоянии. И еще очень вас боятся, и до конца дней своих будут вас бояться и ненавидеть. Будьте к этому готовы, соблюдайте осторожность при общении. Еще раз извините...

– Это еще не самое главное. Я не случайно сказал, что отпустили «пока». Менты планировали заработать на мне большие очки. И для этого во время обыска они подсунули мне в сумку пакетик с наркотиками. А это уже не запугивание, а нечто более худшее. Хорошо, что я проверить сумку догадался и пакетик выбросил. А потом, после посещения дома бывшего фельдшера Сосланбека, эти же самые менты в сопровождении майора, своего начальника, и двух понятых, приглашенных заранее, снова меня останавливают и начинают обыскивать. Тот самый пакетик искали.

– Это уже серьезнее, – согласился Индарбиев. – Это провокация... Хотя боюсь, что вам мало что удастся доказать.

Джамбулат согласно кивнул.

– Только доказывать уже нечего и некому. Я ментам все высказал там же, на месте, и в несколько менее сдержанной форме, чем вам... Они уже знали, что я ночевать намеревался у

доме дедушки Ризвана Саадуева, и ночью пришли поставить у калитки «растяжки», чтобы меня взорвать. И сами на своих «растяжках» взорвались...

– Интересное дело. Я еще не слышал об этом. А вы...

– А я, к счастью, сразу после разговора с ними зашел в Сосланбеку посоветоваться, и опытный фельдшер решил, что мне лучше сразу уехать. Он и машину мне нашел, чтобы отвезла меня в Грозный. Я успел только с дедушкой Ризваном попрощаться и уехал... Менты об этом, похоже, не знали. Но, предположим, даже если бы я остался ночевать там, кого тогда они готовились взорвать? А если бы не я первым вышел за калитку? А если бы к дедушке Ризвану сосед вечером заглянул. Да еще с внуками. Ведь там мог быть любой человек...

– Вас бы просто вызвали из дома, – подсказал Зияудди. – А потом сказали бы, что у вас в руках взорвалась ваша собственная граната... Но, если вы уехали, как вы обо всем этом узнали?

– Утром ко мне в дом ворвались другие менты, уже местные. Сильно поиздеваться, правда, не успели, им кто-то позвонил и дал «отбой». От них все и узнал...

Джамбулат уже осознал свой прокол. Менты не могли называть имени дедушки Ризвана и не могли знать, у какого дома взорвалась «растяжка». Но помощник прокурора тоже не знает, о чем говорили менты. Однако, на всякий случай, Джамбулат добавил:

– Я после этого позвонил фельдшеру Сосланбеку. Он мне рассказал подробности...

Судя по лицу Зияудди Индарбиева, тот не слишком хотел вникать в подробности дела, поскольку оно мало касалось непосредственно его работы. Это была сфера интересов следственного комитета при военной прокуратуре, поскольку установка «растяжек» приравнивается к терроризму, но это никак не дело гражданской прокуратуры. И потом Зияудди просто развел руками:

– Привыкайте... Недоверие к вам будет проявляться еще какое-то время, предполагаю, что даже длительное время, и при этом возможны любые провокации. Поэтому следует быть осторожным. А с сыном... Что с ним?

Этот вопрос прозвучал вроде как бы между прочим, но Джамбулат уловил все же нотку натянутости. Помощник прокурора осторожничал, а зря он этого делать не будет. И плохо, если у него есть сведения о Таймасхане, потому что в прокуратуре все сведения носят определенный характер. Плохо даже в том случае, если Индарбиев может помочь найти сына. Это значило бы, что Таймасхан где-то проявил себя. Лучше уж, чтобы в прокуратуре вообще ничего о нем не слышали, а Джамбулат сам сумеет провести поиск.

– Да... С сыном... Фельдшер по просьбе Таймасхана отправил его в Россию к своему старому товарищу. И я вот хочу съездить туда, узнать. Понимаете, так, к несчастью, получилось, что Таймасхан считает меня погибшим. Недоразумение, но недоразумение трагическое, и боюсь, что оно могло сломать мальчику судьбу. Все в селе считали меня погибшим, и фельдшер тоже. Он и отнесся к Таймасхану, как к сироте. Конечно, сам Таймасхан переживал случившееся сильнее всех, не зная, что я жив. А тут как раз Сосланбек встретил Асхаба Вахатова, своего старого товарища, живущего на Урале... Короче говоря, мне необходимо найти сына. Вот я и пришел за разрешением на поездку. Чтобы все законно было...

– Асхаб Вахатов, – вспомнил Индарбиев. – Что-то очень знакомое... Ну-ка...

Он включил компьютер, постукивая тупым концом карандаша по стеклу на столе, дождался, когда запустится программа, и быстро отстучал на клавиатуре имя. Система поиска в базе данных сразу выдала ответ.

– Вот он, есть такой. Вернее, был... Я правильно вспомнил. У нас запрашивали на него данные, и как раз я их отправлял, потому и запомнил. Я тогда еще следователем был. Это еще до создания следственного комитета. Это вообще давно. Это, кажется... Сейчас посмотрю... Да, шесть с лишним лет назад. Так что ваш сын мог к Вахатову и не попасть. Но у Вахатова он, скорее всего, не работал. Его нет в списке людей Асхаба. Тут целый список прилагается, по которому запрос формировался... Таймасхана Гарсиева нет.

– Почему не работал? – спросил Джамбулат. – Что-то там не так?

– Потому что не стало Вахатова, и это привело к целой криминальной войне в городе. Там была целая история с бандитскими разборками. Асхаб поссорился с каким-то грузинским «вором в законе», грузины убили его самого и двух его парней, а потом кто-то перестрелял кучу авторитетных грузин в четырех ближайших городах. И все в течение пяти дней. Впечатление такое, что летал из города в город и стрелял... Причем все выстрелы похожи по характеру – стреляли строго в голову. Стреляли, предположительно, двое, потому что пули идентифицированы по двум стволам. Есть в деле и третий ствол, но он присутствует только однажды, и выстрел был в корпус. Впрочем, это все отношения к вашему делу не имеет... Хотя... – последнее слово было произнесено в раздумье. Зияудди прочитал до конца данные с монитора и только потом повернулся к Гарсиеву. – Или все-таки имеет?

Джамбулат собой владел прекрасно и отлично знал, кто умеет стрелять в голову одновременно из двух пистолетов, но, естественно, рассказывать об этом не собирался. Однако последний вопрос помощника прокурора был явно провокационным.

– Вы о чем?

– Может, хватит в игры играть? – спросил помощник прокурора.

– Вы о чем? – с прежней невозмутимостью переспросил Джамбулат.

– Вы знаете, где искать вашего сына?

– Мне дали адрес Асхаба Вахатова. Я намеревался туда отправиться.

– Там его нет... С Урала он в Питер махнул, там отметился двумя выстрелами в одну голову, из Питера поехал покататься по Европе, там тоже «наследил», потом по многим городам России прокатился и везде ставил точки все тем же знакомым вам способом.

– Вы что-то пугаете...

– Впрочем, вы могли этого и не знать, – согласился Индарбиев с какой-то собственной мыслью. – А поехать вам придется. И не на Урал, а дальше – в центр Сибири... Вы, конечно, можете отказаться, но это одна из возможностей спасти вашего сына, потому что он на краю пропасти... Его не будут задерживать. Его при обнаружении просто пристрелят. Сразу. Но вы можете его из этой ситуации вытащить... Не знаю, что это даст самому Таймасхану, но, по крайней мере, жизнь вы ему сохраните.

– И обеспечу пожизненное заключение? Судя по тому, что вы назвали, ему грозит именно это? Я правильно понял?

– Я знаю слишком мало, – сказал помощник прокурора. – К нам пришло официальное письмо с просьбой обратиться к вам. Я обратился. Вы, насколько я понимаю, отказались. Значит, с первым вопросом покончено...

– А второй вопрос какой? – спросил Джамбулат, понимая, что Индарбиев сказал далеко не все и только готовится перейти к самому главному.

– Второй вопрос совсем не официальный. Почти дружеский... Вы, кажется, знакомы с Гилани Гирмасолатовичем?

– Был когда-то знаком... Но лишь слегка. Даже в годы советской власти я был порядочным человеком и не поддерживал тесных отношений с коммунистическими чиновниками. Я всегда считал это плохим тоном.

– Он был не коммунистическим, он был только комсомольским чиновником.

– Это не меняет дела. Они все друг друга стоят, и я предпочитал с такими не связываться. Что ему от меня сейчас надо?

– Если вы сейчас домой поедете, он вас вскоре навестит. Ему тоже небезразлична судьба Таймасхана. Думаю, вы сможете найти с ним общий язык.

– Какое он имеет отношение к Таймасхану? Откуда он может знать его?

– Это мне неизвестно. Меня просто попросили с вами поговорить, я говорю.

– Хорошо. Я сейчас не еду, поскольку за семь лет «зоны» я не заработал на машину, а иду домой. Минут через сорок буду у себя.

– Тогда я вас не задерживаю, а Гилани Гирмасолатовичу я позвоню. Он сейчас крупный

бизнесмен и политик. Я думаю, он сможет быть вам полезным, а вы ему.

– Я буду его ждать, – согласился Джамбулат.

* * *

«Разбор полетов» проводился в ФСБ, поскольку оперативная бригада ФСБ официально и проводила операцию, но подполковника Судоплатова, как непосредственного участника, пригласили туда же. Поехал Андрей Вячеславович на своей машине, но с собой, как настаивал командир бригады, все же взял для подстраховки старшего лейтенанта Разумова.

Конечно, там старшему лейтенанту делать было нечего, поскольку решались и обсуждались там вопросы не его компетенции. Но по дороге до управления ФСБ старший лейтенант сидел на заднем сиденье, цепко посматривал по сторонам, и держал на коленях два пистолета Стечкина, как всякий спецназовец предпочитая именно эти пистолеты любым другим, в том числе и новомодным «береттам» и «глокам». Судоплатов такое пристрастие своего «телохранителя» одобрял. Если «беретта» может на равных соперничать со «стечкиным», уступая ему только в ведении автоматического огня, но кое в чем и выигрывая, например, в кучности боя при одиночной стрельбе, то «глок», позволяющий сделать точный первый выстрел, имея легкий пластмассовый корпус, после этого вихляет стволом и заставляет заново искать цель. В плотном бою это может стоить жизни, и потому ни одна армия мира брать на вооружение «глок» не пожелала, оставив эти пистолеты для полиции. «Стечкин» же для любого спецназовца всегда предпочтительнее любого другого оружия, а с присоединенной вместо приклада деревянной кобурой он вообще заменяет собой короткоствольную винтовку.

Старший лейтенант в дороге, как видел Андрей Вячеславович, расслабляться себе не позволял, оценивал каждую обгоняющую и обгоняемую машину, «простреливал» глазами идущие навстречу и «прощупывал» идущие параллельным курсом на одной скорости. Руки, сжимающие пистолеты, были скрещены у старшего лейтенанта на животе, чтобы удобнее «выбрасываться» в любую из сторон с одновременным выстрелом. С такой подстраховкой можно было ехать без опасений за свою жизнь.

И на стоянке Разумов остался охранять машину, когда подполковник ушел на совещание. Теперь сомневаться в намерениях Таймасхана Гарсиева и Хамзата Хайдарбекова не приходилось и можно было ожидать всего, в том числе и взрывного устройства, установленного в машине. Потому охрана была необходима, и Андрей Вячеславович, понимая это, не бравировал собственной боевой подготовкой и соглашался с присутствием и сопровождением старшего лейтенанта.

Народу на совещании собралось много, но Судоплатову достаточно было знать одного подполковника Сумарокова, который ночью чуть ли не за голову хватался, когда Таймасхан с Хамзатом так легко ушли, оборвав единственный след, за который можно было уцепиться. То есть, не оборвав, а сбив его машиной, а потом и колесом переехав. След этот звали Володей, и показаний он уже дать не мог, поскольку скончался еще до приезда «скорой помощи». Сумароков загодя обещал своей голове все шишки, которые сможет наставить на ней начальство. Однако обсуждение проходило гладко, и даже собственно «разбор полетов» занял не слишком много времени. Сумарокову высказали претензии за попытку использования гражданских лиц, но все сошлись в мнении, что невозможно было предположить, что Таймасхан с Хамзатом за час до операции убьют Далгата и приедут на его бронированной автомашине. О том, кто такой Далгат, в местном управлении ФСБ хорошо знали, и присматривали за этим парнем, но даже в управлении не знали, что у него автомобиль бронированный, поскольку такие машины специально не регистрируются, и каждый человек может позволить себе, если деньги есть, бронировать любой транспорт: хоть лимузин, хоть мотоцикл, хоть инвалидную мотоколяску.

Коротко обсудили и появление на месте проведения операции двух других кавказцев, которые были задержаны с поличным усилиями спецназа ГРУ. Это оказались дагестанцы,

простые бандиты, которых жена наняла для того, чтобы убили ее мужа, когда тот будет возвращаться от любовницы. Бытовая история, чуть было не ставшая кровавой. Задержание было осуществлено в самый критический момент, когда уже была поднята рука с ножом. Но удара спецназовцы не допустили. Первичный и предельно жесткий, как сами спецназовцы сказали, болевой допрос был произведен на месте и положительного результата он не дал, несмотря на умение спецназовцев проводить такие допросы, что называется, «по-горячему». Более серьезные допросы, уже с протоколом, проводились безостановочно всю ночь. Но связи между несостоявшимися наемными убийцами и двумя опытными киллерами, пожелавшими работать на территории одного и того же пустыря, обнаружить не удалось. В результате, все материалы, что можно было передать ментам, были переданы вместе с задержанными. Они допросами и вопросами были уже настолько измучены, что менты даже звонили в ФСБ и спрашивали, что от дагестанцев надо добиться, поскольку те готовы дать любые признательные показания, лишь бы им позволили выспаться. Но любые показания нужны были только ментам, а ФСБ требовались не показания, а информация, которой задержанные не располагали.

Это все достаточно мало касалось подполковника Судоплатова. Внимательно слушать пришлось позже, когда стали обсуждать меры поиска. Здесь заинтересовались уже мнением подполковника спецназа, на что он сначала только плечами пожал:

– Если бы у меня была необходимость вести полевой поиск, я знал бы, как его организовать, где выставить посты, какую задачу поставить информаторам из числа местного населения. Поиск в условиях мирного города – это не моя прерогатива. Но мне кажется, надо организовать новую провокацию...

– Новую провокацию? – переспросил ведущий заседание человек в гражданской одежде.

– В первый раз мы спровоцировали их, выставив в качестве приманки моих дочерей. Сейчас можно повторить ситуацию, только уже не с дочерьми, а со мной. Следует спровоцировать Таймасхана Гарсиева и Хамзата Хайдарбекова на поспешные активные действия.

– Что может заставить их спешить?

– Например, моя командировка. Длительная, на полгода... Или перевод по службе... Как я понимаю, они искали меня очень долго. Семь лет... И все же нашли. И не пожелают еще семь лет потерять, чтобы снова повторить поиск. За семь лет многое может случиться. Поэтому поторопятся. Наверняка в первоначальных материалах, которые мне дали посмотреть только мельком, можно найти какую-то «воронку», через которую можно будет слить дезинформацию.

– Ну что же, – сказал человек в гражданском. – Я считаю, что это только один из вариантов поиска. Товарищ подполковник верно заметил, что семь лет, затраченных на поиск, должны этими бандитами цениться. И потому они не должны отступить от начатого и просто сбежать из города, как случилось бы с простыми бандитами. А что у нас с его отцом?

– Он отказался с нами сотрудничать, – сообщил подполковник Сумароков. – Откровенно и честно сказал, что его сыну грозит пожизненное заключение и он никак не будет способствовать его поимке. Так нам сообщили из прокуратуры Грозного, где по этому поводу проводили с Джамбулатом Гарсиевым собеседование. По крайней мере, сказано честно...

– А есть возможность запустить данные об отце через какие-то контакты в среде чеченской диаспоры?

– Таймасхан с Хамзатом наломали дров. За один вчерашний день одиннадцать трупов, из них десять – этнические чеченцы, и только один из охранников в доме Далгата Амадиева был ментом. Десять похорон настроят против них всю диаспору города. Они не сунутся к своим.

– Здесь я не соглашусь, – заметил моложавый майор, до этого молчавший. – Они

уничтожили тех, кто угнетал своих же. И многие из диаспоры благодарны этим бандитам, где они могут встретить более теплый прием, чем был им оказан Далгатом. Я с чеченцами уже три года работаю, и знаю положение вещей.

– Возможно. Не буду спорить, – согласился Сумароков. – Может быть, тогда вы и передадите информацию через диаспору?

– Можно попробовать.

– Я подготовлю текст.

– Отлично, – констатировал человек в гражданском. – Наверное, на сегодня у нас все...

– А телефонный номер? – спросил Судоплатов.

– Что – телефонный номер?

– Вы не пытаетесь найти его через телефонный номер? Вы же зарегистрировали номер, с которым связывался ночью Володя?

– Мы сделали официальный запрос оператору связи, – сказал Сумароков. – Утром отправили. Они попытаются найти его, как только с номера будет произведен первый звонок.

– Мне номер нужен, – сказал Андрей Вячеславович. – Если вы не возражаете, я через своего командира попытаюсь связаться с управлением космической разведки ГРУ, чтобы они через спутник отыскали sim-карту. Это возможный вариант. Наши так работают, хотя пока, насколько я знаю, в экспериментальном порядке...

– Я слышал что-то такое, – сказал человек в штатском. – До нас, к сожалению, современные технологии еще не дошли. У нас зона всегда считалась мирной. И к нам это придет в последнюю очередь.

– Я дам вам номер, – согласился подполковник Сумароков...

2

Автомобиль бросать было жалко, но они все же бросили его. На такой и просто так заметной машине, да еще к тому же отмеченной следами многих пуль, ездить даже по ночному городу было опасно. И первая же из ментовских машин среагировала бы обязательно, что вызвало бы новую перестрелку. Да и без того на «Audi» уже наверняка объявлен план «Перехват». И план этот будет работать не только на авто, а на всех парней с кавказской внешностью.

Попытку прорваться на «Audi» в открытую, через все заслоны, что будут вскоре обязательно выставлены на основных улицах, они даже не обсуждали. Конечно, бронированная машина укроет и от пулевых пуль, и даже от автоматных очередей. Но не спасет от простого выстрела прямой наводкой из «подствольника». Да и снайперам не долго сменить магазин с простыми патронами на магазин с бронебойными. К тому же любую дорогу, где будет осуществляться прорыв, легко за минуту перегородить грузовиками, столкнуть которые с места даже «Audi» не сможет.

Но Хамзат с Таймасханом и не собирались из города выбираться. Они не закончили еще дела здесь, и потому не торопились. А поисков они не боялись.

Но машину все же решили бросить...

– Во двор сворачивай, – сказал Хамзат.

Таймасхан повернул, не включая сигнал поворота, подъехал вплотную к торцу дома и там остановил машину. Отпечатки пальцев вытирать было уже бесполезно. Слишком много отпечатков они уже оставили, к тому же хотелось работать в открытую, чтобы подполковник спецназа знал, с кем имеет дело.

– «Лохмача» ловить, – скомандовал Хамзат.

Они двинулись в сторону дороги, свернули в нужную сторону и теперь уже шли не слишком торопясь, чтобы не привлекать к себе внимание торопливостью. Улицу они выбрали сразу правильно. Здесь от дороги тротуар отделялся широким газоном со множеством кустов и деревьев. Дважды проезжали мимо машины со светящимися на крыше указателями «taxi», на такие они не реагировали. Дважды по улице промчались на высокой

скорости ментовские машины. Оба раза удачно подвернулись кусты, за которые можно было легко спрятаться. А потом Хамзат, уже прекрасно ориентирующийся в городе, показал, где можно пройти через дворы.

– Там ночной клуб. Рядом с ним тачек всегда полно...

Так и оказалось. Машину нашли сразу. За рулем оказался худосочный парень, почти мальчишка, который затребовал почти тройную цену, но они согласились без возражений. Ехали быстро, но, естественно, не до самого места, а до соседнего поселка. Дальше шли через грязные улицы между еще не растаявшими сугробами, пока не вышли к нужным домам. Охранник Василич не подвел и калитку оставил, как и обещал, открытой. Хамзат хотел было пойти охранника искать, но тот сам вышел к двери откуда-то со стороны.

– Вернулись, и хорошо... Ночью не выходите. Мои собаки просто молча разжуют и спасибо не скажут. Они редко лают, обычно сразу нападают. Загрызут тоже молча...

– Что за собаки? – поинтересовался Таймасхан.

– Алабаи... Три штуки... Кроме меня никого не признают. Осторожно с ними.

Они прошли в дом, в комнату. Хамзат на несколько минут удалился, вернулся с чаем, который пили молча. Каждый чувствовал себя не совсем уверенно после проваленной операции, но обсуждать произошедшее не торопились, потому что предпочитали сначала все осмыслить каждый самостоятельно.

* * *

Утром, после беспокойного сна, когда Таймасхан открыл глаза, он увидел, что Хамзат сидит в кресле и сосредоточенно смотрит себе на колени.

– Ты совсем не ложишься?

– Лег, но почти не спал. Мысли сон гонят... Опасность чувствую... – Хамзат ударил себя по коленям двумя ладонями. – Что-то не так получилось, вижу прекрасно. Но никак не могу понять, где же именно я «прокололся»...

– Мы «прокололись», – Таймасхан решил великодушно взять и на себя часть ответственности. Он тоже несколько раз за ночь просыпался, хотя и лежал с закрытыми глазами, и тоже думал об этом же.

– Беда не в том, я или мы... Просто я не могу понять – где, когда и каким образом?

– Володя, – Таймасхан сказал уверенно. – Скорее всего, он. Я многое в голове перебрал, но не вижу другого варианта.

Хамзат поморщился, что обычно выражало его сомнение.

– Это сначала так подумалось. И мне, и тебе... Потом уже я переворошил все и понял, что он ни при чем. Это легко просчитывается. Если бы дело делалось через него, можно было бы без проблем устроить нам такую ловушку, из которой мы не могли бы выбраться. Нам бы все пути отступления перекрыли и не допустили бы нас на машине. А пешими оторваться слишком сложно. Он вообще мог позвать нас в какое-то закрытое помещение, где сразу ствол под нос воткнут. Нет, не Володя... Но парня придавили все равно не зря. Он мог и после дать показания. Хотя знал мало и интерес к Судоплатову не показал бы. Интерес к девке, о котором он только и знал, не вызвал бы такого переполоха. Слишком много людей, вооруженных, обученных. Может быть, даже спецназ ГРУ... Но я видел парней в черной униформе. Это уже спецназ ФСБ или ОМОН... Нет, из-за девки могли бы начать поиск только после похищения. А эти знали о нашем интересе к подполковнику.

Таймасхан только плечами пожал.

– А что еще может быть? Откуда они могут знать?

– Я все перебрал. Все варианты, начиная от Далгата до местного охранника. Не смейся. Я и Василича просчитывал – что знает и что может сказать. Практически, нет вариантов... Ни Далгат не знал, ни Василич. И никто другой...

– Если нет вариантов, тогда только Володя, который ничего сказать и не мог. Кольцо замкнулось. Но если ты говоришь, что вариантов нет *практически*, значит, они есть

теоретически . Давай их просчитывать...

– *Теоретически* нам может навредить Гилани Гирмасолатович. Он может выйти на спецназ ГРУ и предупредить, что мы здесь, объяснить, что мы делаем здесь... Но для этого ему тоже следует знать, для чего именно мы здесь застряли. А он этого не знает и знать не может. Это знаем только мы с тобой... Сам подполковник Судоплатов и думать забыл, кто такой Джамбулат Гарсиев, и никогда прежде не знал, кто такой Таймасхан Гарсиев. Может, что-то и слышал о Хамзате Хайдарбекове, но и это едва ли. Даже если и слышал, то все равно забыл за эти годы... На его веку столько разных Джамбулатов и Хамзатов было, что всех не упомнишь.

– Есть с моей стороны маленький прокол. Я вчера сказал Гилани Гирмасолатовичу, что здесь из-за отца. Хотя сказано это было обтекаемо, без конкретики.

– Я помню. Ты же при мне говорил. И понять он ничего не мог. Пусть даже мы предположим, что Гилани умеет мысли читать. Но и в этом случае он ничего не успел бы предпринять. Буквально через несколько минут после твоего разговора позвонил Володя. А Гилани, чтобы предпринять против нас какие-то меры, следовало связаться с ГРУ, передать информацию, там должны были бы архивы поднять, поискать, посмотреть, что за дело, потом сообщить на место. Нет... Если он и «стуканул», то гораздо раньше. Но раньше, повторяю, ему и стучать было не о чем. Непонятно...

– Непонятно... Но, может, все гораздо проще, может, нервишки расшалились, и мы просто паникуем? – сказал Таймасхан. – Гопников сразу повязали. Кто они такие, что за парни? Насколько серьезные? Может, это конкретно на них была выставлена засада? А мы засуетились и привлекли к себе внимание, потому клюнули и на нас...

– Я и это обдумывал, – устало ответил Хамзат, продолжая методично постукивать себя ладонями по коленям, так ему, видимо, лучше соображалось. – И пришел к выводу, что гопники оказались на месте случайно и просто помешали в работе против нас. У них, насколько я понял и рассмотрел, только ножи были. Даже пистолетом не обзавелись. Хоть бы пневматический купили. В темноте дурака и он напугать может. С ножами серьезные люди не ходят. А если они не серьезные... Чтобы повязать такую мелкую шушеру, не будут выставлять снайперов. К тому же снайперы не их, а нас караулили, и стрелять начали, как только ты машину завел. Причем стреляли сразу на поражение. Ты обратил внимание, куда попадали пули?... Они в нас направлялись. Не по колесам, не в двигатель... А с нас начали. В случайную машину, в которой сидят свидетели задержания гопников, так не стреляют. Просто гопники сорвали спецназу операцию. Им, конечно, теперь не позавидуешь, но сами виноваты, что решили нас «спасти»... Пусть и нечаянно. Если бы не они, нас с тобой застрелили бы, как только из машины вышли бы. У снайперов наверняка винтовки с ночным прицелом...

– Если дело обстоит так, то я могу и возгордиться, – заметил Таймасхан. – Нас всего двое, а федералы выставляют против нас такие значительные силы. Гордиться есть чем, и отец был бы доволен. И тем доволен, что мы смогли опять уйти от них...

– Мы не далеко ушли, – поддержал тему Хамзат. – И ненадолго. В прошлый раз мы «ушли» на семь лет. Но еще семь лет терять я совсем не намерен.

– А я и не собирался, – голос Таймасхана звучал решительно. – Даже если они на каждом городском углу посты поставят, я все равно свое дело сделаю. Мне безразлично, что будет со мной дальше. Ты, Хамзат, извини, если у тебя есть планы на будущее, я тебя не держу и не буду на тебя в обиде. Но я должен остаться здесь.

– Я с тобой, – просто сказал Хамзат, который вообще не любил громких слов.

В это время в кармане его куртки зазвонил телефон. Хамзат встал и шагнул к вешалке. Посмотрел на определитель и пожал плечами. Номер был незнакомым, а на звонки с незнакомых номеров Хамзат обычно не отвечал. Но сейчас ситуация была такая, что очень хотелось получить какую-то информацию. А любой звонок нес информацию. И он ответил:

– Слушаю...

– Это Хамзат Хайдарбеков? – спросил незнакомый голос.

– Да-да... Я... Слушаю...
– Здравствуй, Хамзат... Меня зовут Андрей Вячеславович Судоплатов. Подполковник Судоплатов, если тебе так легче вспомнить...

Хамзат растерянно посмотрел на Таймасхана, не зная, что ответить.

* * *

– Я не думаю, что эти парни могут рискнуть около здания ФСБ засаду устроить, – сказал старший лейтенант Разумов, когда подполковник Судоплатов вернулся с «разбора полетов». – Они вообще должны после бурной ночи «на дно» залечь, как подводная лодка в спящем режиме. Но на всякий случай я посматриваю за той вон синей машиной. Там два кавказца сидят. Подъехали, в здание никто не пошел, просто сидят двое...

Руки старший лейтенант держал, как и прежде, скрещенными на животе, в каждой руке – по пистолету Стечкина. И стекла на дверцах опущены для возможности стрельбы в любом направлении.

Судоплатов не сразу посмотрел на синюю машину. Сначала за руль сел, зная, что Разумов страхует его. И только за рулем осмотрелся по сторонам, как всякий водитель, выезжая со стоянки. И сразу оценил объект наблюдения.

– Нет, не похоже. Эти одного возраста, одного роста. А Хамзат, старший, коренастый, крепкий. Таймасхан молод и строен, хотя тоже широкоплеч. Тем не менее, Коля, не расслабляйся. Едем в бригаду...

Самое сложное было – выехать из города, потому что в утренние часы дороги обычно бывают заполнены машинами. Андрей Вячеславович, где было возможно, старался ехать второстепенными улицами, чтобы избежать дорожных пробок. Но ближе к выезду из города они все же основательно застряли.

– Наша вина, – даже не видя, что там впереди происходит, сказал подполковник. – Менты все машины проверяют. Придется терпеть. Ты пистолетами у них под носом не размахивай, чтобы объяснять не пришлось...

Медленно добрались до места, где омоновцы вместе с сотрудниками ГИБДД проверяли все выходящие из города машины. Поскольку Судоплатов с Разумовым были в военной форме, их останавливать не стали. Дальше поехали быстрее.

– Где бы ты на месте бандитов засаду устроил? – спросил подполковник.

– На въезде в наш городок, – без раздумий сказал старший лейтенант. – Там, по логике, наступает момент расслабления. Кажется, что самое опасное уже позади.

– Правильно, – согласился Андрей Вячеславович. – Поэтому будь внимательным до самого конца. За воротами можешь уже убрать оружие. Пойдешь к себе в роту. Если я буду выезжать – позвоню...

Обычно Судоплатов оставлял машину у штаба, не заезжая на территорию, хотя пропуск для въезда у него был. В этот раз, соблюдая осторожность, подъехал к воротам, где дежурный сразу пропустил автомобиль. Должно быть, был проинструктирован даже наряд у ворот.

Дежурный по штабу майор Лонцаков остановил Судоплатова приветственным жестом.

– Наслышан уже, Андрей Вячеславович, о твоих ночных бдениях... Барсук просил, как только появишься, сразу к нему.

– К себе только загляну. Чем там мои заняты? Надо бы для порядка нагоняй дать...

– Твои уже разбежались. Работают... Иди сразу к полковнику. Настоятельно требовал. Сильно озабочен, хмурится...

Судоплатов плечами пожал и пошел.

Командир бригады был в кабинете, жестом остановил желание Андрея Вячеславовича выполнить доклад по форме, снял очки, положил на стол и кивнул на стул:

– Садись... Докладывай...

Судоплатов короткими фразами пересказал суть происшедшего нынешней ночью и

итоги обсуждения проваленной операции уже в ФСБ, которая за нее и отвечала.

– Интересно получается, Андрей Вячеславович, – без усмешки сказал полковник.

– Что интересного, товарищ полковник?

– Таймасхан Гарсиев с Хамзатом Хайдарбековым сейчас локти себе кусают, считая, что они провалили свою операцию. В ФСБ нашли себе точно такое же занятие, считая, что свою операцию провалили они. А что бандитам не удалось захват и при этом случайно были захвачены другие бандиты, это разве не успех?

– Это... – хотел было сказать подполковник Судоплатов, но Барсук не дал ему договорить.

– Неуспех только в том, что уничтожить бандитов не удалось. Но неожиданное появление бронированной машины и не позволило бы вам осуществить захват. О такой машине следовало бы знать предварительно, тогда можно предпринимать против нее конкретные меры. А в данном случае результат больше, чем ничейный. И это не говорит о провале. Так что тебе горевать не о чем.

– Есть о чем, товарищ полковник. Сам я встречи с этими головорезами не боюсь и даже рвусь встретиться. Но у меня есть семья, и мне необходимо обеспечить ее безопасность. Это меня больше всего беспокоит, поскольку практика показала, куда они нацеливают удар. Тем более, сейчас, после неудачи с их захватом или ликвидацией, мы насторожили Таймасхана и Хамзата, они удвоят осторожность. Я пока вижу только один способ реально отыскать их в кратчайшие сроки. Хотя и не в курсе возможностей для такого поиска. Говорят, в Чечне и вообще на Кавказе уже многократно испытывались системы спутниковой разведки, которые отыскивают с точностью до нескольких метров любую sim-карту любой трубки. Если ГРУ не откажется нам помочь, мы быстро отыщем их. У меня есть номер Хамзата Хайдарбекова.

– Я тоже что-то слышал об этом. Но даже по прямому телефону о таких вещах не говорят. Составь шифротелеграмму, я подпишу. Отправим с грифом «срочно». Сделай это побыстрее, а то мне уезжать надо. Мне время у губернатора выделили...

– Десять минут, товарищ полковник. На чье имя писать?

– Напрямую к начальнику космической разведки мы обратиться не можем. Пиши на имя командующего спецназом. Я ему позвоню с разъяснениями. Когда ответ придет, позвони мне, сообщи...

Подполковник Судоплатов ушел в комнату дежурного по штабу, чтобы воспользоваться блокнотом исходящих шифротелеграмм дежурного, и коротко изложил суть просьбы, не вдаваясь в подробности и не объясняя необходимость. Необходимость полковник Барсук вызвался объяснить по телефону...

* * *

Ответ пришел через пятьдесят минут, и, поскольку командира бригады уже на месте не было, шифротелеграмму принесли подполковнику Судоплатову, как Барсук и распорядился перед отъездом. Прочитав, Андрей Вячеславович сразу позвонил Барсуку.

– Товарищ полковник, пришел ответ. В настоящее время использование контрольных функций сотовой и спутниковой связи через спутники главного разведывательного управления не представляется возможным вследствие системного перепрограммирования основных секторов наблюдения. Ближайший срок, когда поиск sim-карты будет возможен, не менее десяти дней. Подписано командующим спецназом ГРУ.

– Я понял. Андрей Вячеславович, как вернусь, обсудим это дело. Никуда не отлучайся до моего приезда.

– Я жду, товарищ полковник...

Судоплатову только и осталось, что ждать. Ждать решения командира бригады, ждать, когда оперативники ФСБ найдут, если найдут, Таймасхана и Хамзата, ждать, что предпримут последние в отношении его жены и дочерей. Ждать, в конце концов, когда они решатся до него самого добраться.

Ждать – это тяжелое испытание. Как всякий военный разведчик, Андрей Вячеславович умел ждать. Но, если представлялась возможность, всегда предпочитал ожидание сократить до минимального срока.

В запасе был только тот план, что предложил он сам на утреннем совещании в ФСБ. То есть, пустить слух, что подполковник Судоплатов готовится к длительной командировке. Возможно, такая дезинформация сработает. Может, не сработает вообще. Дезинформация просто не дойдет до конечного адресата. Хамзат, как говорилось в материалах, которые дали прочитать Судоплатову, работал очень осторожно, и большинство людей, с которыми он связывался, не имели на него выхода. Это просто случайность и везение, что Володя знал номер Хамзата. Если бы он номера не знал, засада могла бы просидеть всю ночь, могла бы сопровождать Марину с Алиной до общежития и обратно, а результата бы не было никакого.

Взгляд Андрея Вячеславовича упал на трубку, лежащую перед ним на столе. Он взял ее в руки без всякой задней мысли, повертел и машинально стал набирать номер, только недавно появившийся в его собственной памяти. И только тогда, когда набрал, сообразил, что это номер Хамзата. Но звонок уже прошел, и трубка Хамзата уже зарегистрировала номер вызывающего. Осталось только поговорить. А почему бы, собственно говоря, и не поговорить?

– Слушаю... – раздался тяжелый, с легкой хрипотцой, голос.

– Это Хамзат Хайдарбеков? – спросил подполковник.

– Да-да... Я... Слушаю... – Хамзат, кажется, нервничал. Может, просто не выспался. Может, чувствует, что их с напарником обложили. Может, он просто по натуре сдержан и мрачен.

– Здравствуй, Хамзат. Меня зовут Андрей Вячеславович Судоплатов... Подполковник Судоплатов, если тебе так легче вспомнить...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Джамбулат Гарсиев, всегда отличающийся быстрой легкой походкой, домой шел неестественно для себя медленно, чтобы успеть обдумать новую ситуацию и оценить угрозы и выгоды, которые можно из нее извлечь. Если он и желал бы получить от кого-то помощь в поисках сына, то Гилани Гирмасолатович стоял бы в списке на одном из последних мест. Этот человек был неприятен Джамбулату еще раньше, в годы молодости, когда им приходилось сталкиваться. Они не виделись уже много лет. Сейчас о Гилани он знал только по слухам, которые даже в «зоне» ходили. Некоторые считали Гилани приемником нынешнего президента, если с тем что-то случится, а пока бывший комсомольский работник занимал какой-то важный пост в Москве и, как говорили, на руку был очень даже не чист. Следовательно, годы Гилани Гирмасолатовича не исправили, а только усугубили дурные стороны его характера. И выходить на такого человека не хотелось, потому что возникали опасения относительно самого Таймасхана. Джамбулат хорошо понимал, что рядом с такими людьми, как Гилани Гирмасолатович, долго не живут...

Но, не имея больше никакой возможности найти следы Таймасхана, Джамбулат на встречу с Гилани все же решился, решив быть предельно осторожным и только почву прощупать, но ничего не решая кардинальным образом.

Повернув на улицу, ведущую к своему дому, Джамбулат уже увидел машину, стоящую на другой стороне улицы против его ворот. Машина солидная, внедорожник «Порше Кайена», за такие, как слышал Джамбулат, случается, убивают. Просто угнать не получается, тогда убивают владельца и угоняют. В Чечне это одна из самых популярных машин. Одна марка сразу говорит, что владелец человек достаточно серьезный, с которым связываться не стоит. Впрочем, в Чечне слишком много людей, которые считают, что с ними не стоит

связываться.

Хотелось знать, кто приехал в «Порше». Скорее всего, это был сам Гилани Гирмасолатович. Он может себе позволить на такой машине ездить. Но номер на «Порше» чеченский, а у Гилани должен быть московский. Впрочем, у него, возможно, есть машины и здесь. Однако, даже подойдя ближе, увидеть того, кто внутри сидит, оказалось невозможным, поскольку все стекла были сильно тонированы.

И Джамбулат прошел мимо, спиной остро чувствуя чей-то тяжелый напряженный взгляд.

Джамбулат прошел в дом, оставив калитку открытой, поставил чайник на газовую плиту, потом заварил чай, и только после этого посмотрел на часы. Прошло ровно сорок минут, которые он отвел себе для возвращения домой перед визитом Гилани Гирмасолатовича. И тот оказался точным. В кухонное окно не было видно калитку, но было слышно, как она скрипнула, открываясь, и не сразу скрипнула повторно при закрытии. Значит, Гилани Гирмасолатович не рискует ходить в одиночестве.

В дверь не стучали. Она просто распахнулась рывком, и вошли два крепких парня с цепкими и подвижными глазами. Джамбулату показалось, что они не обыскивают его взглядом, а руками ощупывают. На парнях были строгие костюмы, олицетворяющие собой принадлежность к определенному кругу людей, среди которых им, охранникам, приходится работать. У каждого по пистолету в подмышечной кобуре, стягивающей плечо.

Он молча смотрел на пришельцев, не пожелавших даже поздороваться, которые, бегло обшарив взглядом кухню, шагнули к нему.

– Оружие есть?

– Полный чемодан, – ответил Джамбулат, отрывая локти от корпуса и показывая, что он подмышечную кобуру не носит. – Стрелять сразу или подождать?

Шутить охранники не были настроены. На всякий случай, ему и за спину под куртку заглянули. Там оружия тоже не оказалось. И после этого один из охранников остался с хозяином дома, а второй быстро, почти бегом, проскочил по двум комнатам, может быть, даже под кровать и в платяной шкаф заглядывал, как показалось Джамбулату по звукам, и, убедившись, что Джамбулат один, распахнул входную дверь.

– Все чисто. Можно входить...

Двор они, кстати, не проверили. А во дворе есть, где спрятаться троим или даже четверым. Это Джамбулат сразу отметил. Значит, не такие серьезные парни, как показалось сначала – просто рисуются. Но прокалываются на пустяках. И второй прокол определился сразу – никого не оставили рядом с объектом охраны. Если бы кто-то во дворе спрятался, объект оказался бы сразу под ударом и без защиты. Третий прокол был вообще вопиющим. Называется, обыскали на предмет наличия оружия хозяина дома... А он стоит рядом с кухонным столом и вполне мог положить пистолет в ящик этого стола. Достать оружие – дело секунд... Явный непрофессионализм. Впрочем, непрофессионализмом по нынешним временам трудно было кого-то удивить. Профессионализм давно уже заменился у людей наглостью и умением урвать чужое, до чего рука может дотянуться.

Гилани Гирмасолатович вошел важной походкой. Очень неторопливо вошел. Он, кажется, внешне мало изменился за те годы, что не виделись они с Гарсиевым. Только стал совсем седым, может быть, даже седым не по возрасту, и еще слегка морду отъел. Но это лишь следствие городской сытой жизни. Окажись он в горах среди бойцов любого джамаата, лицо выглядело бы совсем иначе, да и загар был бы не пляжным, не коричнево-шоколадным, а черным, и кожа была бы обветренной. Это добавило бы мужественности резким чертам лица гостя. А он мужественность пытался заменить тяжелым взглядом, не понимая, что такой взгляд влияет только на слабых людей, а сильные сами способны смотреть так, что кому-то не по себе становится.

– Здравствуй, Джамбулат. Я рад тебя видеть живым и здоровым, вернувшимся в свои стены. Дом тебя дождался в целостности, хотя многие в городе разрушены.

– Здравствуй, Гилани. Проходи, садись. Извини, что принимаю на кухне. Дом дождался

меня, но без хозяйки он пришел в запустение. В комнате я только ночью, и потому туда не приглашаю. Будешь чай?

– Я привез бутылку хорошего грузинского коньяка. Это лучше чая.

– Давно мы с тобой не виделись, – заметил Джамбулат. – Ты забыл, что я не пью...

– Ты не пьешь вообще или не пьешь со мной?

– Я не пью вообще и в принципе. Я верующий мусульманин. Не фанатик, но верующий. А верующему мусульманину пить нельзя.

– Трудно тебе, наверное, было на «зоне»...

– Там никому легко не бывает.

– Но иметь там принципы – это не каждый может себе позволить.

– Если человек имеет принципы, его уважают везде, а там особенно. Так что, у тебя неверное представление о жизни в «зоне». Ну-да, твои годы еще молодые. Придет время – узнаешь...

– Предрекаешь?

– Просто не советую зарекаться...

– Хороший совет, – усмехнулся Гилани Гирмасолатович. – Тем более, он идет от человека знающего... Но я к тебе за другим советом обратился...

Гилани Гирмасолатович выдвинул табуретку из-под кухонного стола, посмотрел на нее, словно проверяя чистоту, и только после этого, слегка поморщившись в сомнении, сел, забросив ногу на ногу и сцепив на коленке пальцы. Поза была довольно легкомысленная и никак не вязалась с обликом самого важного гостя. Может быть, он просто таким образом хотел показать свое несерьезное отношение к этому визиту. Или пытался сбросить свое внутреннее напряжение. Но Джамбулат легко читал все его действия и от этого чувствовал себя не только хозяином дома, но и хозяином положения.

– Так что, чай будешь? – спросил Джамбулат.

– Нет, спасибо. Я чай только дома пью. Или в Японии, когда туда заглядываю... Такой чай в здешних магазинах не купишь, а от другого удовольствия не получаешь. Это все равно, что после настоящего грузинского коньяка ординарный вермут из горлá хлебать...

– Спасибо, оценил, – хмуро ответил Джамбулат. – Тогда, раз уж ты законы гостеприимства отвергаешь, я тоже их отвергну и спрошу напрямик: что тебе от меня нужно?

Гилани Гирмасолатович кивнул, кажется, себе в ответ на собственные мысли и нисколько не смутился тем, что его обвинили в нарушении национальных традиций. Он поднял руку и повел пальцами. И тут же охранники, привычные, видимо, к таким жестам, вышли во двор, оставив их наедине с хозяином.

– Я слушаю, – сказал Джамбулат, прислонившись к стене плечом и не желая пока садиться, и даже показывая этим, что на долгий разговор он не рассчитывает.

– Мне очень нужен твой сын, – только и сказал Гилани Гирмасолатович, и посмотрел на раздумывающего Джамбулата долгим и напряженным взглядом.

Джамбулат свой взгляд не отвел, и смотрели они один на другого долго, до тех пор, пока гость, непривычный, похоже, к встречному взгляду, не выдержал и глаза не отвел.

– Мне он тоже нужен, – только тогда ответил Джамбулат. – Только я не знаю, где его найти. Мы семь лет не виделись, и я потерял его следы, а он считает...

Он хотел было сказать, что Таймасхан считает отца погибшим, но вовремя остановился, сообразив, что Гилани Гирмасолатович может эту информацию использовать при случае в своих интересах и против самого Таймасхана.

– Что он считает?

– Он считает, видимо, что я все еще «отдыхаю» в закрытом помещении...

– Мне говорили, он вообще не знает, что ты жив...

Значит, Гилани Гирмасолатович обладает информацией. Но с правильной информации его можно и сбить. Сомнения всегда бывают более сильным оружием, чем даже хорошо известный факт, и способны поколебать и твердое убеждение.

- Кто тебе такое сказал?
- Точно не помню. Может быть, он сам и сказал.
- Ты с ним встречался?
- Он дважды выполнял мои небольшие поручения. Неплохо заработал...
- Какие поручения? – спросил Джамбулат напрямую и достаточно жестко, чтобы надеяться на прямой ответ.
- Гилани Гирмасолатович выдержал долгую паузу.
- Ты знаешь, чем зарабатывает на жизнь твой сын?
- Я семь лет не общался с ним. Но у него был хороший наставник в мое отсутствие. Не знаю, вместе ли они сейчас...
- Это ты про Хамзата Хайдарбекова говоришь?
- Про него...
- Он не наставник, он компаньон. Может быть, старший компаньон, я не в курсе. Может быть, равный. Но они организовали мощный профессиональный тандем, равного которому я не знаю.
- Если ты начал говорить, не ходи вокруг да около... Давай напрямую.
- Они создали бригаду, которая убирает неугодных кому-то людей.
- Ты хочешь сказать, что Таймасхан – киллер? – Джамбулат говорил совершенно ровным голосом, никак не показывая своего отношения к профессии сына.
- Это немножко грубо, но по сути – так... Вообще он не просто киллер. Таймасхан – специалист высокой квалификации. Таких в мире можно по пальцам пересчитать. Причем работает очень артистично, красиво.
- Значит, он выполнял твои поручения?
- Дважды. Дело осложнялось тем, что работать ему пришлось в Европе, а там обстановка незнакомая, но они с Хамзатом справились отлично.
- И кого ему пришлось «убирать»? Я не о личностях говорю. Понимаю, что ты не назовешь. Но кого в принципе? Европейцев? Русских?
- Своих земляков, чеченцев...
- Зная, на какой стороне находишься ты, я могу предположить, кем были эти чеченцы...
- Это не трудно предположить. Это были влиятельные люди, у которых осталось слишком много помощников и просто сторонников здесь, в Чечне, тогда как сами они сюда появиться не решаются. Но помощники и сторонники постоянно получают финансовую поддержку и портят нам жизнь. Это продолжение той же войны...
- Значит, если я правильно тебя понял, мой сын Таймасхан вместе с Хамзатом переметнулся к противнику?
- Ты не понял меня правильно... Ты вообще, кажется, неправильно понимаешь все, что происходило у нас здесь за последние двадцать лет. И полностью отстал от жизни за семь лет, что провел там... И никуда твой сын не переметнулся. Он просто выполняет работу, и ни на чьей стороне не находится...
- И что я вообще неправильно понимаю? Может, объяснишь непонятливому...
- Что тут объяснять, – отмахнулся Гилани Гирмасолатович. – Сам-то ты хоть понимаешь, за что ты столько лет воевал?
- Сначала понимал. Потом перестал, – согласился Джамбулат. – Я быстро перестал понимать... Когда был Дудаев, когда была общая объединительная идея, я понимал хорошо и все происходящее поддерживал душой и сердцем. Потом, когда после Дудаева власть и деньги начали делить, я тоже понял, но это поддержать не мог. Борьба за власть и за деньги – это удел духовных карликов, уродцев, а я себя к таким не причислял. Однако я по крови не предатель, и если начал на одной стороне воевать, на другую уже не переметнусь. Потому и продолжал... И ты правильно заметил, что даже не понимал, за что воюю. Но я точно знал, против кого...
- А ты вполне уверен, что была она, эта сторона, за которую ты воевал и с которой

переметнуться не пожелал? Что она собой представляла? Это были отдельные кучки людей, воюющие против всех и только за себя. За те же деньги, которые им откуда-то со стороны бросали. И они за эти деньги убивали не только федералов, но и друг друга. И до сих пор эти деньги бросаются. Уже не так массированно, но бросаются. И убийства продолжаются. И друг с другом эти, так называемые полевые командиры, уже сбежавшие с нахапанными деньгами за границу, продолжают воевать, чтобы иметь возможность еще денег хапнуть. Где она – сторона, с которой можно переметнуться? Нет ее... И тебе не в чем обвинить Таймасхана...

Как-то странно получилось, что Гилани Гирмасолатович защищал сына перед отцом, хотя тот и не обвинял его, а только вопрос задал. Но сам Джамбулат еще до своего ареста понимал все то, что сейчас говорил ему гость.

– Но мы отвлеклись от главного разговора, – продолжил Гилани Гирмасолатович.

– Я вообще не вижу пока главного разговора.

– Я сказал, что очень нуждаюсь в услугах Таймасхана. Необходимо срочно выполнить важную работу, а кроме него я не знаю человека, который бы с этой работой справился.

– И что, ты предлагаешь мне заменить сына? – спросил Джамбулат с усмешкой. – Я тоже еще кое на что сгодиться могу, но стрелять, как он, не умею. Так вообще мало кто умеет стрелять. Потому я и не вижу главного разговора...

– Да нет же. – Специалистов твоего уровня много. А мне необходим специалист высококлассный. Задача очень сложная...

– А я-то здесь при чем?

– Таймасхан не хочет работать...

– Ах, вот в чем дело! – наконец-то дошло до Джамбулата. – Но он взрослый уже человек, и я не думаю, что могу заставить его.

– Ты можешь попросить. Хотя бы можешь попробовать.

Джамбулат не стал бы этого делать, поскольку считал Гилани Гирмасолатовича слишком ненадежным компаньоном для своего сына. Но другого способа отыскать Таймасхана он не видел. А сам Гилани знает, видимо, где его искать.

– Попробовать я могу. Только я не знаю, где Таймасхан находится. И не знаю, как с ним связаться. У тебя есть номер его телефона?

– Я связывался с ним только через Хамзата. Будешь говорить с Хамзатом?

– Буду...

– Они сейчас в Сибири. И натворили там много дел. Вся милиция области ищет их, и ФСБ ищет, и даже бригаду спецназа ГРУ задействовали в розыске. Так мне сказали.

– А что они натворили?

– Я, конечно, имею влияние во многих структурах, но не настолько всемогущ, чтобы мне выкладывали ментовские рапорты. Я не смог узнать, что они там делают, но, как я понял, уезжать оттуда не собираются. Впечатление такое, что дело очень важное, и они могут уехать только тогда, когда или дело сделают, или их вынудят. Третий вариант – если ты позовешь...

– Я позову... – согласился Джамбулат.

Гилани Гирмасолатович вытащил трубку, отыскал в памяти номер и нажал вызов. И долго ждал ответа.

– Странно. Трубка всегда бывает у Хамзата под рукой. Похоже, он просто не хочет со мной говорить... Если ты позволишь, я позже позвоню от твоего имени с другой трубки.

– Тебе не поверят. Говорить должен я.

– Мне уже пора ехать к президенту. Когда освобожусь, я позвоню тебе. Какой у тебя номер?

– У меня нет трубки. Не успел еще приобрести.

– Я куплю тебе трубку. Приеду, и мы позвоним. Часа через полтора – два...

– Я буду дома, – согласился Джамбулат.

Андрей Вячеславович даже по телефону ощутил, в какое замешательство привел Хамзата его звонок. И пауза затянулась настолько, что создалось впечатление, будто прервалась связь. Но тяжелое дыхание Хамзата слышалось отчетливо.

Вообще-то у Андрея Вячеславовича, человека в жизни основательного и практичного, любящего, как и положено военному, совершать поступки или действия в соответствии с выверенными планами, была хорошая привычка – прежде, чем совершить какой-то важный звонок, обдумать предстоящий разговор. Но этот звонок выдался спонтанным, потому не сразу приходили в голову слова, которые требовалось произнести. Но все же он спросил:

– Ты сознание не потерял?

– Нет, не потерял...

– И то хорошо. Хотелось вот мне с тобой и с Таймасханом пообщаться.

– С каким Таймасханом? – спросил Хамзат.

Этот вопрос мог бы поставить Андрея Вячеславовича в тупик, если бы он не обладал достаточной для разговора информацией.

– С Таймасханом Гарсиевым. С ним даже больше, чем с тобой, потому что, мне кажется, в вашем тандеме он играет первую скрипку...

– Чего-чего? – не понял Хамзат.

– Может, ты передашь ему трубку?

Новая пауза. Наконец, Хайдарбеков решил.

– Что ж, поговори...

Послышалась отдаленная речь. Слова слышно было, но разговаривали по-чеченски, и Судоплатов, естественно, ничего не понял.

– Слушаю тебя, подполковник, – сказал другой голос, более молодой и даже, как показалось, отдаленно знакомый. Но это, должно быть, только показалось, потому что голос Таймасхана Андрей Вячеславович ни разу не слышал, а голос его отца давно забыл.

– Это я *тебя*, мальчик, слушаю...

– Я уже давно не мальчик, подполковник, как ты уже давно не тот капитан.

– Разница в возрасте у нас достаточно велика, и такие, как ты, для меня всегда мальчиками остаются. Это я сразу объясняю, чтобы обид потом не было.

– Так что ты хочешь услышать?

– Я хочу услышать, какого хрена тебе и твоему другу от меня надо. От меня самого и от членов моей семьи, в частности...

– А какого хрена тебе нужно было от моего отца? – вопросом на вопрос ответил Таймасхан. – Ответь мне, и я отвечу тебе.

– Семь лет... – начал было Судоплатов.

– Пусть хоть семьдесят семь лет, – перебил его Таймасхан. – Это не меняет дела...

– Да, сути дела не меняет. Но твой отец противостоял моим солдатам с оружием в руках. А ты начал воевать с женщинами, с безоружными женщинами.

– Кто тебе сказал, что я начал воевать с ними?

– Твои действия... Или ты их расцениваешь, как знак дружбы?

Таймасхан значительно хмыкнул.

– Давай так, будем размышлять... Зачем человека бьют?

– Бьют? Зачем? Бьют, когда есть необходимость бить...

– Бьют, чтобы сделать ему больно. И ударить стараются в то место, где боль бывает особенно сильной. Так же и я стремился ударить тебя. Чтобы тебе было очень больно... Очень и очень... Как было больно мне... Я сожалею, что не получилось. Тебе было бы очень больно, а мне было бы от этого приятно...

– В таком случае, ты просто жалкий садист, а не мужчина, – спокойно сказал Андрей Вячеславович. Он знал, как следует разговаривать с горцем. – У мужчин бывает больше достоинства. Мужчину можно уважать, даже если он враг, садиста можно только презирать и

ненавидеть. Я сожалею, что позвонил. Я думал, что имею дело с женщиной, но ты оказался недостойным своего отца...

Таймасхан вспылел. Это чувствовалось даже через трубку. Он, конечно, очень оскорбился последним высказыванием подполковника и не знал, что возразить, а потому просто перевел разговор в другую плоскость:

– Что ты вообще можешь знать о моем отце!.. Я бы на твоём месте вообще не упоминал его имени, чтобы не злить меня.

– Мне абсолютно плевать на твою злобу. Кто слишком сильно злится, сам своей злобой захлебывается. От всей души желаю тебе этого. Мир станет чище и лучше, когда такие люди перестанут существовать...

Андрей Вячеславович уже начал выстраивать линию разговора. Он нащупал слабое звено Таймасхана и давил на него специально, чтобы разозлить, вывести из равновесия и заставить совершить какой-то необдуманный поступок. К сожалению, Судоплатов понимал, что рядом с этим горячим парнем есть человек постарше, более мудрый, который в состоянии Таймасхана остановить. Тем не менее, попытку он предпринял.

– Я тебя просто растопчу при встрече, – с холодной дрожащей яростью сказал Гарсиев-младший.

– Мальчик, я многих таких сопляков повидал в своей жизни... – Андрей Вячеславович изобразил голосом, насколько он устал от общения с сопляками. – Эти скороспелые самоучки всегда много говорили, но, когда дело доходило до столкновения, показать ничего не могли. Так и ты ничего показать не сможешь. Только одного твоего умения стрелять мало. Стрелять я сам умею. Может быть, не так, как ты, но тоже неплохо. Хотя допускаю, что стреляю даже лучше. Ты ни разу в жизни не сталкивался с достойным противником. Когда столкнешься, поймешь, что самоучкам в этой жизни можно работать только против таких же самоучек, но не против профессионалов. Каждый офицер спецназа умеет многое, что тебе недоступно. С солдатами ты сумел справиться. Но не оказалось рядом офицера, иначе ты не ушел бы семь лет назад. И запомни, мальчишка, что воин не тот, кто умеет стрелять, а тот, кто умеет воевать... А я это умею. Я даже других этому учу. А ты – выскочка, научившийся держать в руках пистолет, пусть даже два пистолета. И ты еще смеешь на что-то надеяться... Будь уверен, скоро одним сопляком на свете станет меньше. Это я тебе обещаю...

– Тебе будет еще больнее, чем было мне, – сказал Таймасхан.

– Я боли не боюсь, я к ней привык. Только не понимаю, какую боль ты-то мог испытать, у тебя что, бронетранспортер промеж ног проехал?

– После смерти отца...

– Какой смерти? Он что, умер?

– Семь лет...

– По крайней мере, десять дней назад он был еще жив и освободился из «зоны».

– Ты врешь! – выкрикнул Таймасхан. – Ты врешь, чтобы спасти свою поганую шкуру.

– Ах, какие высокие слова научился говорить наш сопляк. Попроси Хамзата, он тебе нос подотрет. И не визжи, словно баба на базаре. Кстати, кто из вас с Хамзатом баба?

– Ты о чем? – не понял Таймасхан.

– Говорят, вы с ним муж и жена...

– Кто так говорит? Пусть мне скажут.

– Все вас такими считают. Ваши соотечественники. И твой отец тоже. Ему так сообщили, и он не желает с тобой дела иметь. Он тебя презирает, как и все...

– Ты врешь... Ты врешь... Ты врешь...

– Я на имею привычки врать врагу, даже такому, которого только презираю. А на большее ты рассчитывать не можешь...

– Что ты еще про отца сказать можешь?

– Только одно. Я сожалею, что у достойного человека сын вырос ничтожным ублюдком, которого все презирают. Даже те презирали, кого ты убил. И не корчи из себя героя. Ничтожество героем быть не может...

– А-а-а! – выкрикнул Таймасхан, и разговор прервался короткими гудками.

Андрей Вячеславович удивился, потому что справедливо считал, что Таймасхан пожелает узнать об отце побольше и постарается что-то еще выспросить. А у парня, видимо, нервы оказались не такими крепкими, как думалось, и он не сумел вынести оскорблений, отключившись от разговора. Но своего Судоплатов добился – Таймасхан в ярости.

* * *

Таймасхан, швырнул телефон в стену, но тут же спохватился и поднял ее под удивленным взглядом Хамзата. Но трубка, непривычная к такой манере общения с ней, уже молчала. Разговор с подполковником Судоплатовым прервался, а Таймасхан ничего выспросить не успел. А спросить следовало еще много, причем спросить самое важное.

– Что он тебе сказал? – выждав минуту-другую, давая тем самым время Таймасхану успокоиться, поинтересовался Хамзат, впервые наблюдающий такой приступ ярости у товарища и даже слегка растерявшийся.

Таймасхан злобно плюхнулся в кресло.

– Он говорит, что все нас с тобой считают гнойными пидарюгами...

– Пусть кто-то скажет это нам в глаза. Я быстро ему их навсегда закрою, – Хамзат тоже вспылал, но себя все же контролировал.

– Он говорит, все нас такими считают...

– И ты расстроился из-за такой ерунды? Запомни, клевета – удел слабых... Но тот, кто из-за клеветы так сильно переживает – слабее слабого вдвойне. Возьми себя в руки. Зачем ты разбил мою трубку?

– Извини. Я сильно разозлился...

– Я еще никогда не видел тебя таким.

– Он мне еще много гадостей наговорил. Но, самое главное, он сказал, что отец... И я спросить дальше не успел...

– Что он сказал про Джамбулата?

– Он сказал, что еще десять дней назад отец был жив, и вышел из «зоны»...

Хамзат задумался на несколько секунд.

– Мне кажется, он сбивает тебя с толку...

– Гилани Гирмасолатович тоже хотел что-то об отце сказать.

– Этот торговец новостями и чужими жизнями никогда не был честным человеком. Он родился с языком змеи. Но ты должен был спросить подполковника... Конкретно спросить...

– Судоплатов все перемешивал. Он говорил об отце и тут же оскорблял меня. Он заплатит мне и за это. Я оскорблений не вытерпел. Я готов был стрелять, но стрелять было не в кого. И потому разбил трубку...

Хамзат взял трубку из руки Таймасхана и стал копаться в ней. Вытащил и снова вставил аккумулятор, потыкал пальцем в остатки клавиатуры. Попробовал выключить и включить снова. Все было бесполезно.

– Дай твою трубку...

Таймасхан вытащил трубку из кармана висевшей на спинке стула куртки. Хамзат извлек свою sim-карту, вставил ее в трубку Хамзата, стал проверять.

– Нет, здесь только твои номера. Мои номера остались в памяти трубки. И номер подполковника не показывает.

Он опять поменял местами sim-карты и попробовал с трубки Таймасхана позвонить на свою.

– Бесполезно, – сказал Таймасхан.

– Я номер подполковника найти хотел.

– Тебе тоже не терпится получить свою порцию оскорблений? Я лично не люблю, когда меня оскорбляют, а я не имею возможности сразу же ответить.

– Это все не любят. Но поговорить надо. Теперь – надо... Я хотел напрямую спросить

его о Джамбулате.

– Он не скажет напрямую. Я спросил. Он в ответ сказал, что отец презирает меня...

– Возможно, он трусит и потому сбивает нас с толку. Или время выигрывает. Может, надеется, что мы сразу не возобновим свои атаки, а за это время нас поймают. Хотя я сомневаюсь, что трус будет служить в спецназе. Они, скорее, хитрые лисы, чем трусы. Но сбрасывать это со счетов тоже не надо. Я все же допускаю, что он сказал правду...

– Отец мне живым снится, – сказал Таймасхан. – И вообще, с чего мы взяли, что он обязательно погиб?

– Так все считали. Сосланбек так считал...

– Он, помнится, сказал только, что кроме нас никому не удалось уйти... Если отца ранило, его могли захватить в плен.

– Могли. Давай думать, у кого еще можно узнать об этом.

– Гилани Гирмасолатович...

– Исключено. Он будет торговаться и заставит нас на него работать. Если хорошо подумать, наверняка можно найти людей еще. Ты побудь дома, никуда не ходи. Я куплю себе новую трубку. Попрошу Василича свозить меня...

– Иди, – вяло согласился Таймасхан. – Но, даже если отец жив, подполковник Судоплатов все равно остается моим врагом. Моим личным врагом, потому что я никому не позволю называть себя сопляком...

– Согласен. Этого так оставлять нельзя. Он просто не знает, с кем дело имеет.

– Знает, похоже... Он очень много знает о нас... Он сказал, что все нами убитые презирали нас, считая «голубыми».

– Здесь он прокололся, – холодно заметил Хамзат. – Ни один из убитых не мог похвастаться личным знакомством с нами.

– Кроме Далгата...

– Далгат не «заказной». Я имею ввиду только «заказных». И подполковник, наверное, имел ввиду то же самое. И на этом прокололся.

– Не знаю, – не согласился Таймасхан. – Эта моя привычка... В глаза смотреть... В какой-то момент в каждом взгляде есть момент узнавания. И немного насмешки. Не знаю... Путаюсь уже... Теперь думаю, что в самом деле было во взглядах что-то такое...

– Ладно. Я за трубкой, а ты подумай, как нам все же добраться до домашних подполковника. Начинать все равно нужно с них...

– Здесь у меня есть сомнения.

– Как он тебя завел... Таймасхан, неужели ты не понимаешь, что он этого и добивался своим разговором. Не поддавайся... Начинать все равно следует с дочерей. С одной не получилось, получится со второй. Там у меня другой подход... Она на парней с пренебрежением смотрит.

– Почему с пренебрежением? Баб любит?

– Нет, не так... Может, они на нее смотрят с опаской... Девка, что ни говори, боевая, а настоящих парней, которые ее одним ударом сломать могут, пока не видела... Приеду, поговорим. Жди...

* * *

Закончив разговор, Гилани Гирмасолатович направился к двери, которая тут же распахнулась, хотя сам он и руки не поднял. Похоже, охранник ждал за дверью и слушал каждый шорох, если не каждое слово. Джамбулат недобро хмыкнул. Ему такие манеры во взаимоотношениях были неприятны. Барин и лакей, иначе это не охарактеризуешь, а Джамбулат презирал всякое лакейство. Он даже рядом с собой лакеев не терпел.

Посмотрев в окно, Джамбулат убедился, что охранников было всего два, значит двор, где легко было устроить засаду, точно никто не осматривал. Вывод напрашивался сам собой. Эти парни, что приехали с Гилани Гирмасолатовичем, в действительности не больше, чем

лакеи, хотя и строят из себя охранников. И только сам Гилани, похоже, не видит этого, он превыше всего остального ценит преданность.

В ожидании, когда Гилани Гирмасолатович вернется от президента, Джамбулат попил чаю, походил сначала по кухне, потом по двору и сел на скамейку у крыльца. Внешне он казался спокойным, даже невозмутимым, каким выглядел всегда, хотя внутри все клочкотало и требовало действия, требовало немедленного начала поисков сына.

Главное – начать. Так в любом деле бывает. Надо начать, а потом все пойдет само собой. И добраться до Таймасхана удастся быстро, Джамбулат был уверен в этом. К сожалению, не получилось сразу связаться с Хамзатом, иначе можно было бы у него спросить напрямую, в каком они сейчас городе. И просто приехать туда. А уж в городе наверняка есть чеченцы, найти которых можно будет без проблем. И чеченцы обычно знают, кто и где живет, они подскажут, где искать Таймасхана с Хамзатом.

А как соотносить свое желание с тем, что предлагал Гилани Гирмасолатович, Джамбулат еще не решил, над этим стоило подумать. Понятно, что помощь Гилани не бескорыстная. Он не тот человек, что будет просто так помогать. Кроме того, нельзя было пропустить без внимания и нежелание Таймасхана и Хамзата работать на Гилани. Если не хотят, значит, есть тому конкретные причины. Или он до этого, когда они дважды выполняли его поручения, повел себя нечестно, или что-то другое. Но просто так отказываться от работы ни тот ни другой не будут. Они не капризные мальчишки. И здесь следовало проявить осторожность, чтобы и сына с товарищем не подставить, и самому не влипнуть в неприятности. Но чтобы решать конкретно, необходимо было иметь на руках конкретные же факты, а таких у Джамбулата не было, потому он не торопил события.

Стоило подождать. Тем более, ждать осталось недолго. Гилани Гирмасолатович сказал, что вернется через полтора-два часа...

Но Гилани вернулся через час с небольшим. Машина подъехала совершенно неслышно – двигатель такой, что велосипедист больше звуков издает. Однако гравий на дороге все же скрипел, и Джамбулат этот скрип слышал. Через минуту дверь открылась, и вошел сначала один охранник, за ним сам Гилани Гирмасолатович, а последним второй охранник. Судя по тому, что у второго охранника в руках был брелок с ключами от машины, в ней никого не осталось.

Теперь уже не было того поверхностного обыска, что провели охранники на кухне. Джамбулат просто встал и первым прошел в дом. Молча. Чтобы не разговаривать во дворе. Гилани Гирмасолатович пошел за ним, охранники опять остались во дворе, хотя один на крыльцо все же поднялся. Наверное, для того, чтобы дверь открыть, когда Гилани Гирмасолатович уходит надумает. Такова лакейская участь...

– Ну что? – спросил Джамбулат, не выказывая нетерпения или волнения.

– Я купил тебе трубку, – сказал гость и протянул свое приобретение хозяину. – Это мой подарок тебе. Предварительный подарок за мелкую услугу...

– Я не оказываю услуг, если не знаю их характера.

– Если ты сможешь мне поговорить с твоим сыном. Хотя бы по телефону... Это и будет твоей услугой. Не думаю, что такая работа сильно тебя затруднит.

– Не затруднит...

Джамбулат трубку взял, посмотрел. У парней на «зоне» трубки были более серьезными. Там вообще считалось, что трубка без фотокамеры – не трубка. И каждый отсылал домой свои фотографии или даже целые видеоклипы. С подарочной можно было только звонить. Наверное, самую дешевую выбрал. Впрочем, это дела не меняло.

– Номер...

Гилани Гирмасолатович вздохнул, но номер все-таки продиктовал, хотя его нежелание делиться даже этой информацией было очевидным.

– Я на тебя надеюсь. Ты всегда был человеком слова, и, как честный человек, не захочешь оставить меня, доверчивого, в дураках, – высказал он свое пожелание.

– Я честный человек, – без пафоса согласился Джамбулат. – Только не очень понимаю,

о чем ты говоришь...

– А мне кажется, что ты понимаешь, что сейчас между нами идет торговля.

– Я воин, а не торгаш.

– Тем не менее, воин тоже должен уметь выторговывать лучшие для себя условия.

– И что ты хочешь у меня выторговать? Или что я должен у тебя выторговать, поскольку воин – я, – Джамбулат умело поставил Гилани Гирмасолатовича на место.

– Мне нужно встретиться с Таймасханом и Хамзатом.

– Сначала ты хотел только поговорить с ними. По телефону...

– Это минимальная программа.

– Я не могу обещать, как не могу заставить их прийти к тебе.

– Ты можешь повлиять...

– Я не знаю ситуацию. Самое большее, на что ты можешь рассчитывать, я передам твою просьбу.

– Звони... – вздохнул Гилани Гирмасолатович.

– Звоню, – ответил Джамбулат твердо и набрал номер.

Хамзат ответил почти сразу, словно ждал этого звонка. У Джамбулата от услышанного голоса даже в груди слегка защемило.

– Хамзат... Это я, Джамбулат...

– Слушаю вас, эмир... – Хамзат, кажется, совсем не удивился, услышав голос человека, которого должен был считать давно погибшим...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Хамзат оставил Таймасхана в комнате и, как и намеревался, отправился к охраннику Василичу с просьбой исполнить водительские обязанности, но тот, ехать куда-то отказался наотрез.

– Я уже с пяти утра полторы бутылки, друг мой, заглохнул. Не те времена, чтобы в таком состоянии ездить. Раньше, бывало, и после двух ничего... Машину знают, меня не останавливали, а сам я за рулем аккуратный, как ежик, который никогда не пьет... Теперь *им* всем приказ дан – меня отлавливать. Вот потому... Ни-ни... Не могу... Вот машину дать могу, все равно ее выбрасывать пора. Даже доверенность накатаю. Только учти сразу: на каждом посту будут цапать. Они номер мой знают. Будут допытываться, где я нахожусь, и что такое против них новое нарыл. Все боятся, потому и ловят...

Общаться с ментами даже по этому невнятному поводу Хамзат желания не испытывал.

– Ладно. Я на своих двоих... Обойдусь без колес. Ты не уснешь?

– Усну... Не молод... Все случиться может. Ждать не обещаю... Калитку не закрывай... Пружина там хорошая, ветром не распахнет. Район такой, что чужие здесь не ходят. Почти, то есть, не ходят... И никто не сунется. Собак я только на ночь выпускаю. К темноте точно проснусь и выпущу. Не задерживайся до темна...

– Я ненадолго, – пообещал Хамзат. – Отдыхай... И не пей больше.

– Буду, – упрямо констатировал Василич. – Обязательно буду...

Хамзат только плечами передернул. Надеяться на пьяницу было нельзя, но больше надеяться в чужом враждебном городе было и не на кого. Он вышел из коттеджного квартала на главную дорогу, ведущую в город. Там, проехал на троллейбусе три остановки, когда увидел в окно салон связи. Но покупать трубку так близко от временного места проживания он не стал просто из привычки путать следы, поехал дальше, в центр города. Салонов связи было много. Хамзат сначала прогулялся, проверив, нет ли за ним «хвоста», повторных встреч с людьми не заметил и только после этого зашел в подвернувшийся салон, где долго, почти как оружие, выбирал трубку, не имея привычки хватать что попало, главным критерием при

выборе считая, как обычно, качество. Однако почти все трубки, даже с самыми известными брендами, были китайского производства, даже если страна и не была указана. Но цена говорила сама за себя. Это вызывало недоверие. Хамзат давно уже знал, что дешевые китайские товары, наводнившие все магазины мира, лучше не брать. И потому не пожалел денег, но выбрал себе все-таки трубку американского производства с функциями, которыми он никогда не пользовался и пользоваться не собирался. Тем более, у трубки была русская клавиатура. Но это, по крайней мере, было надежно.

– Давайте эту...

Продавец сам вытащил sim-карту из разбитой трубки, не забыв осуждающе покачать головой, и вставил ее в новую. Саму трубку подсоединил к компьютеру, активировав. Такие действия вызывали уважение к приобретению.

– Чтобы выходить в Интернет... – начал объяснять продавец.

– Я Интернетом не пользуюсь, – перебил его Хамзат.

– Зачем тогда вам коммуникатор? Купили бы простую трубку, – удивился продавец, но вовремя спохватился – коммуникаторы все же не каждый день покупают. – Ну, будет настроение, начнете пользоваться. Это, по крайней мере, фирма надежная. На моей памяти по качеству ни одного возврата не было.

При этом промолчал, что на его памяти такой коммуникатор только второй раз покупают.

– Основные функции покажи...

Продавец начал показывать. Хамзат не зря имел два настоящих, не купленных высших образования, поэтому легко понимал беглый урок.

Выйдя на улицу, привычно бросив по сторонам короткие, но все фиксирующие взгляды, он сразу набрал номер Таймасхана.

– Да, Хамзат, – тут же отозвался Таймасхан. – Ты восстановил трубку?

– Нет, купил новую, но тебе ее не дам... Слишком дорогая, чтобы ее вместо камня использовать. Но старые номера не восстановились...

– Жалко.

– А мне не жалко? Там было много нужных номеров, которые я в своей памяти не держу. Остается надежда только на то, что нужные люди сами меня хватятся и позвонят... Ладно. Я возвращаюсь. Жди... Посмотри, чтобы Василич калитку не закрыл. А то он с утра невменяемый.

– Я жду, – сказал Таймасхан.

Хамзат вышел на улицу, по которой приехал в центр города на троллейбусе, но забыл, какой номер нужен ему. Механической памятью он помнил, что где-то рядом троллейбусы поворачивали, и если пройти этот поворот, то останется только прямой путь. И он пошел пешком, думая о том, как хорошо было бы, окажись слова подполковника Судоплатова правдой, и Джамбулат в самом деле был жив. У Джамбулата так много хороших знакомых и друзей, которые его уважают. Да и у самого Хамзата на памяти немало парней, которые не смогли ужиться с новой властью, где они обделены многим, и тоже не прочь доказать этой власти, что ими пренебрегают напрасно. Джамбулату при его авторитете было бы несложно собрать новый джамаат. И даже несколько джамаатов, способных доставить власти много неприятностей. Конечно, тактика новой войны должна быть совершенно иной, но Джамбулат, наверное, лучше любого другого понимает это. Уж он-то сумет все правильно организовать.

Окажись слова подполковника правдой, это, конечно же, вовсе не отменяло бы намерений Хамзата и Таймасхана относительно самого Судоплатова. Еще вчера, может быть, и отменило бы. Но сегодня, после ночной неудачи, оба они, что называется, уже закусили удила и готовы все усилия приложить, чтобы стать и в этой маленькой войне победителями. Не отступив здесь, они положит хорошее начало на будущее. Судоплатов победил Джамбулата. Победителя самого необходимо победить, чтобы почувствовать свою силу.

Хамзат уже подошел к нужной остановке, когда в кармане зазвонила новая трубка. Звонок был самым простым, не впечатляющим и не мелодичным, но Хамзат собирался дома поковыряться в настройках, чтобы выбрать тот звонок, который придется по душе. Сейчас главное было в том, что трубка работала. И отчего-то с непонятной радостью застучало сердце, словно это звонил именно Джамбулат, о котором только что думалось, хотя Хамзат никогда не верил в чудеса. Он посмотрел на определитель. Номер был незнакомым. Но, даже если это снова звонил подполковник Судоплатов, Хамзат хотел бы поговорить и с ним, чтобы выудить ту информацию, которую не смог Таймасхан.

– Алло! Я слушаю, – сказал Хамзат по-русски.

– Хамзат... Это я – Джамбулат... – чудо совершилось, по-чеченски ответил Джамбулат.

– Слушаю вас, эмир... – привычно, как много раз отвечал семь лет назад, среагировал Хамзат, чувствуя внутреннюю дрожь, но внешне, впрочем, никак не показывая свое возбуждение, потому что ни на секунду не расслаблялся, зная, что находится в чужом городе среди людей, которых трудно отнести к его друзьям.

– Я рад узнать, что ты жив и здоров, – просто сказал Джамбулат.

– Спасибо... Знали бы вы, как я рад услышать ваш голос...

– Таймасхан с тобой? У него все в порядке?

– Рядом его нет, но он не слишком далеко. У него все в порядке, эмир. Нам сегодня уже сказали, что вы живы, но мы не смели поверить. Мы хотели верить, но у человека, который это сказал, было много причин нас обмануть, и потому сомневались. Простите за вопрос, эмир, вы где сейчас находитесь?

– Я в Грозном, в своем доме. Рядом со мной стоит Гилани Гирмасолатович. Это он помог мне найти тебя и Таймасхана в обмен на свое желание лично поговорить с Таймасханом. А я намеревался уже ехать искать вас на Урал. Мне сказали, что вы поехали работать к Асхабу Вахатову...

– Мы не застали его в живых, эмир, но мы все равно поработали на него.

– Я так и думал, что это вы... Почерк узнаваемый... – Джамбулат показал, что некоторой информацией владеет. – Когда я смогу с Таймасханом поговорить?

Хамзат сразу понял, что Джамбулат не зря упомянул имя Гилани Гирмасолатовича, стоящего рядом и, судя по всему, слушающего разговор.

– Он уехал совсем недавно. И трубки у него нет. Я думаю, через неделю он сможет позвонить вам. Если будет возможность, я постараюсь найти его раньше. Это номер вашей трубки?

– Да... Мне только что подарил ей Гилани Гирмасолатович. А что за дело у Таймасхана? Если, конечно, можно об этом говорить... Я и сам, конечно, хочу поскорее услышать его. И Гилани Гирмасолатович очень просит его о скорой связи. О срочной связи, вот он мне знаками показывает. О чрезвычайно срочной... Он, кажется, просто рвет и мечет, что невозможно сейчас же устроить связь, а он уже потратился на трубку, думая, что она поможет ему с моим сыном пообщаться... Но за трубку я ему все равно благодарен.

Джамбулат откровенно насмеялся над Гилани Гирмасолатовичем.

Все, как и предполагал Хамзат. Гилани Гирмасолатович от доброты душевной ничего и никогда не сделает, а если и сделает доброе дело без выгоды для себя, то до конца дней своих не сможет себе этого простить. И Хамзат не зря проявил осторожность.

– Таймасхан решает вопрос чести. Это мужское дело, и он не может отступить и бросить все даже по просьбе Гилани Гирмасолатовича. Я бы даже сказал так: тем более, по просьбе Гилани Гирмасолатовича, потому что считает себя, как и я, более честным, нежели он, человеком. Вы можете так и сказать... Это наше общее мнение. Пока мы свои дела не закончим, помочь ему не сможем. А потом, у нас вполне может появиться новое, потому что я уже веду переговоры с серьезным человеком, которому не могу отказать, поскольку этот человек когда-то спас меня... Это обязательно передайте...

– Жаль, Хамзат... Я рассчитывал встретиться с сыном раньше...

– Если я смогу с ним связаться, эмир... – ответил Хамзат, – тогда получится раньше. Но

этого Гилани Гирмасолатовичу можете не говорить...

– Я буду ждать твоего звонка. Или звонка Таймасхана... Будь здоров, Хамзат. Да поможет тебе Аллах!

– Спасибо, эмир. Таймасхан очень обрадуется, что с вами все в порядке... Семь лет... Это правда, что вы провели их там? ...

– Там ... Но рассказывать по телефону я не буду... До встречи.

– До встречи, эмир...

* * *

Подполковник Сумароков позвонил по городскому номеру, когда Андрей Вячеславович выходил из кабинета, чтобы доложить шифротелеграмму вернувшемуся полковнику Барсуку. Хотя устный доклад уже и состоялся, шифротелеграмма была адресована непосредственно командиру бригады, и, в соответствии с правилами, он должен был на ней расписаться.

– Андрей Вячеславович, вы хоть отоспались? – спросил Сумароков.

Начало разговора было многообещающим, потому что, когда разговор не несет значимой информации, ее, как правило, выдают сразу и без дипломатичных выкрутасов. А если собираются сообщить нечто более важное, то готовят почву.

– Я привычный. Могу пару суток обходиться без сна и оставаться со свежей головой. Если только много не выпью...

– Боюсь, не спать вам придется не меньше недели. И лучше бы в это время не пить. Сами должны понимать, чем это чревато...

– Есть новости?

– Есть... Бежать сломя голову из города Хамзат с Таймасханом не собираются. Это первое и, наверное, пока самое главное. По крайней мере, они точно собираются еще неделю провести здесь. И надеются за это время завершить все свои дела. Сами себе такой срок поставили, хотя мне не дано знать, чем этот срок ограничивается. Вы понимаете, что значит для них завершить дела?

– Понимаю. Это, признаюсь, меня даже немного радует. Значит, как только они начнут шагать нам навстречу, у нас будет возможность их найти. К сожалению, шагать они будут не строевым шагом, а скрытным, тем не менее, мы знаем, чего стоит ждать, и будем ждать... Откуда данные?

– Мы же знаем номер... Прослушали телефонные разговоры трубки Хамзата, – голос подполковника Сумарокова стал вдруг хитрым и даже слегка ехидным. – Сначала ваш любопытный разговор с Таймасханом. Может быть, вы слегка погорячились, и следовало желание поговорить согласовать с нами, но, в принципе, поступили правильно, и сильно обозлили его. Это наверняка заставит парня суетиться и торопиться. Наш психоаналитик, прослушавший разговор, говорит, что люди с характером Таймасхана плохо спят от обиды и будут в час по несколько раз возвращаться мыслями к сказанному до тех пор, пока себя не изведут или не отомстят обидчику. Есть не будут несколько дней, ожидая кульминационного момента «икс». Зацепили вы его. Больно зацепили. Он до этого был чрезвычайно в себе уверен, в своей репутации, а тут такое к нему отношение. Он зол и яростен... А кто злится, суетится и торопится побыстрее расквитаться, тот допускает много ошибок. Кроме того, после подобного разговора Таймасхан обязательно активизируется. И в кратчайшие сроки. Обнаружить его будет проще.

– Я рад, что ваш психоаналитик оценил мои скромные способности, – холодно усмехнулся Андрей Вячеславович. – Но я радовался бы гораздо больше, если бы их оценили Таймасхан с Хамзатом. В принципе, я добивался именно этого...

– Потом был звонок Хамзата Таймасхану. Теперь у нас, кстати, и номер самого Таймасхана есть. К сожалению, оператор не может точно определить местонахождение sim-карт... Не научились прилично работать. У нас же как в компаниях сотовой связи...

должности занимают, к сожалению, не инженеры, а бизнесмены. Впрочем, это не только у них. Так вот, оператор дает координаты с прогнозируемой ошибкой около километра. В чистом поле при условии прямой видимости это еще прошло бы, но городе от таких координат толку мало. Мы только в очередной раз спугнем их и заставим удвоить и утроить осторожность. Потому от поиска мы отказались. А из разговора Хамзата с Таймасханом косвенно стало понятно, что вы настолько вывели Таймасхана из себя, что он, кажется, разбил трубку своего напарника. И тот вынужден был купить себе новую. Однако восстановить номера из старой трубки не удалось. Хамзат потерял, таким образом, множество полезных связей. И это тоже благодаря вашему разговору...

– Я сам себе удивляюсь. Столько полезных вещей наворотил, – усмешка помогала подполковнику Судоплатову скрыть смущение.

– Потом был еще интересный звонок... – голос Сумарокова показал, что тот переходит к главному. – Хамзату позвонил теперь уже сам Джамбулат...

– Ага... Значит, он знал, – почти обрадовался Андрей Вячеславович. – И он замешан в этой охоте...

Но Сумароков охладил пыл спецназовца.

– Нет. Из разговора следует, что Таймасхан с Хамзатом считали Джамбулата погибшим. И Джамбулат не знал, где искать сына...

– Но номер-то у него все же оказался... Номер трубки Хайдарбекова, – не понял Судоплатов. – Значит, они уже связывались! По крайней мере, мы имеем право так считать. А все остальное может быть игрой, рассчитанной или на прослушивание с нашей стороны, или еще с какой-то...

– Может, и так, хотя это маловероятно. Прослушивание было не только с нашей стороны. Вернее, там было не прослушивание, а присутствие при разговоре. Я как раз подходил к этому важному для нас моменту. Тут в деле появляется еще одна, как мы думаем, значительная величина, причем прикрытая даже депутатским статусом... По крайней мере, мы подозреваем, что именно этот человек замешан в деле, человек достаточно влиятельный, близкий к нынешней власти в Чечне, крупный бизнесмен. Зовут его Гилани Гирмасолатович... Фамилия названа не была, но мы знаем и ее...

– Я понимаю, о ком идет речь, – сказал Судоплатов. – Он-то здесь как замешан?

– Мы так поняли, что Гилани Гирмасолатовичу срочно понадобился киллер со способностями Таймасхана. Видимо, требуется скорострельность. И именно срочно... Но Хамзат с Таймасханом уперлись и не желают уезжать отсюда, пока с вами не разберутся. Для них это вопрос принципиальный. К тому же они вообще Гилани Гирмасолатовича, кажется, не слишком уважают, и потому не очень стремятся иметь с ним дело. Мы передали данные в Москву, там очень заинтересовались, потому что давно уже «ведут» Гилани Гирмасолатовича, но пока конкретного на него «накопать» ничего не смогли. Возможно, кто-то к нам из Москвы в гости пожалует. По крайней мере, обещали, хотя я не понимаю, что здесь можно найти, если Таймасхан с Хамзатом пока еще «вольные птицы». И у меня нет гарантии, что мы сможем взять их живыми...

– У меня тем более нет такой гарантии. Я считаю, что жизнь любого занятого в операции офицера спецназа ГРУ дороже фактов на Гилани Гирма... Как его там...

– Гилани Гирмасолатовича.

– Вот-вот, Гирмасолатовича... И я могу дать стопроцентную гарантию, что, в случае захвата, ни Таймасхан, ни Хамзат не «сдадут» его ни под каким соусом. Эти парни просто физически «сдавать» не умеют. Несмотря на все мои слова, сказанные Таймасхану, чести у них хватит на шестерых.

– Я того же мнения придерживаюсь, но наши московские коллеги надеются не упустить ни одного шанса.

– Я еще раз повторю, что своим офицерам не буду отдавать приказ брать их во что бы то ни стало живыми. Будет возможность сделать это без риска для собственных жизней – пожалуйста, с превеликим удовольствием позволю закрутить им руки за спину. Не будет

возможности – стреляем на поражение...

– Не могу возразить, Андрей Вячеславович... Но у меня все. У вас ничего не появилось?

– Обнадеживающего ничего. Пришел ответ из Москвы на наш запрос по поводу спутников. Какое-то у них там перепрограммирование идет, раньше, чем через десять дней они помочь нам не смогут...

– В крайнем случае, мы сможем неделю растянуть и на десять дней и на две недели, – сказал Сумароков.

– А вот это нежелательно, – не согласился Судоплатов. – Я сам могу и потерпеть, но вот моя семья живет на нервах. И каждый день неизвестности стоит женскому полу дорого.

– Посмотрим... В любом случае, ориентироваться будем, исходя из обстановки. Если что-то будет, звоните, сообщайте. И поменьше непредсказуемых действий, как со звонком Таймасхану.

– Согласен. Обещаю...

2

Хамзат проехал несколько остановок на троллейбусе, но последнюю остановку, чтобы отследить обстановку, прошел пешком, дважды задерживаясь у газетных киосков, а однажды даже присев на скамейку «отдохнуть». Ничего подозрительного он не заметил, но после того, как парни Далгата все же незаметно для самого Хамзата отследили его и обложили подъезды к прежнему жилищу, он решил осторожность соблюдать постоянно и неукоснительно. Рука его при этом всегда была готова скользнуть под куртку, где за брючным ремнем ждал своего «звездного часа» пистолет с патроном, засланным в патронник. Только пошевели большим пальцем – опусти предохранитель одновременно с тем, как оружие вытаскиваешь, а потом шевельни указательным, и выстрел свое дело сделает...

И только убедившись, что «хвостов» к нему не пристало и стрелять пока не в кого, Хамзат двинулся в сторону дома. Калитка, как и было обещано, оказалась открытой, охранника Василича видно не было. Должно быть, бывший ментовский подполковник прикончил все-таки вторую бутылку и благополучно уснул или за столом, или на столе. Закрыв калитку, Хамзат пошел в отведенную им комнатку. Таймасхан дремал, сидя в кресле, и сразу открыл глаза на звук открываемой двери. У Таймасхана всегда был чуткий сон, и Хамзат хорошо знал, что застать его товарища спящим практически невозможно.

– Долго ты ходишь, – сказал Таймасхан с легким неодобрением.

Хамзат знал, что такое неодобрение у Таймасхана проступает в моменты, когда он готов действовать. И потому была причина удивиться.

– Ты разве куда-то торопишься?

– У меня нет желания неделю просидеть за этими стенами.

– А я как раз пообещал, что ты целую неделю будешь занят, и я едва ли с тобой смогу увидеться. Хотя увидеться постараюсь...

– Ты о чем? – не понял Таймасхан. – Кому ты что наобещал? Опять подполковник звонил?

Видимо, звонок подполковника Судоплатова никак из головы Таймасхана не выходил, и оскорбления сильно донимали его гордую натуру. И потому он ждал нового звонка, чтобы ответить уже обдуманно и попытаться найти подход к подполковнику. Но Судоплатов звонил на трубку Хамзата, следовательно, каким-то образом нашел его номер, но не знал номера самого Таймасхана. Самым естественным было предположить, что менты нашли номер Хамзата в кабинете убитого Далгата. У того номер Хамзата был, но как раз не было номера Таймасхана. Если бы подполковник взял номер из других источников где-то в Чечне, он мог бы с таким же успехом и номер самого Таймасхана взять. Кроме того, должно быть, Далгат кому-то говорил про Хамзата и называл его фамилию, как и фамилию Таймасхана

Гарсиева. Сопоставив события ночи около своего дома с событиями, произошедшими в доме Далгата полутора часами раньше, Судоплатов понял, с кем он имел дело. Все логично, хотя и не объясняло, откуда рядом с домом подполковника взялась засада. Узнать, кто сдал их, Хамзат очень хотел бы. Но пока это сделать было не реально, он предпочитал не ломать голову.

– Ты очень ждешь звонка подполковника?

– Я хочу поговорить с ним о встрече. О встрече двух мужчин. Он не трус и человек честный. Засаду, если договоримся, уже не устроит, а мы выясним, кто стреляет быстрее и точнее. Я даже готов согласиться встретиться с ним без оружия, если он испугается моих пистолетов.

– Откуда в тебе такая наивность, парень? Романтических книг ты, насколько я знаю, не читал. А такие мужские беседы бывают только в них. Выбрось эти думы из головы, иначе ты подставишь и себя, и меня. Если тебе себя не жалко, то я не собираюсь добровольно отправляться на пожизненное заключение. Мне свобода дороже.

– Мне все равно кажется, что я прав.

– Ты не хочешь слушать моих советов?

– Я слушаю твои советы. Но я могу иногда и по-своему поступить. Я давно уже вышел из возраста, когда старшему подчиняются безоговорочно.

– Мне кажется, я знаю человека, который может тебя отговорить от глупости, которую ты задумал. Его совета ты точно послушаешься...

– Нет уже такого человека. Я уже давно привык слушаться только себя, и счастье, что наше с тобой мнение почти всегда совпадает.

– Есть такой человек. Он недавно мне звонил...

– Кто звонил?

Таймасхан медленно встал и, выпрямившись, застыл в напряженной позе. Он, кажется, по тону сказанного уже понял, что ждет его. И хотя лицо было обычно угрюмым, глаза загорелись радостью ожидания.

– Джамбулат... Твой отец и наш эмир... Это *ему* я сказал, что ты сможешь связаться с ним не раньше, чем через неделю.

Таймасхан сильно покраснел от возбужденного ожидания. Но вопросов не задавал.

– Ты, я вижу, не слишком рад?

– Почему? – выдал из себя Таймасхан.

– Или просто опешил?

– Опешил... Значит, подполковник не врал?

– Он не врал, получается... И одна из причин его ненавидеть отпадает.

– Ни одна не отпадает, – по-прежнему не согласился Таймасхан.

– Мстить за отца... Так ты хотел...

– Я хотел победить победителя отца. Я набирался опыта... Я семь лет учился побеждать... Подполковник отца победил. Не убил, но победил, а это, может быть, еще хуже... А я должен победить подполковника. У него и тогда было много людей. Силы были слишком неравные. И сейчас у него больше людей. Сейчас силы тоже неравные. Тем более я должен его победить.

– Ты правильно мыслишь, – согласился Хамзат.

Он, откровенно говоря, побаивался, что после сообщения о том, что отец жив и на свободе, Таймасхан откажется от желания отомстить Судоплатову. Самому Хамзату слишком трудно было с таким положением вещей согласиться. Всегда бывает трудно отказаться от планов, которые так долго вынашивал. Да и не хотелось отказываться, когда столько предварительной работы проделано, когда столько сведений собрано.

– Значит, нам следует справиться за неделю. Так ты сказал отцу?

– Так...

– Ты не дал мой номер?

– Нет. Рядом с ним стоял Гилани Гирмасолатович. Он дал мой номер эмиру, поскольку,

слава Аллаху, не знает твоего. Гилани все еще надеется, чтобы мы на него отработаем и он нас потом благополучно похоронит. Но, я думаю, все просчитал правильно...

– Гилани Гирмасолатович начинает меня злить, – Таймасхан сердито сузил глаза. – Он уже не просто настойчив, он назойлив...

– Видимо, нам, в конце концов, не избежать разборок с ним. Хотя от такой разборки шума будет слишком много. А я не люблю шумных дел. Чем меньше людей о тебе знает, тем дольше живешь. Это закон. Хотя выбора нам не дали. Сам Гилани хочет нас ввязать в еще более шумное дело. Значит, надо будет этот узел разрубать...

– Придется. Впрочем, это не так сложно, как кажется... Он окружил себя не профессиональными охранниками, а только верными родственниками. Они проблем не создадут. Когда можно позвонить отцу?

– Я не думаю, что Гилани Гирмасолатович намерен у него ночевать. Или Джамбулат, если был в гостях у Гилани, не будет долго у него задерживаться. Они слишком разные люди, чтобы найти общие интересы. Подождем на всякий случай еще полчаса, потом позвоним... Я сам позвоню и спрошу, может ли эмир разговаривать.

* * *

Джамбулат всегда умел держать себя в руках, и его неулыбчивое лицо обычно не выражало тех чувств, которые он испытывал. В последний раз он поймал себя на том, что непроизвольно улыбается, когда за ним закрылись двери на проходной «зоны» и он полной грудью вдохнул воздух свободы. Шагнул и вдруг с удивлением понял, что улыбается. И рад был, что нет рядом никого, кто мог бы эту улыбку заметить, потому что показывать свои чувства не любил. Сейчас он был не один, и по удивленному лицу Гилани Гирмасолатовича понял сразу, что улыбка на его лице кажется явлением из разряда непознанного. Точно так же гость мог бы смотреть, наверное, на появление инопланетянина.

– В течение недели Таймасхан занят и выйти на связь даже со мной не может. Не может даже поздороваться. Нет с ним связи...

– Через неделю будет уже, может быть, поздно, – голос Гилани Гирмасолатовича звучал почти угрожающе. – Таймасхан нужен мне раньше.

Он сердито встал и глянул на дверь, словно уже намеревался выйти.

– Я в данной ситуации помочь бессилён, и даже Хамзат не поможет. Он тоже не имеет с Таймасханом связи. У них там какое-то дело. Придется ждать неделю... Я думаю, тогда он позвонит. Я попрошу его позвонить... – смягчил Джамбулат расставание, но чтобы эти слова не звучали жалким оправданием, добавил уже жестче. – Хотя дать гарантии не могу. Они оба с Хамзатом, как я понял, не желают иметь с тобой дело.

– Я ничем не обманул их, – думая о чем-то другом, слабо оправдался Гилани Гирмасолатович. – Как мы договаривались, так я и оплатил их услуги. Желание жить в заграничных отелях в номерах «люкс» в условия договора не входило.

– Я не в курсе ваших разногласий и не собираюсь в них вникать. Еще раз говорю: через неделю, может, раньше Таймасхан позвонит мне. Я его попрошу. А там уж сами договаривайтесь. Я не в состоянии повлиять на взрослого человека, которого к тому же уже семь лет не видел. Даже если учесть, что этот взрослый человек – мой родной сын...

– Он тебя любит и тобой дорожит... – не к месту вроде бы сказал Гилани Гирмасолатович. – Он дорожил даже твоим именем, и убил бы любого, кто посмел бы сказать о тебе плохо. Думаю, и живым ты для него остаешься все тем же авторитетом.

Джамбулат поймал его искоса брошенный взгляд. Очень хитрый и почти вопросительный взгляд.

– Я пойду, – вдруг резко заторопился Гилани Гирмасолатович. – Я буду тебе звонить и ты мне звони, если будут новости. В любое время... Меня ночью часто по делам будят. Звони сразу...

– Мой звонок будет зависеть от того, как скоро позвонит Таймасхан и что он скажет в

ответ на мое предложение. Но я в любом случае обещаю поставить тебя в известность.

Проводив гостя до двери, Джамбулат во двор выходить не стал, потому что обычно не запирает днем дворовую калитку, да и на ночь делает это не всегда. И вообще, до калитки обычно провожают тех, кого очень уважаешь или кого сам приглашал в гости. Джамбулат не приглашал Гилани Гирмасолатовича, да и вообще с удовольствием забыл бы это имя и самого человека, с которым уже много лет не встречался. А произошедшая встреча удовольствия не доставила, хотя и оказалась полезной в том плане, что помогла Джамбулату найти сына гораздо быстрее, чем он мог бы рассчитывать при всех иных обстоятельствах.

Джамбулат отцовским нутром чувствовал, что от Гилани Гирмасолатовича идет непонятная пока угроза для Таймасхана, а может быть, и для него самого. В чем эта угроза заключается, пока разобраться было трудно, но Хамзат с Таймасханом, наверное, лучше знают, если уже имели с таким «заказчиком» дело, выполняли его поручения, но больше этого делать не желают. И хорошо, что не желают. Лучше с такими людьми не связываться.

От незваного гостя мысли сами собой вернулись к сыну, встречи с которым Джамбулат так долго ждал. Странно, но Таймасхан совсем не хотел вспоминаться мальчишкой. Он сразу вспоминался почти мужчиной. Наверное, жизнь с отцом и в окружении бойцов джамаата рано оставшемуся без матери Таймасхану привила взрослое выражение лица. Дети любят играть в войну, а он никогда в нее не играл, сколько Джамбулат помнил сына. Он сразу начал воевать. В меру своих, конечно, еще мальчишеских сил. Но любой мальчишка в горах учится держать в руках оружие чуть ли не раньше, чем начинает ходить. Это школа воспитания досталась горцам от предков, и это хорошая школа.

Джамбулат вспоминал не в хронологическом порядке, а что на ум придет, но эти воспоминания создавали единую картину, которая формировала в мыслях образ человека, каким отец хотел видеть сына после долгих лет разлуки. То, чем Таймасхан вместе с Хамзатом занимались эти долгие семь лет, Джамбулата ничуть не смутило. Сам образ киллера не вызывал в его сознании отрицательных ассоциаций, потому что он был тесно связан с деятельностью самого Джамбулата до ареста. А он от своей деятельности не отказывался и уважал ее не меньше, чем до суда и пребывания на «зоне». Но отношение к киллеру всегда бывает разным. Есть киллеры-снайперы, которые стреляют издалека, таким образом обеспечивая собственную безопасность. Наверное, они тоже делают свою работу хорошо и качественно, но особого уважения не заслуживают. Кроме того, киллер-снайпер далеко не всегда в состоянии добраться до своей жертвы. Если жертва предупреждена, если имеет квалифицированную охрану, ее всегда укроют от такого выстрела. Поэтому снайпер всегда среди киллеров считается низшей категорией. Оценка киллера и оплата его труда всегда зависят от дистанции, с которой он работает. Киллеры-артисты обычно пользуются пистолетом или пистолетами и работают с предельно короткой дистанции, при которой жертве нет шансов на спасение, а сам стрелок имеет возможность произвести так называемый «контрольный выстрел». А это – стрельба из пистолетов, да еще сразу с двух рук – как раз то, что умеет делать лучше других Таймасхан. Значит, он киллер высокой квалификации, и отец вправе им гордиться.

Так, за воспоминаниями, незаметно пролетело время. Джамбулат что-то делал, даже обед себе приготовил, но сам этого почти не заметил. А когда заметил, то даже слегка удивился. Но едва он сел за стол, как трубка, подаренная Гилани Гирмасолатовичем, подала «голос». Номер знал только Хамзат и, наверное, сам даритель. Хотелось бы, чтобы позвонил Хамзат. И Джамбулат поторопился к трубке, посмотрел на определитель, но номер был незнакомый. На несколько секунд подступило некоторое разочарование, потому что подумалось, что это Гилани Гирмасолатович.

– Слушаю...

– Прошу прощения, эмир, – сказал Хамзат. – Вы сейчас одни? Можете говорить открыто?

– Да, Хамзат... Гилани убрался, – ответил Джамбулат, чувствуя теплую радость в груди. Несомненно, Хамзату было что сказать, иначе он звонить бы не стал.

– Таймасхан здесь, со мной рядом, – сообщил Хамзат. – Передаю ему трубку...

– Спасибо, Хамзат, что сберег его...

– Не за что, эмир. По большому счету, благодарен должен быть я – это он меня, раненого, тогда еще, во время прорыва, прикрыл, спас, перенес через реку и сберег. И я до конца своих дней буду благодарен ему. Но это все я расскажу не по телефону... Таймасхан молодец, а я по мере сил старался заменить ему вас. Полностью сделать это я, конечно, не мог, но надеюсь, что хотя бы чуть-чуть получилось.

Последние слова прозвучали тише. Хамзат, видимо, уже передавал трубку, или же сам Таймасхан вырывал ее из его рук.

– Сын...

– Я здесь, папа...

* * *

Подполковник Сумароков позвонил подполковнику Судоплатову, когда тот вместе со старшим лейтенантом Разумовым садился в машину, чтобы отправиться домой. На сей раз звонил уже на мобильник, потому, что не застал Андрея Вячеславовича в кабинете.

– Есть интересные новости, Андрей Вячеславович. И даже весьма интересные. Разговор не телефонный. Можете сейчас к нам приехать?

– Еду... Я уже в машину сажусь. Через час буду...

– Я жду. Пропуск на вас у дежурного. В бюро пропусков можете не заходить. На время операции я оформил на вас временный. Оставьте его себе, чтобы снова не заказывать.

– Еду, еду, уже зажигание включил...

«Интересные новости» всегда заставляют торопиться. Андрей Вячеславович, обычно бережно относящийся к своей машине, имеющей достаточно небольшой клиренс, в этот раз совсем не жалел защиту картера, и только по дороге до города трижды основательно и чувствительно для тела авто ударился о дорожные ухабины, мысленно жалея о своем прежнем «жигуленке», которому такие дороги были нипочем. Но время пути подполковник все же сократил.

Старший лейтенант Разумов по-прежнему занимал место на заднем сиденье и сохранял сосредоточенность готового ко всяким неожиданностям человека. По концентрации внимания такое положение напоминало ожидание спринтера перед выстрелом стартового пистолета. И, конечно, изматывало. Но Разумов ни на минуту не позволял себе расслабиться и цепко держался взглядом за окружающую дорогу с достаточно плотным движением. За то время, что подполковник провел в штабе, старший лейтенант слегка оборудовал свое «рабочее место», выставив на подголовниках передних сидений по два разнорасположенных зеркала на каждом, чтобы иметь возможность наиболее полного обзора. Это позволяло не вертеться на сиденье, чтобы посмотреть себе за спину и по сторонам позади машины, и не терять из поля зрения то, что происходит ближе.

До здания областного управления ФСБ добрались без приключений. И первым из машины опять вышел старший лейтенант Разумов, огляделся и только после этого открыл водительскую дверцу.

Пропуск, как и было обещано, ждал у дежурного. Расписавшись в его получении, Андрей Вячеславович сразу поднялся на третий этаж в кабинет подполковника Сумарокова. Тот был на месте и ждал.

– Могу вас сразу обрадовать... Пока вы в дороге были, позвонил полковник Барсук. В Москве нашли возможность подключить спутники по вашей заявке. Я передал номера, которые следует контролировать. Думаю, что теперь будем слышать все разговоры. Кроме того, в помощь вам и нам из Москвы уже вылетает сотрудник управления космической разведки со своим компьютером, способным обеспечить нас всеми данными. Мы, к сожалению, не имеем соответствующего «софта», чтобы работать самостоятельно. Этот офицер летит с нашим самолетом... Я же, кажется, говорил, что к нам направлен сотрудник,

который сильно интересуется Гилани Гирмасолатовичем. Вот они вместе и придут.

– Это здорово, – согласился Судоплатов. – Обрадовали, прямо скажу, москвичи. И меня, как я понимаю, порадовали даже больше, чем вас...

– Это как? – не понял Сумароков.

– Просто вы не знаете всех возможностей системы, а я знаю, хотя только по чужим рассказам... Прилетит сотрудник, мы сможем в течение часа найти место нахождения и Таймасхана и Джамбулата с точностью до полуметра. А тогда уже я соберу свою группу и...

– Это просто великолепно. Я тоже кое-что слышал о подобном, но побоялся понадеяться... Однако, боюсь, наш московский коллега будет настаивать на том, чтобы операция проводилась силами ФСБ и под его руководством. Он пожелает взять Хамзата с Таймасханом живыми.

– Ладно, с этим разберемся в свое время. Вы меня пригласили, как я понял, по другому поводу... Есть какие-то новости?

– Да. Повод есть. Мы прослушали разговоры, о которых я говорил, а потом и другие. Таймасхан разговаривал с отцом... Трубку отцу подарил Гилани Гирмасолатович. Так вот... Я хотел бы спросить вашего совета, как человека, с чеченцами воевавшего и знающего их характер. Значит, так... Наш сотовый оператор, кажется, в работу включился прочно, сейчас контролирует все звонки. И вот оператор передал, что, согласно регистрационным параметрам, sim-карта в трубке Джамбулата Гарсиева имеет дубликат. И разговор, который велся Таймасханом с отцом, прослушивался кем-то еще. Предположительно, с верностью до девяносто девяти процентов, это был Гилани Гирмасолатович. А его этот разговор должен был заинтересовать, поскольку Таймасхан рассказал Джамбулату, почему они не хотят выполнять задание Гилани Гирмасолатовича...

– И почему?

– Во-первых, потому что заняты с вами, а для них это дело важное... Во-вторых, Гилани Гирмасолатович нанял неких парней, чтобы убрать какого-то значимого для Чечни человека, проживающего сейчас в Объединенных Арабских Эмиратах. А Хамзата с Таймасханом хотел нанять, чтобы они после того, как киллер выполнит задание, убрали самого киллера и его помощников. При этом Таймасхан утверждает, что их самих после возвращения тоже постарались бы убрать.

– Обычные восточные дела, – заметил Судоплатов. – Это не ново, и Таймасхан, скорее всего, прав в своих ожиданиях. Если убийство резонансное, уберут и киллеров, и тех, кто убрал киллеров и, может быть, даже третью бригаду. Так сложнее до заказчика добраться...

– Вот-вот... Потому я и хотел посоветоваться, но уже чуть-чуть по иному поводу... Как вы бы поступили на месте Гилани Гирмасолатовича, если бы прослушали этот разговор? Естественно, обладай вы чеченским характером?

– Сложный вопрос, – усмехнулся Андрей Вячеславович. – Чечены тоже не все одинаковы. Тот же Таймасхан на месте этого Гилани предпочел бы всех участников разговора сразу уничтожить. Сам Гилани Гирмасолатович, я думаю, предпочтет сначала использовать их и только потом убить. Из того, что я о нем слышал, это вполне в его стиле. Он умеет выжимать из ситуации все, что можно из нее выжать.

– А что можно выжать из этой ситуации и каким образом?

– Элементарно... Гилани Гирмасолатович захватывает в заложники Джамбулата Гарсиева, звонит с его трубки Таймасхану или Хамзату, как человеку менее горячему, и предупреждает, что если они немедленно не выедут на выполнение его задания, Джамбулат умрет в муках. Это чисто чеченский стиль... Тех чеченцев, кто имеет схожий с Гилани характер... Джамбулат с сыном и Хамзат происхождением не чеченцы, а ичкерийцы, то есть по крови они горные жители и воины, а не интриганы. Они более прямолинейны, более честны, более отважны. И потому часто попадают в такие ловушки, устроенные долинными чеченцами. По большому счету, это два разных народа, каждый со своим характером.

– То есть, вы считаете, что нам надо спешить, чтобы успеть захватить Хамзата с Таймасханом здесь?

– Конечно, – Андрей Вячеславович опустил голову и задумался. – А себе бы я посоветовал подготовиться к командировке в Грозный...

– Зачем?

– Чтобы освободить Джамбулата и арестовать Гилани Гирмасолатовича.

– Я думаю, ФСБ с этим справится самостоятельно...

– Вы правильно заметили, что вы совершенно не знаете Чечню. И не знаете современной обстановки там. Если президент Чечни пожелает прикрыть своего друга, он его прикроет, и никакие силы ФСБ не в состоянии будут его оттуда вытащить даже под угрозой новой войны. А потом Гилани Гирмасолатович по другим документам выедет за границу и будет спокойно жить там, вне досягаемости рук ФСБ...

– А спецназ ГРУ?

– А спецназ ГРУ не повязан никакими вертикальными и горизонтальными связями с местными органами ФСБ и МВД, никого из них ввязывать в ситуацию и даже информировать не будет, зато втихомолку, никого не предупреждая, в состоянии произвести захват и только потом поставить перед свершившимся фактом соответствующие органы. Когда Гилани Гирмасолатович уже будет мерить шагами камеру в СИЗО.

– Здесь вы, возможно, правы... Официальные и санкционированные действия в нашей ситуации не сработают. Но это вопрос не моей компетенции. Я даже своему руководству докладывать пока не буду. Дождемся приезда сотрудника из Москвы...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Поговорив с сыном, Джамбулат Гарсиев просто места себе не находил. Ему хотелось что-то немедленно делать, куда-то идти, но многолетняя привычка контролировать себя и свои поступки легко смогла обуздать желания, и, посмотрев со стороны, никто не сказал бы, что Джамбулат волнуется. И самое большее, что он себе позволил, это неспешная прогулка в магазин за продуктами. Он и в магазине, казалось, не торопился, хотя долго думал, что ему необходимо купить. Тело не трудно было заставить подчиниться разуму, но вот заставить себя не думать о недавнем разговоре, не думать о сыне – это было невозможно.

Уже возвращаясь домой, Джамбулат издали увидел машину, похожую на автомобиль Гилани Гирмасолатовича, но она выехала с соседней улицы, где дома стояли побогаче, более добротные, за высокими заборами, там такая машина была вполне уместной. Предстояло решить, сейчас же звонить Гилани Гирмасолатовичу или еще потянуть время. В принципе, необходимости в затяжке времени у Джамбулата и не было. Что сразу сказать, а что потом – в этом проблемы не стояло. Единственно, говорить человеку неприятные вещи всегда и самому неприятно, но делать это все равно придется. И он вытащил трубку, но тут же вспомнил, что зря дал обещание позвонить в любое время дня и ночи. Свой номер Гилани Гирмасолатович ему сообщить забыл. От растерянности Джамбулат в первую секунду даже шаги замедлил, а потом и вовсе остановился в задумчивости. Списать на забывчивость Гилани Гирмасолатовича такой важный для него факт было сложно. Следовало с кем-то посоветоваться, но номеров сотовых телефонов тех, кто мог бы дать такой совет, он не помнил. В памяти трубки было только два номера. Таймасхан мог и не знать, но Хамзат знать должен был. Зря, что ли, у него два высших образования...

Двинувшись дальше, Джамбулат на ходу нажал клавишу вызова. Хамзат ответил быстро. Внимательно выслушал сообщение Гарсиева-старшего и даже языком зацокал:

– Очень мне это не нравится. Гилани Гирмасолатович не тот человек, который забывает важные вещи...

– Что здесь может быть? Может он эту трубку, которую сам мне привез, прослушивать?

– Есть такая хитрость... Если сделать дубликат sim-карты, вторая трубка слышит все, как и первая. Такие дубликаты многие сейчас делают... Заказать не долго, изготовят еще быстрее. Может быть, у Гилани Гирмасолатовича уже была такая трубка, и он сейчас нас слышит... Вы где сейчас?

– Домой иду. Из магазина...

– Не ходите, эмир. Там может быть засада. Уходите подальше, смените sim-карту и позвоните нам. Вместе решим, что делать.

– Что Гилани сможет? Он – никто...

– Рядом с вами – да... Но он близок к власти, он сам – часть власти, и потому будет делать то, что посчитает нужным. И тогда он сможет нас заставить... Это метод из его арсенала. Не получилось уговорами, попробует силой. Но я ему этого не советую. Слышишь, Гилани... Если поднимешь руку на эмира, ты покойник... Я тебе обещаю это. А Таймасхан обещает поочередно из каждого пистолета выпустить тебе в каждый глаз по обойме... Эмир, не ходите домой...

– Я позвоню позже, – сказал Джамбулат, остановившись. – Я решу сам, как мне поступить. Привет Таймасхану, пусть не беспокоится, бывали положения и хуже нынешнего...

Он отключился от разговора и небрежно, неторопливо осмотрелся. И даже взгляд его, если со стороны посмотреть, был рассеянным и невнимательным. Но сам эмир знал, что глаз сохранил прежнюю цепкость и внимательно ошупывает все, что видит.

Сразу за углом была его улица, до дома было не больше сорока шагов. Ничего подозрительного вокруг не было видно. Никаких посторонних машин. Только у одного из дальних домов стоит, почти прижавшись к воротам, старенький УАЗик. Но он стоит так с тех пор, как Джамбулат вернулся домой. Кажется, даже колеса спущены. И угрозы от УАЗика не исходило.

Конечно, в такой ситуации хорошо бы иметь оружие. Просто необходимо иметь оружие, потому что не в привычках Джамбулата становиться жертвой. Но оружие дома в тайнике. И документы тоже дома. А без документов в нынешней Чечне никуда не сунешься. Без документов даже sim-карту новую в трубку не поставит...

Надо рисковать...

Надо идти домой...

Не тот человек Джамбулат Гарсиев, которого можно испугать. Если не рискнет, сам к себе уважение потеряет, а это, может быть, хуже, чем потерять уважение других. На других наплевать можно, а вот если себя уважать перестанешь, совсем никчемным человеком будешь всю оставшуюся жизнь.

Калитка оставалась, кажется, в том же положении, что оставил ее Джамбулат, когда уходил. Он повернул ручку, чуть-чуть задержался прежде, чем шагнуть во двор, но успел оценить ситуацию. Нет, во дворе ничего подозрительного. Джамбулат вошел, пересек двор по дорожке, выложенной не тротуарной плиткой, как все выкладывают сейчас, а простым красным кирпичом. Когда Джамбулат делал эту дорожку своими руками, о тротуарной плитке еще не слышали.

Крыльцо заскрипело под его шагами, несмотря на то, что ступать он старался легко. И в это время откуда-то с улицы послышался шум двигателя машины. Для их тихой окраинной улицы города она ехала слишком быстро.

Джамбулат поставил на крыльцо пластиковый пакет с продуктами из магазина, а сам, уже не таясь, быстро двинулся к ящику с газовыми баллонами. Он успел открыть дверцу, сунуть руку за левый баллон и вытащить кирпич, прикрывающий тайник, и уже собирался было сунуть руку и нащупать рукоятку пистолета, когда почувствовал, что в шею ему уперся автоматный ствол. Спроси кто-то сейчас у Джамбулата, как он определил, что это именно ствол автомата, а не пистолета и не винтовки, он только плечами бы пожал. Но отчетливо осознал, что это был автомат. И подошел человек с автоматом неслышно, аккуратно. Вывод был прост – против него работают более опытные люди, чем те двое, что сопровождали

Гилани Гирмасолатовича. С ними он рассчитывал справиться, может быть, и голыми руками. Но здесь расклад сил уже совсем иной, количество противников даже неизвестно.

– Подожди, я газ закрою, – сказал Джамбулат, не оборачиваясь. – Вы же, как я понимаю, меня увезете. Газ закрыть нужно...

– Закрывай, закрывай, – сказал кто-то спокойным, уверенным в собственной силе голосом и сделал назад два шага.

Но ствол автомата смотрел Джамбулату в спину. Не оборачиваясь, он чувствовал это...

Словно все вернулось, словно не было этих долгих и мучительных семи лет несвободы... И Джамбулат вдруг почувствовал себя прежним, сильным и уверенным в себе эмиром, за которым стоят хорошо подготовленные бойцы его джамаата. И от этого чувства пришла уверенность в себе, уверенность, что из любой ситуации можно будет найти выход.

– Я только прошу тебя не суетиться... Я стреляю хорошо. Не как твой сын, но тоже хорошо. И жизнь свою ценю. Тебя уважаю, но не позволю тебе ни себя убить, ни убежать, потому что это тоже означает для меня смерть. А я жить еще хочу... Все? Сделал? Вставай медленно. Оборачиваться будешь только после того, как встанешь...

Джамбулат выполнил команду. Он обернулся только после того, как медленно встал и с улыбкой посмотрел на человека, который держал его под прицелом. Это был мент. Не слишком молодой и, наверное, опытный. И дистанцию держал правильно. Не успеешь достать ударом – пуля тебя опередит...

– Руки как, за голову? – спокойно спросил Джамбулат, не глядя по сторонам, но периферийным зрением ощупывая свой двор, чтобы определить количество противников.

– Руки опущены... Помнится, кто-то мне рассказывал, как наносится удар поднятой за голову рукой.

Джамбулат когда-то учил этому бойцов своего джамаата...

– И дальше что?

– Не торопись...

Что дальше, Джамбулат уже понял. Два мента вышли из дома. Двое, обходя дом с разных сторон, выходили с заднего двора. Одновременно калитка открылась, и вошел еще один мент, который начал ворота открывать. Значит, загонят машину во двор, посадят в нее Джамбулата и увезут. Только зачем эти предосторожности? Все соседи и без того знают, что увезти отсюда могут только лишь самого Джамбулата, поскольку живет он сейчас один. Но у ментов свои причуды...

* * *

Хамзата, задремавшего прямо в кресле, разбудила непривычная еще мелодия новой трубки. Как раз из-за непривычности звонок спросонья показался тревожным и нервующим.

Хамзат дожидался, когда позвонит Джамбулат, надеясь, что тому удалось сменить sim-карту, но так и не смог побороть сон. Начало прошлой ночи было слишком активным, а окончание беспокойным, и организм требовал отдыха.

Трубка высветила старый номер Джамбулата. Значит, sim-карту сменить не удалось. А это уже означало, что у Гарсиева-старшего появились новые трудности.

– Да, эмир, слушаю... – Хамзат глянул на стоящего рядом в ожидании новостей Таймасхана. Тот, хотя тоже провел не самую спокойную ночь, не задремал. Таймасхана беспокойство за отца будоражило сильнее, чем оскорбления подполковника Судоплатова. Об этом говорили сведенные в одну линию брови и сжатые кулаки.

– Я не эмир, Хамзат. Мне не нравится это слово, потому что оно за километр отдает лесным костром и пулей, полученной в задницу, – зло и надменно сказал Гилани Гирмасолатович, показывая, должно быть, свое презрение к боевикам, которые гордились своим прошлым.

Но Хамзат свое прошлое ценил и в самом деле гордился им, а потому такой тон его

ударил сильно и разозлил. При этом он понимал, что Гилани Гирмасолатович осознает, что говорит и для чего говорит, и какие последствия сказанное может иметь. Значит, старается именно вывести Хамзата из себя. Или же настолько уверен в своей силе и власти, что презирает все остальное.

– Так-так... – сказал Хамзат.

Недавняя сонливость из головы вышла полностью, но пробудилась энергия, способная ответить на вызов.

– Именно так... – Гилани Гирмасолатович, похоже, издевался.

– Ты разве не слышал, о чем тебя предупреждали?

– Меня предупреждали? – переспросил Гилани Гирмасолатович с легким удивлением. – Кто же меня предупреждал, когда и о чем?

– Я предупреждал, когда разговаривал с эмиром Гарсиевым, зная, что ты подслушиваешь...

– Ты слишком многого от меня хочешь, Хамзат, – хохотнул собеседник. – Неужели ты думаешь, будто я сам буду заниматься прослушиванием чужих разговоров... Для этого у меня есть хорошая служба безопасности, она все сделает без моего вмешательства и участия. Я еще не опустился до черновой работы. Не путай меня с собой...

– Кто высоко летает, падает очень больно...

– Так ты об этом, что ли, меня предупреждал?

– Об этом умного человека не предупреждают. Это каждый умный человек сам должен знать. Но тебя я могу предупредить и об этом, поскольку ты... А раньше я предупреждал, что если ты посмеешь хоть пальцем тронуть Таймасхана, мы примем на тебя «заказ»...

Последовала долгая пауза. Гилани Гирмасолатович, видимо, раздумывал, взвешивая все «за» и «против». У него было время и раньше все это взвесить, но напоминание о том, что некто пытается «заказать» его всегда выслушивать неприятно. «Заказывать» Гилани Гирмасолатовича может только лицо влиятельное, враг непримиримый. И всякому хотелось бы узнать, что это за враг и насколько он серьезен. Хамзат ждать не стал и продолжил:

– Только сразу предупреждаю, чтобы ты не спрашивал имя главного «заказчика». Это пустая трата времени. Такие вещи не говорятся...

Это Хамзат напомнил предыдущий их разговор.

– Я думаю, что мы с вами сможем разойтись мирно, – наконец сказал Гилани Гирмасолатович достаточно уверенным тоном, но уже без прежней глупой высокомерности. Он умел понимать существенные и весомые аргументы, и прекрасно осознавал, кто ему эти аргументы выкладывает. – Джамбулат жив и здоров и находится под домашним арестом. С ним обращаются вполне сносно, по крайней мере, лучше, чем обращались последние семь лет. Бить его я запретил только из личного к нему уважения. Но его освобождение полностью зависит от вашей сговорчивости. И не только освобождение, попрошу учесть, но и жизнь... Это первое... Теперь второе... «Заказа» я не боюсь. У меня надежная охрана. А любая попытка освобождения Джамбулата, сам понимаешь, для него закончится трагически, чего я хотел бы избежать, потому что знаю эмира с тех пор, когда Таймасхан еще не родился... Поэтому советую тебе, Хамзат, вместе с Таймасханом быть сговорчивыми, несуетливыми и смиренными. Естественно, работать вы в этот раз будете бесплатно. Ну, скажем так, накладные расходы я еще могу оплатить, поскольку поездка будет дальняя и не самая дешевая. Конечно, без номеров «люкс»... А что касается гонорара, то этот гонорар, как я сказал, находится под домашним арестом... Выполните и получите «гонорар»...

– Ты наглеешь, – отреагировал Хамзат.

– Сами виноваты. Упрямство всегда наказуемо, и когда оно становится угрожающим, наказывается жестко. Но по твоим словам я понял, что вы согласны...

– Не торопи события, чтобы не споткнуться. Согласия я не дал. Я и не могу в одиночестве решить этот вопрос. Мы сначала обсудим все с Таймасханом, когда он вернется...

– Это когда? – недовольно спросил Гилани Гирмасолатович.

– Я позвоню тебе ночью... Жди. И помни, что я сказал... И еще важный момент, чуть не забыл. Ты должен...

– Что?

– Ты должен дать нам возможность поговорить с Джамбулатом. Пусть он сам скажет. Я не верю тебе, и могу предположить, что Джамбулат погиб. Тогда можешь смело заказывать себе похороны.

– Ты меня не пугай. Сейчас Джамбулата нет рядом. Он спрятан в надежном месте.

– Ночью, когда я буду звонить, он должен быть рядом с тобой. Иначе разговора не получится. Это категоричное условие.

И Хамзат отключился от разговора...

* * *

Старший лейтенант Разумов проводил подполковника до двери квартиры, несмотря на то, что все подходы к дому, дверь подвала и дверь выхода на крышу были блокированы офицерами спецназа и пройти в подъезд незамеченным возможности не было. Вообще-то сам Андрей Вячеславович знал уже, что Хамзат с Таймасханом находятся в настоящее время в другом районе города. Знал с точностью до километра. Тем не менее, чтобы не расхолаживать своих подчиненных и вообще не прививать им привычки расслабленного отношения к боевой службе, старшего лейтенанта сразу не отпустил.

– Может, зайдешь поужинать?

– Я домой съезжу. Жена ждет, – отказался старший лейтенант.

Свою машину Разумов еще утром оставил во дворе под окнами, и Валентина Сергеевна добровольно взяла на себя обязанности сторожа. То есть, обязалась время от времени посматривать в окно. Кроме того, неподалеку стояла вторая машина, охраняющая квартиру.

– Тогда жду тебя через два часа...

Старший лейтенант козырнул и, не желая вызывать лифт, сразу начал спускаться по лестнице.

Обе дочери уже были дома. После такой бурной ночи Марина собиралась отсыпаться, Алина же опять проявила свой характер и собиралась на тренировку.

– Как охрана? – поинтересовался Андрей Вячеславович. – Жизнь не сильно портит?

– Если бы я их в лицо не знала, – сказала Марина, – вообще бы не заметила.

– Мне не мешают, – сказала и Алина. – Если нужно, пусть ходят.

– Нужно... – категорично сказала Валентина Сергеевна и поспешила в другую комнату, где зазвонил телефон.

И уже оттуда позвала Андрея Вячеславовича.

– Ну что, товарищ подполковник, могу вас поздравить, – сообщил подполковник Сумароков.

– День рождения у меня, вообще-то, в декабре, – заметил Судоплатов.

– Можете начинать праздновать уже сегодня... Но я поздравляю по иному поводу. Ваше предположение о дальнейшем поведении Гилани Гирмасолатовича полностью подтвердилось. Вы просчитали все...

– Что, уже?

– Уже...

– Быстр он на решения. Когда будет самолет из Москвы?

– Через час приземляется. Через два часа гости будут у нас...

– Я подъеду через два с половиной. Они как раз успеют войти в курс дела и развернуть аппаратуру. Хотя развернуть ее, наверное, дело двух минут... Итак, что мы имеем?

– Гилани Гирмасолатович захватил Джамбулата и позвонил, как вы и предполагали, не Таймасхану, а Хамзату, как более мудрому и не такому горячему. Кстати, сам Джамбулат тоже оказался не так прост. Он пообещал Гилани Гирмасолатовичу позвонить, как только будет весть от сына, но вовремя хватился, что ему не дали номер, по которому следует

звонить. И сразу заподозрил неладное. Прислушивание то есть... И созвонился с Хамзатом. Тот подтвердил, что такой вариант возможен, и просил Джамбулата не возвращаться домой, где может быть засада. Но тот все-таки вернулся и в засаду угодил. Что-то ему там нужно было, видимо, забрать и он решил рискнуть. Риск, к нашему счастью, не оправдался, иначе мы были бы в трудном положении, потому что не знали бы, как и где искать Джамбулата. Сейчас все идет по просчитанному вами варианту. Главное теперь, чтобы Хамзат с Таймасханом раньше времени не выбрались из города. Хамзат обещал Гилани Гирмасолатовичу позвонить ночью. Это еще не гарантия того, что он до ночи будет отсыпаться в своей берлоге. Но я приказал на всякий случай усилить все посты на выездах из города. Вокзал, автовокзалы, аэропорт – все блокировано. Выбраться раньше времени им будет очень сложно...

– Ерунда. Если людям нужно, они обязательно выберутся, – не согласился Андрей Вячеславович. – Я бы выбрался из любого города даже в том случае, если бы патрули стояли на каждом углу. И они смогут. Это не слишком сложно... Вопрос только в том, пожелают ли они выбраться, пока первое дело не закончено.

– Джамбулат, – напомнил Сумароков.

– Это ничего не говорит. Они могут предпринять последнюю попытку.

– Сомневаюсь, но спорить не буду.

– Я попрошу своих людей быть внимательнее.

– Хорошо. А мы будем ждать вас через два с половиной часа...

2

– А где сам Гилани Гирмасолатович? – спросил Джамбулат, когда его привезли в какой-то дом и отвели в подвал с двумя маленькими зарешеченными окнами. Решетка была из толстой арматуры, и выломать ее голыми руками было просто невозможно, как невозможно было оказать сопротивление конвоирующим его ментам.

– Нам приказали, мы выполнили... Больше никакой информации дать не можем. Гилани Гирмасолатович там, где ему положено быть, ты там, где положено быть тебе. Извини уж...

Поведение этих ментов вовсе не походило на поведение других, с которыми пришлось встретиться утром в своем же доме. Но там был, видимо, дан один приказ, здесь – другой. И все уважение сводится именно к приказу, как понял Джамбулат. Будет приказ растоптать, эти же менты его и растопчут. Но пока он слишком нужен Гилани, тот побоится применять жесткие меры. И вообще странно, как он сразу не произвел захват, а начал уговаривать. Неужели не понимал, что его уговоры мало что могут решить.

Рассуждая таким образом, Джамбулат вовсе не смирился со своим положением. Просто, если нет пока возможности оказывать сопротивление, его оказывать не стоит, но следует ждать подходящего момента. Ситуация же казалась ему вполне ясной. Гилани Гирмасолатович проводит операцию, которую задумал, Хамзат с Таймасханом выступают в этой операции «чистильщиками» и убирают киллеров, но сами при этом остаются важными свидетелями. По завершении они должны вернуться на место, чтобы в обмен на свою работу получить Джамбулата. Но здесь также такие важные свидетели не нужны. Хамзата с Таймасханом просто «убирают», заодно расправляются и с самим Джамбулатом, а вся эта расправа преподносится, как уничтожение боевиков и киллеров. Все предельно просто, и рассчитывать на то, что Гилани Гирмасолатович проявит великодушие к людям, которые могут держать в руках его жизнь и свободу, наивно и глупо. Это просчитывается легко, и Хамзат с Таймасханом это просчитают без проблем, точно так же, как просчитал сам Джамбулат. И они не полезут в ловушку. Но пока Джамбулат находится в руках Гилани Гирмасолатовича, они должны будут делать вид, что подчиняются обстоятельствам. Так же, как сам Джамбулат будет делать вид, что верит в честность Гилани...

Джамбулата оставили одного, закрыли тяжелую металлическую дверь и, судя по

звукам, навесили снаружи тяжелый навесной замок. Камера надежная, из такой собственными силами выбраться невозможно, но Джамбулат верил, что со стороны придут другие силы, способные его освободить, или же у него самого появится какая-то возможность вырваться. Плохо только то, что он не знает, где находится, в городе или за городом, в частном доме или в каком-то милицейском помещении, выйдя из которого сразу попадешь в руки еще к кому-нибудь. Его вывозили из дома с мешком на голове. Тогда это показалось смешным. Сейчас уже не казалось. Мешок сняли только здесь, в подвале.

Хорошо хоть подвал оказался не сырým и не холодным. Но это тоже утешало мало.

Теперь осталось ждать только самого «виновника торжества». Джамбулат думал, что тот обязательно пожелает принудить его позвонить сыну, чтобы оказать на него давление. Если Таймасхан не внемлет уговорам самого Гилани, то может иначе отнестись к просьбе отца о спасении.

Но Гилани Гирмасолатович почему-то не торопился, хотя за маленькими окнами уже начали собираться сумерки...

* * *

Временный пропуск Андрея Вячеславовича позволял посещать здание областного управления ФСБ только в рабочее время, и потому пришлось ждать, когда оформят дополнительный пропуск. Сам подполковник Сумароков был не совсем в курсе правил такого оформления, поскольку бумажными делами обычно не занимался, будучи руководителем оперативной группы, потому и не позаботился заранее. А пропуска для прилетевших из Москвы молодого полковника Рославлева из антитеррористического управления «Альфа» и подполковника Решетникова из управления космической разведки ГРУ заказывали другие сотрудники.

Когда подполковник Судоплатов поднялся в уже знакомый ему по утреннему «разбору полетов» просторный кабинет, там началась нормальная оперативная работа. За спиной подполковника Решетникова, сидящего за ноутбуком, стояли несколько человек, молча ожидающих, когда космическая разведка на блюде выложит необходимые данные.

– Мне хотя бы один звонок по этому номеру нужен, чтобы я мог засечь его sim-карту, тогда я его уже не выпущу, – сказал Решетников. – А без этого найти его не могу. Как звонок организовать? Чтобы он странным не показался, иначе могут заподозрить контроль и сменить sim-карту. А то и просто выбросить. Тогда мы будем ее видеть, а бандиты в это время будут в другом месте. Следовательно, полный сбой и получение дезинформации...

Подполковник Сумароков, старший среди местных офицеров, расценил, что вопрос обращен к нему, вовремя обернулся и увидел, что рядом с ним стоит Андрей Вячеславович. Решение нашлось само собой и выглядело логичным.

– Вот, подполковник Судоплатов уже общался сегодня с Хамзатом. Его звонок, думаю, не покажется странным... Главное, чтобы беседу продолжить в прежнем духе. А, Андрей Вячеславович?

Судоплатов пожал плечами и вытащил трубку.

– Подальше от компьютера отойдите, – попросил Решетников. – Лучше вообще в коридор. У меня динамики сильные, ваша трубка может звук уловить, и это тоже вызовет подозрения. Звук через спутник идет с опозданием на секунду – две...

Андрей Вячеславович молча подчинился, вышел за дверь и набрал по памяти, а не из списка трубки, номер Хамзата. Набор позволил ему успеть прикинуть, как вести новый разговор.

Пришлось подождать, пока Хамзат достанет из кармана трубку, потом дожидаться, пока он вспомнит номер звонящего и решит, стоит ли отвечать. По большому счету, Хамзат мог и не ответить, не желая пустой болтовни. Но он посчитал, видимо, что ответить следует. Наверное, информация после первого звонка ему понравилась, и он надеялся еще что-то подобное выудить.

– Слушаю тебя, подполковник. К сожалению, ты еще жив и даже под трамвай не попал. Значит, нам придется с тобой возиться. А ты уже, скажу честно, прилично нам надоел...

Андрей Вячеславович улыбнулся, словно Хамзат мог видеть его улыбку.

– Ты меня таким сообщением не удивишь, Хамзат. Мне тоже кажется, что я еще жив. Я даже уверен, что не ошибаюсь в этом. И вообще мне кажется, что я долго проживу. Гораздо дольше, чем ты и твой любовник...

Трубка Хамзата доносила какой-то посторонний звук. Подполковник Судоплатов старательно прислушивался, но определить его характер никак не мог. Слегка походило на звук автомобильного двигателя. Может быть, где-то неподалеку работал трактор или компрессор. Но через сильные динамики компьютера подполковника Решетникова разобрать звук будет легче. Да и соответствующая компьютерная программа сможет отделить его от разговора.

– Запомни, подполковник... Это ты мальчика своими дурацкими байками из себя вывел. Я на твои глупости внимания обращаю мало. Говорить можешь много и вообще все, что хочешь, если язык не устал. Я одно твердо знаю: ты приговорен, и твоя семья тоже. И это главное. Жди... И учти: если у нас не получится в этот раз, то жизнь сегодня не кончается. Если нам надоест, мы ведь и уехать можем. На время, естественно... А приехав снова, тебя предупреждать не будем. Но ты каждый день нас жди... И жена твоя пусть каждый день ждет. И дочери... И даже внуки, если успеют на свет появиться, тоже пусть нас ждут. Но мы постараемся не дать им родиться...

– Да, Хамзат... Я понял, что подал дурной пример, – громко усмехнулся Судоплатов. – Это я начал тебя и твоего сопливого Таймасхана пугать. А теперь и вы научились. Но я не из пугливых, и сам могу ответить тем же самым. И гарантировать вам, что из города вам не выбраться. Все пути перекрыты, и будут перекрыты до тех пор, пока вас не поймаем. Еще одно запомни... Ловить вас будут не менты и не ФСБ, а офицеры спецназа ГРУ. То есть, мои подчиненные, которые меня не только уважают, но и любят, потому что я хороший начальник, да и мужик по жизни неплохой. Ценят они меня, понимаешь ли... И мои приказы выполняют всегда точно. А я отдал приказ конкретный... Чтобы свою семью обезопасить и не отпустить вас в «зону», как когда-то по-молодости отпустил Джамбулата Гарсиева. Приказ – стрелять на поражение. Мои офицеры стрелять умеют, будь уверен...

– Поживем – увидим... Что ты звонишь? Хотел что-то сказать?

Андрей Вячеславович увидел, как открылась дверь кабинета, оттуда высунулся подполковник Сумароков и кивнул ему. Значит, можно разговор заканчивать. Но комкать окончание тоже не хотелось, потому что это могло бы вызвать подозрение.

– Да... Я хотел тебя спросить: как можно позвонить Джамбулату?

– Зачем он тебе нужен?

– Хочу расстроить старика и сообщить ему, в какое дерьмо превратился его сын. Конечно, дряхлому отставному эмиру, а Джамбулат с «зоны» вышел дряхлым старцем, это будет больно, но лучшей доли он своим прошлым не заслужил...

– Я могу сказать тебе только спасибо за информацию о Джамбулате. К сожалению, мы пока не имеем с ним связи. Но, когда связь будет, я предупрежу, что его победитель человек скверный, и верить его словам не следует...

– Это не мои слова. Мне про вас рассказал Гилани Гирмасолатович...

– Ты его знаешь? – насторожился Хамзат.

– Знаю слегка... И номер он же дал. Просил погнать тебя из города... Он, наверное, не в курсе был, что вам в нашем городе надо, когда ко мне обратился. Но ты по базе розыска проходишь, и я предположил, что тебе может здесь понадобится. Короче, намеренно или нет, но он тебя сдал с потрохами. И это лучшие представители вашей братии...

– Гилани Гирмасолатович никогда не был лучшим представителем нашего народа. А вы с ним друг друга стоите. Я не желаю общаться с друзьями Гилани Гирмасолатовича. До встречи. До той самой, когда ты будешь умирать на моих глазах...

И Хамзат, разозлившись, отключился от разговора.

Андрей Вячеславович вернулся в кабинет.

– Странный разговор, – с усмешкой заметил полковник Рославлев, и непонятно было, одобряет он такой стиль общения или осуждает.

– Чеченским бандитам такой разговор привычен, товарищ полковник, – ответил Судоплатов. – Они народ хвастливый, сами любят угрожать, и потому считают чужие угрозы более нормальным явлением, чем действительно обычная беседа.

– Должно быть, я или с другими чеченцами встречался, или при других обстоятельствах, когда им уже было не до угроз, – пожал полковник плечами. – Но, главное, дело сделано... Засекли его?

– Засекли, – ответил, не оборачиваясь, подполковник Решетников. – Только у меня складывается такое впечатление, что этот Хамзат находится за пределами города. Навскидку определить не могу. Минуту... Я карту открою... Я только что вашу карту «закачал»... Главное, чтобы она с программой совместилась. Формат изображения другой, но я попробую. Должно пройти. Да, проходит... Полюбуйтесь... Он по реке, похоже, плывет... Как раз покидает городские окраины...

– Что у нас на реке? – Рославлев резко обернулся к Сумарокову.

– Контролировали речной вокзал и все лодочные станции. Собственными силами и, в основном, силами милиции...

– На чем же он плывет? Пропустили? Проспали?

– Едва ли... Возможность есть только одна, – подсказал один из местных офицеров. – И этот канал у нас перекрыть возможности нет никакой. Частные рыбацкие лодки... А если еще и лодка браконьеров... Там такие моторы ставят, что наши катера речной милиции за ними не угонятся. Там только спортивные скутера в состоянии догнать... Но у скутеров сезон еще не начался. Они в ангарах стоят. Река вскрылась не так и давно. По берегам еще местами лед...

– Можно перехватить с вертолета, – предложил Сумароков.

Рославлев ничего не ответил, опустив голову, задумался, и никто не перебивал его.

– А надо ли перехватывать? – спросил, наконец, полковник.

– Упустим...

– Здесь упустим, возьмем в Чечне, – высказал вариант Судоплатов.

– Давайте будем думать и считать. Что нам выгоднее? Что нам проще? И как можно использовать Хамзата с Таймасханом? Когда они не в городе, они не опасны для нас... А в Чечне они станут нашими, грубо говоря, союзниками... – Рославлев сел за стол, но смотрел не на кого-то конкретно, а перед собой, сосредоточенно соображая. – И следует решить, кто наиболее эффективно сможет в самой Чечне отработать...

Андрей Вячеславович улыбался. Полковник из Москвы высказал то, что у него у самого вертелось в голове, но здесь местные офицеры наверняка не одобрили бы такой вариант. Но с полковником Рославлевым договориться, кажется, было можно. Полковник сразу увидел возможности, которые открываются при подобном развитии событий.

– В самой Чечне, товарищ полковник, наиболее эффективно сможет отработать только спецназ ГРУ. Причем отработать незаметно для официальных структур, если мы решим работать именно так...

– Еще немного, и я соглашусь. Давайте еще раз все продумаем, чтобы не допустить ошибки. Честно говоря, в Чечне Гилани Гирмасолатович даже для «Альфы» труднодостижим. Надо искать скрытные пути...

* * *

К удивлению Хамзата, Таймасхан легко овладел собой после известия о захвате отца. В принципе, у него было время подготовиться мысленно к тому, что такое может произойти. И если во время разговора Хамзата с Гилани Гирмасолатовичем Таймасхан, стоя рядом, явно нервничал, то, как только разговор закончился, сразу взял себя в руки, сосредоточился и

спросил вполне деловым, лишенным эмоций, тоном:

– Что, Хамзат, делать будем?

– Выручать эмира... Что нам еще остается делать... – Хамзат сохранял присущую ему в самые трудные моменты невозмутимость.

– Я надеюсь, ты не веришь этому пройдохе? – Таймасхан оценил ситуацию сразу здраво. – Он спать плохо будет, если никого не обманет и не подставит...

Хамзат ответил категорично:

– Верить Гилани Гирмасолатовичу может только конченный самоубийца или психически больной. Я себя ни к тем, ни к другим не отношу. Но давай соображать здраво... С самого начала, чтобы цепочку выстроить. Что Гилани нужно?

– Ему нужно, чтобы мы «подчистили» его работу в Эмиратах...

– Правильно. Сами мы в этом случае кем становимся?

– Свидетелями...

– То есть, потенциальными кандидатами в покойники. Это, конечно, в случае, если будет заглядывать Гилани Гирмасолатовичу в рот и сами смотреть на все происходящее с открытым ртом. То есть, если будем дураками...

Эта тема обсуждалась уже многократно, и потому разговор шел без пауз. Дальше перешли к теме следующей, развивающей предыдущую.

– Предположим, мы работу выполним. Что в этом случае будет с нами?

Таймасхан для наглядности своих слов взял в руку пистолет.

– Уничтожат, как свидетелей...

– А что будет с эмиром Джамбулатом?

– То же самое. Уничтожат. Это без сомнений... И отец сам должен это понимать...

Думаю, он понимает и постарается вырваться, если будет такая возможность. Но все равно ждет помощи от нас. Он в нас верит...

– Значит, его безопасность обеспечивается нашей невыполненной работой. Пока работа не выполнена, его не тронут, потому что мы потребуем для контроля если не постоянного, то частого разговора с ним. Я уже потребовал этого, и ночью, если Джамбулата не будет при разговоре с Гилани Гирмасолатовичем, ни о какой договоренности не может быть и речи...

– Не совсем так, – не согласился Таймасхан. – Отец будет жив до тех пор, пока не расправятся с нами. То есть, пока мы сами не подставимся под их стволы... Если мы узнаем о его гибели, то мы можем или отказаться от выполнения задания, или, если задание уже выполнено, добровольно дать показания на Гилани. Просто послать письмо, не поднимая перед ментами рук. И Гилани Гирмасолатович это понимать обязан. Он знает, что такое месть и на что может решиться человек, пожелавший отомстить. Значит, отца будут беречь больше, чем самого Гилани. До тех пор, пока мы живы...

– Тоже верно, – согласился Хамзат. – Ты правильно все уточнил. Наши действия? Давай перебирать варианты...

– Первый... – сразу, без раздумий, начал Таймасхан выкладывать то, что он, похоже, уже продумал. – Гилани Гирмасолатович сам сильно давил на Далгата, чтобы тот сделал нашу жизнь здесь невыносимой. Нас должны были отсюда «выдавить». Но мы вовремя не ушли, в результате, нас загнали в глубокий подвал, и мы лежим «на дне». Не рискуем высунуться... Он может в это поверить... И даже проверить может по своим депутатским каналам. Гилани же всегда хвастался связями по всей России. И, таким образом, тянем время до последнего...

– Что это дает? – не сразу понял Хамзат мысль товарища.

– Гилани считает, что мы еще на месте, а мы уже там, а Грозном, и работаем...

Втихомолку, аккуратно, не оставляя свидетелей...

– Это вариант, – согласился Хамзат. – Вернее, один из вариантов...

– Гони следующий...

Хамзат ненадолго задумался.

– Пожалуй, лучше твоего варианта ничего не придумаешь. Можно, конечно,

совместить все это с другими вариантами, но это надо будет сделать уже исходя из обстоятельств по ходу дела. Но остаются еще неразрешенные вопросы, которые твой вариант не затрагивает. Что будем делать с подполковником?

– Жизнь отца для меня важнее, – хмуро сказал Таймасхан. – Для тебя, надеюсь, тоже...

– Это сомнению и обсуждению не подлежит. Значит, оставляем «на потом»...

– Конечно. И без раздумий...

– Тогда второй вопрос... Как будем выбираться из перекрытого города?

– Поезд, самолет, автобус и прочее я отмечаю, – сказал Таймасхан решительно. – Выходить следует пешком вдоль дороги. Можно вдоль железной дороги, чтобы за городом сесть на электричку и добраться до ближайшей большой станции. Если идти вдоль автомобильной трассы, где-то дальше можно будет захватить машину.

– Если бы нас держали только менты, я бы согласился, – Хамзат выразил сомнение. – Но я боюсь, что подполковник выставил посты из своих солдат. А спецназ ГРУ в состоянии выставить засады на наиболее предположительных участках выхода.

– Как они могут определить предположительные участки? Таких направлений множество, и все контролировать невозможно.

– Спецназ ГРУ умеет определять места, по которым мы ходим. Они еще там, в Чечне, научились каким-то образом их определять...

– Не перебарщиваешь?

– Просто боюсь.

– А есть другие варианты?

– Есть, но их следует просчитать.

– На машине все равно не прорваться...

– О машине я и не говорю. Она может понадобиться вдали от города. С этим я полностью согласен. Но как из самого города выбраться?

– Наугад...

– Если бы дело касалось только нас, могли бы рискнуть. Но мы должны помнить, что наша гибель означает и гибель эмира Джамбулата. И потому я предпочитаю соблюдать повышенную осторожность.

– Предлагай, – согласился Таймасхан.

– Есть у меня парень знакомый, Анатолий. На подобный случай и готовил его... У него лодка с хорошим «хондовским» мотором. За ним рыбнадзор ни разу угнаться не смог. Даже от ментовских катеров уходил всегда без проблем. Пообещать хорошие деньги – он отвезет по реке... Как можно дальше. А там уже сможем на любой транспорт пересесть. Но я бы предпочел не пользоваться поездами и самолетами. Если федералы поймут, что нас в городе нет, будут проверяться все рейсы.

– Зато самолетом быстрее всего. Я предполагаю, что нам можно будет даже разделить, добраться до Москвы разными путями, а там встретиться... Плохо, что с оружием в самолет не сядешь. Оружие придется искать...

– Ладно... Там уже – что подвернется. Решать будем на ходу. Сначала нужно из города выбраться. Я схожу, узнаю насчет лодки.

– А позвонить не можешь?

– Номер остался в разбитой трубке. Навскидку я не помню...

– Иди, – сказал Таймасхан.

* * *

Разговор сложности не представил. И цена показалась Хамзату смехотворной. До ближайшего относительно большого города плыть ночь и примерно пару часов после рассвета. Это всех устраивало.

Огород знакомого Хамзата спускался прямо к реке. Там, в огороде, стоял кривой и готовый вскоре упасть сарайчик из давно прогнивших от сырости досок. Из сарайчика

ржавые рельсы уходили под воду. В таких сарайчиках рыбаки свои лодки и держали, спуская их до реки на маленькой платформе.

– Только бензин залить, и можно плыть, – сказал Анатолий. – Когда плывем?

– Часа через полтора... За напарником сходить надо, собраться...

– Деньги вперед. Бензина куплю и жене оставлю, чтоб завтра на базар сходила... – Анатолий откровенно не говорил, что не доверяет собеседнику.

Хамзат без разговоров выложил требуемую сумму и даже ладонью прихлопнул перед тем, как ближе к Анатолию передвинуть.

– Через полтора часа мы приходим...

– Через полтора часа лодка будет уже на воде... Одевайтесь теплее. На реке холодно. Из еды что-нибудь прихватите... Я сала накопил, но вы же – мусульмане, сало не едите.

Хамзат поморщился. Сало он не ел и вообще чувствовал к нему отвращение, даже не зная истоков своих чувств ¹⁰...

3

Гилани Гирмасолатович приказал срочно оборудовать временными решетками окна одной из комнат своего дома. И это несмотря на позднее время, с которым он с высоты своего положения в республике считаться не желал, потому что сам всегда работал, на время суток внимание не обращая. Рассчитывал, что деньги и его авторитет эту проблему решат, и трудностей не возникнет. Не решились. Уже через час ему доложили, что обмеры можно будет сделать лишь утром, а сами решетки будут готовы только к обеду. Но оставлять и дальше Джамбулата в подвале котельной, где его временно поместили, было нельзя, потому что скоро должен был позвонить Хамзат. Зная его упрямство и еще большее хамское упрямство молодого Гарсиева, Гилани Гирмасолатович не сомневался, что, не поговорив предварительно с Гарсиевым-старшим, киллеры не будут обсуждать с ним никакие условия своей срочной работы. Приходилось рисковать, даже зная, что Джамбулат Гарсиев, как боевик, способен на многое, и оставлять его без присмотра опасно. Он не только сам сбежать может, он способен еще и навредить. До Гилани Гирмасолатовича уже дошла история о гибели ментов в далеком селе. Якобы, на своей же «растяжке» взорвались. Непонятно только, зачем они «растяжку» устанавливали, если могли бы и так разобраться с Джамбулатом.

И все же Гилани Гирмасолатович приказал привезти Джамбулата Гарсиева к себе в дом. Причем с тем же мешком на голове, с которым приказывал возить его раньше. Это была хоть какая-то возможность затруднить побег. Джамбулата привезли, мешок сняли уже перед дверью кабинета. И потом только запустили за дверь. Разговор теперь велся в присутствии той же пары охранников, с которой Гилани Гирмасолатович приезжал к Джамбулату в дом. Без охраны, как было раньше, разговаривать с ним теперь уже было опасно.

– А я тебя честным человеком считал, Джамбулат, – сказал Гилани Гирмасолатович с укором в голосе.

– К сожалению, я тебя тоже, – ничуть не смутившись, ответил Гарсиев-старший.

– Ты же обещал мне позвонить, как только получишь от сына весточку...

– Куда позвонить? Ты мне дал номер?

– Разве не дал? Ну и ладно. Теперь уже давать поздно. Самому спросить следовало. У меня в голове одновременно столько дел крутится, что забыть немудрено. Спросил бы,

¹⁰ Согласно мнению ученых, запрет на употребление свинины или какого-то другого мяса у некоторых народов уходит корнями в глубокую древность, когда животные и птицы являлись тотемными животными. Убить и съесть тотемное животное – это значило лишить свой род поддержки тотема. Впоследствии запреты трансформировались, обрели другое обоснование и стали считаться религиозными.

Предположительно, эти же корни имеет и вообще вегетарианство, когда разные роды одного племени имели разные тотемы, и употреблять в пищу тотемное животное родственного рода считалось бы оскорблением.

ничего бы не случилось. А теперь вот приходится мне расхлебывать.

– Тебе? – вроде бы между делом переспросил Джамбулат.

– Мне, а кому же... Я так понял, что ты хочешь меня обмануть, и вынужден был идти ва-банк. А теперь делать шаг назад бесполезно. Теперь уже мы друг другу не поверим.

– В этом ты прав, – согласился Джамбулат. – Тебе верить нельзя, ты всегда и всех обманываешь, а такие люди другим не верят никогда, потому что считают, что другие не лучше их. К счастью, они ошибаются, но переубедить обманщика невозможно. Я и стараться не буду... Что дальше? Говори...

Гилани Гирмасолатович словно и не слышал отповеди. И сделал вид, что сказанное к нему не относится. И потому беседу продолжил в том же спокойном тоне.

– Дальше все просто. Я думаю, ты умышленно не спросил мой номер, чтобы иметь отговорку на будущее.

– Ты слишком высокого мнения о себе. Кто ты вообще такой, чтобы я искал для тебя отговорки? Ты всегда был никем, никем и останешься...

Джамбулат умышленно обострял разговор, чтобы ощутить, насколько он нужен Гилани Гирмасолатовичу. Вернее, насколько нужны ему Таймасхан с Хамзатом.

Но хозяин дома тон почти доброжелательного разговора не сменил.

– Это твое мнение. У других людей имеется свое. Древняя мудрость – сколько людей, столько и мнений, и спорить здесь бесполезно. Я по-прежнему считаю, что ты умышленно не спросил мой номер. И потому вынужден был приказать захватить тебя. Учти, я мог бы сделать это сразу и сразу имел бы рычаг воздействия на твоего сына. Но я пытался договориться мирно. Если не получилось мирно, получится по принуждению. Им придется на меня работать. И твоя свобода зависит целиком от их сговорчивости. Скажу даже больше – твоя жизнь зависит...

Джамбулат плечами пожал. Ответить ему было нечем, да и не собирался он отвечать. Он весь этот разговор, все аргументы Гилани Гирмасолатовича уже заранее просчитал и сейчас только получил подтверждение в правильности своих выводов. Осталось только, чтобы Хамзат, как более опытный, просчитал все правильно и помог разобраться Таймасхану. Но Таймасхан и сам не солону в голове имеет...

* * *

После звонка подполковника Судоплатова прошел уже целый час. Впрочем, Хамзат на часы не смотрел. Он привык время отмерять своим внутренним чувством, и если ошибался, то не намного. Это была еще лесная привычка, где в темноте не всегда есть возможность зажечь огонь, чтобы глянуть на циферблат. И даже фонарик зарядить иногда возможности не бывает.

Лодка ходко бежала по реке и только сильно раскачивалась из-за боковой волны.

Сам Анатолий сидел на корме и правил, хотя Хамзат не понимал, зачем здесь, на водной глади, следует править. Здесь и так плыть можно. Руль заклинить и плыть, и только на поворотах самой реки, которых немного и которые крутизной не отличаются, чуть-чуть подправлять направление. Но у Анатолия были свои принципы, и он руль из руки не выпускал.

С подполковником, когда тот позвонил, Хамзат говорил, перебравшись на нос лодки, подальше от мотора. А теперь пришла пора и с Гилани Гирмасолатовичем поговорить. Конечно, лодочный мотор опять мешал, но от этого уже было до конца водного пути не избавиться.

Хамзат набрал номер. Ответили быстро.

– Я слушаю, Хамзат. Ты уже созрел?

– Я не абрикос... Где Джамбулат?

– Я же тебе говорил, что он под домашним арестом.

– Под домашним арестом – значит, он в своем доме и можно ему туда звонить?

– Нет. Мы с ним хорошо поговорили, и он на время согласился воспользоваться моим гостеприимством. Я передаю ему трубку.

Прошло несколько секунд.

– Да, Хамзат... Я зря тебя не послушал. Но у меня документы остались дома, и я хотел забрать их. Не думал, что они так быстро среагируют. А они среагировали. Ты понимаешь ситуацию?

– Конечно, эмир. И Таймасхан понимает...

Это было сказано простыми словами, но за ними был скрытый смысл, доступный только для Джамбулата и Хамзата.

– Он хочет заставить вас работать на себя.

– Придется нам работать всерьез...

Здесь опять был двойной смысл, доступный для Джамбулата, но недоступный для Гилани Гирмасолатовича, который слушал разговор через присоединенный к трубке наушник.

– Извини, что я так подставил и тебя, и Таймасхана. Как он?

– Переживает за вас. А вы как?

– А я переживаю за него. Ты позванивай время от времени. Я не верю здешнему хозяину, потому что он никогда мужской честностью не отличался. Проверь его. Разговоры со мной должны стать обязательными.

– Это условие, при котором мы будем работать. Иначе с подлецами нельзя...

Гилани Гирмасолатович, на которого смотрел в это время Джамбулат, никак не отреагировал на то, как оценил его Хамзат.

– Все. Я отдаю ему трубку. Поговорите о ваших делах...

Дожидаюсь, когда заговорит Гилани Гирмасолатович, Хамзат кивнул Таймасхану, показывая, что с Джамбулатом все нормально.

– Ну что, как мы договоримся? – спросил назойливый работодатель.

– Мы согласны отработать. Но я тебя уже предупредил...

– Значит, нам нужно встретиться, – сказал Гилани Гирмасолатович.

– Легко сказать...

– Есть трудности?

– Ты сам нам их создал. Вместе с твоим другом Далгатом, ныне покойным. Город полностью закрыт, из него не выбраться несколько дней. Попробуй по своим депутатским каналам нам помочь. Есть у тебя такая возможность?

– Ты думаешь, о чем просишь? Мое вмешательство означало бы, что я причастен к той горе трупов, что вы там навалили. Выбираться должны сами. Где вы сейчас?

– Отдыхаем на компрессорной станции. Слышишь звук? Вот мы его уже второй день слушаем. Уши заложило. Но здесь, по крайней мере, безопасно, пока город прочесывают. Придется, наверное, пару дней отлежаться, чтобы все утихло. Потом сразу двинем к тебе. Ты где будешь через пару дней?

– Я буду в Грозном. Но через пару дней вы должны вылететь в Эмираты. Через три дня – это крайний срок.

– Никак не успеем. Нам еще до тебя добираться... Потом в Москву, чтобы на самолет сесть. Это физически невозможно.

– Подожди, я подумаю...

– Думай быстрее.

– Задание ты же знаешь...

– Знаю.

– Если найдешь деньги, сможете сразу вылететь в Москву, а оттуда на место?

– Сможем, думаю. Деньги у нас есть. Естественно, потом ты все компенсируешь...

– Без проблем. Возвращаться будете в Грозный. Я там буду ждать.

– Попробуем. Главное, из города выбраться...

– Вы сумеете... – в голосе Гилани Гирмасолатовича прозвучало уважение...

* * *

Полковник Рославлев хотел, чтобы вместе с подполковником Судоплатовым отправилась вся группа офицеров, первоначально задействованная в охране семьи Андрея Вячеславовича и его самого. Но подполковник отказался категорически.

– Где я такую группу спрячу? У меня карманов не хватит, чтобы всех рассовать...

Рославлев юмор подполковника оценил. Он вообще-то оказался не глупым и понимающим мужиком, умел прислушиваться к чужому мнению.

– Сколько хотите взять?

– Десять человек от силы. Больше и не нужно, и опасно. А вдесятером мы все сделаем, как полагается.

– Отбирайте состав, – согласился полковник.

– Я уже отобрал.

– А я заказал самолет. Как только будет необходимость, то есть, как только Хамзат с Таймасханом выйдут на стартовую позицию, вы вылетаете. Раньше времени там тоже глаза мозолить не следует. Боевое обеспечение у вашей группы...

– Штатное.

– Что-то еще нужно? Могу способствовать из резерва собственного управления.

– Винтовку с тепловизором, или хотя бы бинокль с тепловизором.

– Винтовку можно взять только вместе со снайпером.

– У нас снайпер свой. А бинокль?

– Бинокль можно без сопровождающего...

Судоплатов тоже понял юмор полковника.

– Очень этим обрадуете...

* * *

Дальнейший путь Хамзата и Таймасхана был основательно запутан, как им самим казалось, и потому не поддавался отслеживанию. Высадившись из лодки, они благополучно нашли в прибрежном поселке машину, которая отвезла их до станции, где они сели на электричку и отправились сначала в обратную сторону, где в поселке снова нашли человека, который на своей лодке взялся перевезти их на другой берег реки. Там Хамзат с Таймасханом, выйдя на проезжую дорогу, теперь уже на попутном большегрузном автомобиле до вечера скрипели зубами от пыли, пока добрались до следующего на своем пути города. Самолета им пришлось дожидаться до середины ночи. К тому времени пистолеты они уже выбросили на случай проверки на дорогах. Впрочем, оба и без пистолетов представляли собой опасность, а провезти оружие в самолете было просто невозможно.

В течение дня дважды, а потом еще и ночью Хамзат звонил Гилани Гирмасолатовичу, каждый раз убеждая того, что город перекрыт и выйти невозможно, и только в последнем звонке сообщил, что нашлась грузовая машина, которая вывезет их в коробках с другим грузом. Этот последний звонок состоялся прямо перед посадкой в самолет. Потом, через полтора часа, последовала еще одна пересадка на самолет до Питера, из Питера почти сразу полетели в Москву и как раз успели к рейсу на Грозный. Перед этим последним рейсом Хамзат снова позвонил и потребовал разговора с Джамбулатом. Пришлось ждать около пяти минут, пока Джамбулата приведут. Теперь с отцом разговаривал Таймасхан, но, всегда немногословный, спрашивал только о здоровье и об условиях содержания. Опытный Джамбулат и здесь умудрился дать подсказку:

– Слава Аллаху, держат не в подвале, как раньше, а на верхнем этаже. От подвальной сырости у меня старые раны болят...

– Подскажи Гилани, – Таймасхан упорно не желал звать Гилани Гирмасолатовича по

отчеству, – что каждая минута твоей боли обойдется ему десятикратно.

– Он сам должен это понимать...

Джамбулат опять неназойливо показал, что хозяин дома разговор прослушивает, и лишнего лучше не говорить.

* * *

– В Грозный вы прибудете на полчаса раньше, чем Хамзат с Таймасханом, – напутствовал подполковника Судоплатова полковник Рославлев. – Но им до Грозного добираться ближе. К сожалению, мы смогли организовать для вас только одну машину. «Тойота Ленд Крузер». Окна полностью тонированы.

Андрей Вячеславович, зная, что хорошего много не бывает, промолчал о своем звонке хорошему знакомому, человеку, получающему в ГРУ добавку к своей основной зарплате, который в дополнение даст и свою машину, и даже обещал договориться со строителями, работающими через дом от дома Гилани Гирмасолатовича, и те на три дня отбудут в командировку в сельский район, освободив стройку под место проживания спецназовцев. Больше, чем на три дня, убрать строителей не удастся. Но Судоплатов рассчитывал не только в этот срок уложиться, но и в одну единственную ночь, хотя планировать точные сроки пока было невозможно. Но главное было обеспечено – группа могла сконцентрироваться на стройке и, возможно, использовать строительство как базу для дальнейших действий. И по этой причине для всех офицеров группы, как и для самого подполковника, было припасено по комплекту старой и не совсем чистой строительной «робы» и выделены какие-то строительные инструменты, в основном почему-то большие бетонные лопаты.

Дом Гилани Гирмасолатовича в Грозном многие знают. Такой человек на виду. И даже не пришлось объяснять по телефону, что и где нужно искать. Иметь надежных людей там, где приходится часто работать, а порой и вообще там, где есть вероятность изредка появляться, – эта практика в спецназе ГРУ применялась и применяется всегда. И сейчас она сработала в очередной раз только по одному телефонному звонку.

– Наша задача какая? Дать возможность Хамзату с Таймасханом отработать по полной программе и только после этого задержать. Если Гилани Гирмасолатович останется после их работы в живых, его тоже задержать, несмотря на то, что он будет «качать права» и попытается прикрыться депутатской неприкосновенностью. Неприкосновенность существует для ментов и ФСБ. Вы к правоохранительным органам не относитесь, поэтому можете работать смело и грубо, не зная процессуальных норм. Отчасти по этой причине мне лучше там не появляться, но связь поддерживать мы будем телефонную и, если понадобится, зашифрованную.

Шифровальщика в группу пришлось взять по настоянию полковника Барсука. Но командир бригады, как понял Андрей Вячеславович, стал настойчивым в этом вопросе после разговора с полковником Рославлевым. Сам подполковник Судоплатов предпочел бы обойтись без шифровальщика, поскольку хорошо знал, что офицеры-шифровальщики совмещают в одном лице навыки боевого офицера со своим профессиональным умением только в отдельных мобильных офицерских группах. В линейных же частях от шифровальщика не требуется повышенной боевой подготовки. И потому боевой офицер был бы в группе больше к месту. Но пришлось согласиться с командованием, хотя хотелось иметь группу более боеспособной. А боеспособности ей не добавлял и подполковник Решетников, вошедший в состав вместе со своим ноутбуком. Но присутствие офицера космической разведки, по крайней мере, делало группу информированной. Сам же ноутбук Решетникова заменить ноутбук шифровальщика был не способен. И дело было даже не в самом ноутбуке, а в программах, на него установленных, и в допуске к работе с шифрами. Подполковник Решетников такого допуска не имел, как и сам Судоплатов.

Самолет отправлялся спецрейсом, взлетал с военного аэродрома и приземлялся не в гражданском аэропорту Грозного, а в Ханкале на военном аэродроме. Группа уже заняла

салон, но время до отправления еще оставалось, и даже двигатели, недавно прогретые, еще не шумели. И Андрей Вячеславович, зная, что в полете трубку положено выключать, решил еще раз позвонить Хамзату. Но компьютерный женский голос бесстрастно сообщил, что абонент находится вне зоны досягаемости связи или выключил свой телефон.

– Вы кому? Не Хамзату? – спросил подполковник Решетников, устроившийся рядом.

– Ему... Чтобы не скучал. Да я и сам по нему соскучился...

– Бесплезно... Он сейчас в самолете. Только что из Питера вылетел в Москву. Оттуда почти сразу полетит в Грозный...

– Вы sim-карту и в самолете отследить можете?

– Наверное, можно, – предположил подполковник. – Она сама по себе служит маяком, даже без трубки. Но наш поисковый сигнал со спутника может вмешаться в аппаратуру навигации самолета, поэтому проводить такие эксперименты можно только при специальных условиях.

– А вы потом сами Хамзата найдете или опять придется ему звонить?

– Можно не звонить. Параметры его sim-карты заложены в компьютер. Теперь он никуда не уйдет. Если над Чечней небо чистое, мы, возможно, сможем даже рассмотреть его в режиме реального времени. Через пару часов закончится профилактика, и включится спутниковое обслуживание режима on-line.

– Значит...

– Значит, мы сможем наблюдать за Хамзатом и Таймасханом визуально. И даже в инфракрасном режиме сможем...

* * *

Документы и у Хамзата и у Таймасхана были «чистые», хотя для приобретения естественного вида они носили их в карманах вместе с разными случайными предметами. Это придало паспортам вполне потертый вид. И проверки они не боялись, как не боялись и опознания по фотороботу, потому что знали, насколько подобное опознание смехотворно.

Потому в Грозном они чувствовали себя почти свободно, тем более, что прилетели уже вечером, когда человека вообще трудно рассмотреть. И приятно было уже в аэропорту услышать, как все вокруг разговаривают на родном языке, изредка лишь употребляя русские слова. И Хамзат и Таймасхан давно уже не были дома, и потому оба испытывали понятное волнение, которое, впрочем, не помешало им сразу включиться в дела.

Хамзат позвонил кому-то не с мобильного, а с таксофона, разговаривал долго и, повесив трубку, махнул Таймасхану рукой.

– Лови такси...

Такси быстро отвезло их по нужному адресу, но пока ехали, совсем стемнело. Пришлось минут пять постоять у подъезда, пока не подошел какой-то пожилой человек с палочкой, помогавшей ему меньше хромать.

– Привык к протезу? – пожав руку и слегка приобняв пришедшего, спросил Хамзат.

– К ноге когда-то больше привык, но теперь уже и без ноги привычно...

– Познакомься, это сын Джамбулата – Таймасхан, – Хамзат подвинул товарища ближе к хромоту человеку.

Тот смотрел с уважением.

– Я видел тебя еще в первую войну. Ты тогда совсем мальчишкой был. Меня зовут Джабраил. Я воевал в джамаате твоего отца, пока мне не оторвало ногу. Мина... Идемте в дом...

Старый пятиэтажный дом был, видимо, за годы войны основательно побит, о чем говорили выбоины в стенах, но отреставрирован. Хромой Джабраил открыл дверь квартиры на первом этаже и первыми запустил туда гостей, но сам дальше тесной прихожей проходить не стал.

– Извини, Хамзат, у меня начальник строгий. Я только на полчаса отпросился. Надо

назад бежать... Сейчас кризис, везде сокращения. Боюсь, и меня, инвалида, сократят... Кто опаздывает – первые кандидаты на отдых... Вот ключ, располагайтесь. Что нужно будет, звони...

– Спасибо, Джабраил. Я просто рад был тебя увидеть и благодарен за то, что приютил нас. Посидеть бы вечером, вспомнить былые дни, но мы по делу приехали. Как закончим, я позвоню... А ты что, во вторую смену работаешь? Вечер уже...

– Я работаю по суткам. Сутки дежурю, двое суток отдыхаю...

– Значит, обязательно увидимся... Мы с Таймасханом постараемся подготовить тебе сюрприз. Приятный...

– Скажи сразу, чтобы я не мучался...

– Мы приведем человека, которого ты рад будешь увидеть...

Джабраил, пожав плечами, пожал поочередно руку обоим и заковылял на выход. Палочка его гулко стучала по деревянному полу.

Квартира оказалась тесной, хотя и двухкомнатной. Но Хамзата с Таймасханом она вполне устраивала. Хамзат, только бросив сумку, сразу вытащил трубку мобильного, и стал звонить.

– Я на углу магазин видел, – сказал Таймасхан. – Схожу куплю что-нибудь.

Хамзат, ожидая ответа с прижатой к уху трубкой, молча кивнул...

* * *

– Да, Хамзат, я тебя слушаю. Где вы? – спросил Гилани Гирмасолатович.

– В Москву прилетели. Завтра утром наш рейс. Надо до утра проболтаться и никому на глаза не попасться. Координаты твоих людей на месте прежние?

– В этот раз к ним лучше не соваться, – возразил Гилани Гирмасолатович.

– Почему? Объясни...

– У вас могут возникнуть разногласия...

– Ты предлагаешь нам лететь туда со своим арсеналом?

– Да, я понял, – согласился Гилани Гирмасолатович. – Но лучше бы обойтись своими силами. Без них...

– Своими силами – это как? – не понял Хамзат. – Поднял палец и показал, что стреляешь?

– Я не продумал этот вопрос. Моя вина... И больше добыть негде?

– Почему же... Добыть можно всегда. Там тоже на улицах можно встретить вооруженного полицейского. И, наверное, даже не одного... Полицейские любят делиться тем, что нам нужно... Конечно, приходится их просить. Но попросить можно с помощью простого молотка. Молотки в магазинах продаются без лицензии на ношение.

– Обойдитесь молотком...

– Мы-то обойдемся. Но тебе это будет дорого стоить. Понимаешь, во что нас ввязываешь?

– Согласен, я заплачу...

Гилани Гирмасолатович согласился заплатить очень уж для себя легко. Хамзат хорошо знал, что с ним всегда приходится торговаться. А если он согласен платить без торговли, значит, платить вообще не собирается.

– Договорились. Как Джамбулат?

– Отдыхает, потом делает интенсивную зарядку, потом опять отдыхает. И так целый день. Позвать его?

– Что такое – позвать? – усмехнулся Хамзат. – Он у тебя по дому гуляет?

– Нет, но...

– Ты имеешь ввиду, что можешь приказать привести эмира...

– Пусть так. Но он вообще живет здесь со всеми удобствами. Единственное неудобство – туалета в комнате нет. Приходится провожать его в другой конец коридора...

– Если туалета нет в комнате – это удобства, а не неудобства... Ладно. Звать не надо. Позовешь, когда в следующий раз позвоним. Таймасхан разговаривать будет... У нас впереди целая ночь, делать будет нечего, будем позванивать... Ты бы дал Таймасхану трубку, чтобы не бегать за ним, да и тебе ночью лучше спать.

– Я подумаю, – неопределенно ответил Гилани Гирмасолатович. – Скорее всего, завтра, когда ты оттуда позвонишь, я дам ему трубку...

– Тогда будешь всю ночь за ним бегать...

Хамзат отключился от разговора.

Вообще-то Гилани Гирмасолатович предпочитал держать у себя постоянных специалистов. В этом случае никогда не возникает таких проблем, какие случаются с бандитской вольницей. Сложность состояла в том, что хорошие специалисты, способные на серьезное дело, уже прошли солидную школу и к вольнице привычны. И мало считаются с авторитетами, которые для них – привычная величина под названием «мишень». А самостоятельно таких специалистов вырастить невозможно. Нет такой школы, где их готовят, кроме школы боевых действий. Но боевые действия закончились. И кто эту школу прошел, остался там, среди вольницы. И приходится для себя подбирать из других, готовых к беспрекословному подчинению. Но когда дело предстоит сложное, собственная гвардия оказывается малоспособной к исполнению. И тогда обстоятельства вынуждают пользоваться услугами вольницы.

Но и ряды вольницы редуют стремительно. Более того, даже приходится прикладывать руку к тому, чтобы они продолжали редеть. Так все должно произойти и в этот раз...

Разговор с Хамзатом успокоил Гилани Гирмасолатовича. Он до последнего момента сомневался, что Хамзат с Таймасханом будут выполнять задание. Но они летят... Они в Москве и утром уже вылетят на место событий. Тогда уже можно будет дать команду туда, в Эмираты, чтобы начинали операцию.

Что касается трубки мобильного, то, пожалуй, чтобы не занимать себя ненужной заботой, можно ее и дать Джамбулату. Но посадить человека со второй sim-картой на контроль разговоров...

* * *

Встречать спецназовцев ГРУ в аэропорт Ханкалы приехал старенький армейский автобус. Он отвез всю группу в военную комендатуру, откуда вышли уже не спецназовцы, а строители, и расселись они не на драных сиденьях автобуса, а в две машины – солидный, хотя и старенький внедорожник «Тойота Ленд Крузер» с полностью тонированным остеклением и больше подходящий для строителей «уазик»-»буханку». К оставленному первой бригадой строителей дому подъехали уже в темноте. Сидящий за рулем «уазика» человек открыл ворота своим ключом и запустил машины.

Пока группа устраивалась, подполковник Судоплатов поднялся на недостроенный чердак-мансарду над вторым этажом. И без труда отыскал место, откуда просматривался дом Гилани Гирмасолатовича и большая часть двора. Бинокль с тепловизором, предоставленный полковником Рославлевым, оказался бесценным сокровищем, потому что сразу помог определить два поста во дворе, где беспечно дремали, судя по позам, охранники. Возможно, существовал и третий пост, прикрытый домом, но его даже бинокль определить не помог бы.

Там, на чердаке, Андрей Вячеславович и решил организовать свой командный пункт, на котором его вскоре и нашел подполковник Решетников, поднявшийся с раскрытыми ноутбуком в руках.

– Уже включились в работу?

– Пока мы были в дороге, центральный компьютер зафиксировал несколько разговоров абонентов. Так, ничего серьезного, но я принял все данные.

– Где сейчас Хамзат с Таймасханом?

– Уже в Грозном. В жилом доме недалеко от центра города. Впрочем, здесь все

недалеко от центра. Город такой, что... Не Москва, короче...

– Впервые здесь?

– Я офицер кабинетный. ВУС¹¹ обязывает. В командировках бываю редко.

– Итак, что мы имеем по нашей паре?

– Пока сидят в квартире. Дом большой, судя по конфигурации, многоэтажный. Этаж вот спутник определить не может. Через два часа сорок семь минут включится новый спутник, тогда можно будет попробовать определить и этаж.

– Ни к чему спутники перегружать, – заметил Андрей Вячеславович. – Они сами сюда заявятся... Только меня вот что интересует: вдвоем будут работать или кого-то привлекут?

Ноутбук подал едва слышимый звуковой сигнал. Решетников глянул в монитор.

– Хамзат кому-то звонит. Ищу второй номер... Здесь, в Грозном... Есть! Зафиксировал... Включаю разговор...

* * *

– Я видел однажды, как умирал человек, получивший пулю в живот сразу после обеда. Муки были страшные, – сказал Хамзат. – С тех пор, если иду на опасное предприятие, крошки не съем. И тебе не советую... Умирать лучше с чистой совестью и пустым желудком...

Таймасхан подумал пару секунд и без сожаления отодвинул от себя тарелку. Он привык с уважением относиться к словам Хамзата, признавая его опыт.

– Когда пойдем? Можно сначала просто мимо дома пройтись. Присмотреться. Мало ли что могло измениться...

Они уже дважды бывали в доме Гилани Гирмасолатовича и хорошо помнили и расположение комнат, и двор, и даже места, где лучше всего в этот двор забраться. Тогда еще не было необходимости планировать подобное скрытое проникновение, но привычка оценивать с этой точки зрения любой двор сработала безотказно.

– Сначала позвоню. Подкрепление нам не помешает. Двоих хватит?

– Больше и не надо...

Хамзат вытащил свою новую трубку, какое-то время сосредотачивался, вспоминая номер, потом набрал его.

– Мансур... Я рад приветствовать тебя. Это Хамзат. Ты мне нужен срочно на сегодняшнюю ночь. Операция... Серьезная... И возьми с собой Сафарбека... Не понял... Что? Так... А Сафарбек? А остальные из вашей пятерки? Понял... Каждый выбирает свое... Не буду тебя уговаривать. Мне просто жаль тебя... Ладно... Тогда передай нам свое оружие. Что? Ты в бабу превратился... Прощай и надеюсь больше не встретиться... Забудь мое имя...

Отключившись от разговора, Хамзат опустил трубку.

– Что? – спросил Таймасхан.

– Пятерки Мансура больше не существует. Они все добровольно сдали оружие и забыли, что умели стрелять. Мансур говорит, почти все, кого он знал, поступили так же...

– Стареют, – сказал Таймасхан. – Сразу после двадцати начинают стареть... Где будем оружие брать?

– Есть у меня один человек. Посиди, я схожу. Это недалеко. Вернусь через полчаса... Только время идет... Торопиться надо...

* * *

– Значит, они и без оружия, – сказал Андрей Вячеславович. – Ну, оружие-то они в

¹¹ ВУС – военно-учетная специальность.

Грозном найдут. Здесь с этим проблем не бывает... Но без подкрепления им будет трудно. Придется, наверное, нам помогать...

– Хамзат уходит. Покинул дом. Таймасхан остался, – сообщил подполковник Решетников.

– Отслеживайте. Я к своим спущусь. Проверю боеготовность. И посоветуюсь...

Он спустился с мансарды на второй этаж, где сидела группа.

– Как настроение? – поинтересовался.

– Боевое, товарищ подполковник, – за всех отозвался старший лейтенант Разумов.

– И хорошо... Для тебя, Коля, персональное задание. Бери двоих и поднимайся ко мне.

Буду пальцем тыкать и показывать. Впрочем, всем, кроме шифровальщика, подняться, чтобы визуально познакомиться с обстановкой.

Андрей Вячеславович двинулся к себе на мансарду, группа сразу поспешила за ним. Собрались у незакрытого участка крыши, откуда открывался вид на дом и двор Гилани Гирмасолатовича. Подполковник поднял бинокль, чтобы предварительно еще раз осмотреть все самому. Из бойцов группы только снайпер поднял винтовку с ночным прицелом. Тоже изучал ландшафт.

– Разумов... Коля, смотри... Два часовых открыты. Подозреваю, должен быть третий, но он по ту сторону дома... – Андрей Вячеславович передал бинокль старшему лейтенанту. – По команде тихо, без звука, снимаете часовых. Группы спрятать. Будем чистить дорогу своим друзьям...

– Они что, сами не вычистят? – спросил один из офицеров.

– Они остались без поддержки. Им отказали. Сейчас пытаются найти оружие. Но они, я думаю, пойдут в любом случае. Даже без оружия...

– Еще часовой в чердачном окне, – сообщил снайпер. – Окно открыто, часовой дремлет.

– Плохо. К этому не подобраться...

– Для меня работа. Мне не нужно в дом входить.

– А если их там двое? Второго просто не видно. И сразу поднимется тревога...

Снайпер плечами пожал.

– Ладно, других вариантов все равно нет.

– Андрей Вячеславович, Хамзат звонит Таймасхану, – сообщил подполковник Решетников.

Оставив офицеров рассматривать двор через бинокль с тепловизором, который переходил из рук в руки, Судоплатов подошел к монитору.

– Включаю...

Громкоговорители ноутбука работали чисто, без треска и хрипа, но прослушиваемые трубки, кажется, слегка фонили, и потому голоса искажались.

– Таймасхан, я нашел, – сообщил Хамзат. – Только два, тебе и мне... И по одной обойме на каждого...

– Мне еще один нужен. Я не люблю, когда одна рука пустует. Это мне прицел сбивает.

– У меня пока нет вариантов. И нет времени на поиски... Выходи к дому Гилани.

Встретимся на южном углу. Я там буду через пятнадцать минут.

– Не торопись. Я только через полчаса доберусь.

– Хорошо. Через полчаса... Я пока позвоню нашему другу. И с Джамбулатом попробую поговорить. Надо как-то предупредить его.

Разговор прервался.

– Коля! Разумов... Бери двоих... Часовых снять... Снайпер страхует часового на чердаке. Если проснется, это его вина. Времени на работу отводится не больше пятнадцати минут. Через полчаса Хамзат с Таймасханом встречаются. До этого Хамзат будет звонить Джамбулату. Тот наверняка пожелает посмотреть в окно. Под окнами не светиться. Минут за пятнадцать до встречи Джамбулат может и сам в окно выглянуть...

– Отработаем, что дальше? – уточнил Разумов.

– Маскируетесь на месте. Как только Хамзат с Таймасханом войдут в дом, мы все присоединяемся к вам...

– Понял. Разрешите выполнять?

– Проверь средства связи и... гони. По выполнению докладывать...

В качестве средств связи группа использовала привычные спецназу ГРУ миниатюрные коротковолновые радиостанции «подснежник». Маленький микрофон на гибком поводке крепился к воротнику, а наушник прятался в ухо. На сравнительно небольшой дистанции «подснежник» работал безотказно.

* * *

– Я передал Джамбулату трубку, как ты и просил, и не мешай мне спать, – нарочито проворчал Гилани Гирмасолатович. – Звони ему напрямую и болтай с ним хоть всю ночь.

– Спать будешь утром, когда мы будем в самолете, – бодро сказал Хамзат. – Лучше расскажи что-нибудь веселенькое, чтобы нам время скоротать...

– Веселиться будешь, когда вернешься, – почти угрожающе ответил Гилани Гирмасолатович. – Пока нет повода для веселья. А утром у меня столько дел, причем дел важных, которые решать следует с ясной головой, что мне выспаться необходимо. Я сейчас трубку отключу, так что ты не переживай, если ответа не будет...

– А повод-то, кажется, есть... И очень даже, мне кажется, веселенький... Я сейчас в аэропорту на верхнем ярусе, а внизу Таймасхан гуляет. По отдельности мы внимания меньше привлекаем. К нему, вижу, менты, заразы, прицепились. Документы проверяют...

– С документами у него... – обеспокоился было Гилани Гирмасолатович.

– Все чисто. У него паспорт гражданина Бахрейна. Едва ли придерутся, однако все равно неприятно. Нет... Отстали... Даже сумку не досматривали. Любят у нас менты иностранцев.

Хамзат умышленно отвлекал внимание Гилани Гирмасолатовича несуществующими подробностями пребывания в аэропорту, чтобы у того не возникло сомнения относительно их намерений. Маскировка, кажется, работала.

– А у тебя чей паспорт?

– Точно такой же. Мы вместе получали, причем официально... По-арабски мы разговариваем, конечно, хуже, чем по-русски, но русским этого не понять. Мы с ними говорим по-арабски, и они считают, что мы говорим чисто. Ну, ладно, позвоню эмиру. Проси Аллаха, чтобы он на тебя не начал жаловаться. А то нам недолго сдать билеты...

– Попутного ветра...

Гилани Гирмасолатович спросонья явно спутал воздушный перелет с морской прогулкой. Впрочем, он мог и не знать, что самолеты, если они вообще с ветром считаются, лучше летят как раз против ветра.

* * *

Подполковник Судоплатов, что называется, одним ухом слушал разговор Хамзата с Гилани Гирмасолатовичем и, одновременно, наблюдал за двором последнего. Если бы не бинокль с тепловизором, увидеть вообще ничего не удалось бы. Второе ухо при этом прислушивалось к происходящему на улице.

Но оттуда посторонних звуков не доносилось. Если бы они доносились, то, вернувшись в расположение бригады, подполковник начал бы «гонять» офицеров, занятых в операции. Они должны уметь работать без звука. И они так работали. О выстрелах речи вообще не шло, помимо огнестрельного оружия есть множество других способов уничтожения противника. Кто-то предпочитал боевой нож, кто-то малую саперную лопатку, кто-то кастет, кто-то метательные ножи, причем значительная часть этого оружия, вполне нормального в боевой экипировке, не считалась штатным вооружением спецназовца ни одной страны. Так,

например, кастет официально стоял на вооружении только отдельных отрядов «СС» в Германии времен Второй мировой войны. Малую саперную лопатку начали использовать в качестве оружия как раз в спецназе ГРУ, где была разработана целая теоретическая база по этому вопросу и появились свои инструкторы по фехтованию лопаткой. Там же, во времена афганской войны, появились на вооружении «стрелки». Модифицированные дротики от игры «дартс», с более серьезным наконечником и соответствующим оперением, способны были без звука поразить часового на десятиметровой дистанции. Каждый офицер имеет свои привязанности и каждый пользуется своими методами. На нарушение штатного вооружения в спецназе смотрят сквозь пальцы. И потому подполковник Судоплатов даже не интересовался, кто и как будет снимать охрану. Тепловизор позволял ему видеть только момент приближения к противнику. Дальше следовал удар и все... Андрей Вячеславович прекрасно видел, как два охранника были благополучно сняты с постов. Третьего взял на себя сам старший лейтенант Разумов. Он и доложил:

- «Казак», я – «Енисей». Сделали. Тела спрятали...
- Не высовываться под окна. Сами прячьтесь. Решетников! Где Хамзат с Таймасханом?
- Сближаются.
- Продолжайте следить...

* * *

– Эмир, я не разбудил вас?
– Нет, Хамзат, мне не спится... Как у вас дела?
– Готовы к работе... Таймасхан в одной стороне гуляет, я в другой. Идем на сближение... Утром прощально взмахнем крыльями и...
– Хорошо бы улететь отсюда подальше, – сказал Джамбулат.

Он прекрасно понял, что «взмахнуть крыльями» придется и ему. Тот же, кто прослушивает разговор, должен понять совсем другое.

- Как там у вас, не прохладно?
- Погода хорошая. А сегодня еще и луна красивая, чистая...
- Это было уже явным приглашением посмотреть в окно.
- Погулял бы и я с вами, да сижу под запором.
- Ничего, эмир... Недолго ждать осталось. Мы быстро прибудем.
- Я вас жду. Привет Таймасхану.
- До встречи, эмир...

Для самого Джамбулата этот разговор был предельно ясен. И хотя спать он собирался раздетым, сейчас быстро оделся и подошел к окну. Его открыть можно, хотя выпрыгнуть из него трудно. Ноги переломает. Но хотя бы показать, в какой комнате он находится, таким способом можно.

И Джамбулат открыл окно...

* * *

Хамзат издали увидел Таймасхана. Тот шел деловой походкой спешащего человека. Встретились они на углу, как и договаривались, при этом, как обычно, каждый контролировал пространство за спиной товарища. Но спокойная улица в этот ночной час была свободной от прохожих.

Хамзат без разговоров протянул Таймасхану пистолет с глушителем. Тот передернул затвор, досылая патрон в патронник, и поставил оружие на предохранитель.

- С этого угла пойдем?
- Здесь проще. Главное, чтобы во дворе не было охранника. Не хочется стрелять раньше времени. Тогда придется целый бой выдерживать.
- Джамбулат, – подсказал Хамзат.

– Что? – не понял Таймасхан.

– Луной любоваться должен...

Хамзат показал рукой на дорогу, где они при свете все той же чистой луны были бы видны из окон дома. Вышли туда. Окно на верхнем этаже было открыто. Джамбулат высунулся и помахал рукой. Таймасхан с Хамзатом ответили тем же. Эмир тут же показал на тот самый угол, где они и намеревались перебраться через забор. Ждать не стали и сразу принялись за дело. Дерево, растущее в газоне, тянуло поперечные ветви над тротуаром к забору. Не сложный путь для ловких и сильных людей. С ветки легко перебраться на плоскую крышу гаража. Там, осмотрев двор и не увидев ничего подозрительного, Хамзат с Таймасханом обменялись знаками, кто в какую сторону идет обходить дом. Спрыгнули на бетон двора и сразу разошлись. Встретились перед задней застекленной дверью, выходящей в сад. Попробовали, дверь оказалась запертой. Но Хамзат имел большой опыт работы со стеклами. Циркуль с присоской и алмазным резцом справился с работой в секунды. Ключ торчал с другой стороны двери, и осталось только повернуть его. И все...

Таймасхан уже почувствовал близость отца...

* * *

Свет пробивался из-под двери комнаты на первом этаже. Таймасхан чуть-чуть приоткрыл дверь. Лицом к двери с закрытыми глазами сидел за столом человек. Перед ним лежала трубка. Должно быть, это был тот, что прослушивал разговоры Джамбулата. Когда дверь распахнулась, человек открыл глаза и рот, но крикнуть не успел, потому что два наведенных на него ствола молчали недолго. Выстрелы раздались одновременно. Хамзат стрелял в грудь, Таймасхан, как обычно, в голову. Свет в комнате выключили...

Рядом с парадной дверью в креслах спали два охранника. Выстрелы из пистолетов с глушителем, раздавшиеся совсем неподалеку, не потревожили их сон. Охранников будить не стали, потому что во сне умирать всегда легче.

Лестница вывела на второй этаж, где располагался кабинет Гилани Гирмасолатовича и две спальни. Неизвестно было, с женой он приехал или один. Хамзат с Таймасханом не любили воевать с женщинами, но все же сначала заглянули в одну спальню, потом в другую. Там никого не оказалось, несмотря на то, что Гилани Гирмасолатович говорил недавно Хамзату, что спит.

У двери кабинета они остановились, переглянулись, кивнули друг другу и после этого Хамзат распахнул дверь, а Таймасхан вошел с поднятым пистолетом. На столе стояла включенная настольная лампа, лежали разложенные бумаги, но самого хозяина дома не было и здесь.

– Наверху только две комнаты, – прошептал Таймасхан. – В одной отец...

Хамзат кивнул и первым двинулся по лестнице на мансардный этаж. Лестница была крута, но они преодолевали ее, шагая через три ступени. Но на темной лестничной площадке остановились, прислушались. Откуда-то из коридора доносился разговор. Хамзат хотел было выглянуть, но Таймасхан остановил его и взял у товарища пистолет. Так, с пистолетом в каждой из вытянутых рук, Таймасхан и вошел в коридор. Вошел стремительно, зная, что успеет среагировать, как всегда бывало, первым. В трех метрах перед ним стояли два охранника. Выстрелы раздались, когда дистанция сократилась уже до метра. Оба выстрела в голову, но тела упасть не успели, когда Хамзат с Таймасханом подхватили их и без звука положили на пол.

Только после этого Таймасхан приложил ухо к двери и чуть-чуть, на какие-то миллиметры, приоткрыл ее. Этого хватило, чтобы услышать разговор.

– Ты глуп, Джамбулат. Ну, спрыгнешь ты, предположим. Переломаеть ноги... И что? Тебя принесут в эту же комнату и лежать ты здесь будешь уже долго...

– Кто тебе сказал, что я думал прыгать, – усмехнулся Джамбулат.

– Только не говори, что в комнате душно, и ты просто проветривал ее.

– Я и не говорю. Но прыгать я не собирался. В крайней случае, я предпочел бы выбраться из окна на крышу и спуститься по ней...

– И попасть в руки наружной охране. Тоже не умно, не стоит игра свеч...

– У тебя и снаружи охрана?

– А как без этого? Я человек государственный... У меня и снаружи, и внутри, и здесь двое, и в коридоре за дверью двое. Меня охраняют хорошо...

– Плохо, – сказал Джамбулат. – Еще в своем доме я увидел, что твоя охрана ни на что не годится. Я бы один с ней справился, если бы ждал от тебя подлости. Но я тебе доверился, и оказалось, что напрасно... А ты доверился охране, и тоже оказалось, что напрасно...

Последние слова были произнесены уже тогда, когда Таймасхан приоткрыл дверь чуть шире и отец увидел его. Но не видел ни Гилани Гирмасолатович, ни охранники, стоящие за его спиной.

Таймасхан сделал шаг и сразу выстрелил с обеих рук. Охранники не те люди, которым следует смотреть перед выстрелом в глаза. Вот в глаза объекту охраны посмотреть интересно.

Гилани Гирмасолатович оборачивался медленно, величаво и, одновременно с поворотом, искажалось его лицо, превращаясь из значимого, властного в испуганное.

– Я же, кажется, говорил тебе, что тебя «заказали», сказал Таймасхан.

– Говорил, хрипло прошептал Гилани Гирмасолатович. – Кто?...

– Я! – сказал Джамбулат. – И еще я не люблю театральщины. И потому разговаривать с тобой не буду. Стреляй, сын...

Таймасхан выстрелил сразу из двух пистолетов.

– Вот у этого лакея, – показал Джамбулат на одного из охранников, – ключи от машины...

* * *

По лестнице спускались бегом. В креслах у входной двери лежали убитые охранники. На пальце одного из них висел ключ. Хамзат снял этот ключ и быстро открыл дверь. Он распахнул ее, выпуская Таймасхана и Джамбулата, и даже сам успел сделать шаг, когда почувствовал, что падает. А на него упали отец с сыном. Хамзат удержался на ногах, но тут же в спину ему уткнулся ствол пистолета, а потом чьи-то руки захватили его руки, загнули за спину и щелкнули наручники. Точно такие же щелчки раздались рядом, и Хамзат увидел, что Джамбулат с Таймасханом находятся точно в таком же положении, как он. Только у Джамбулата еще было разбито ударом лицо, и кровь заливала глаза.

Пленников вывели на крыльцо и поставили прямо. Откуда-то со стороны подошел человек, чья фигура всем троиим показалась отдаленно знакомой.

– Отработали, ребята? Спасибо...

– Подполковник... – хрипло и с ненавистью прошептал Таймасхан. – Ты...

– Я... А теперь давайте дождемся, когда приедет машина местного ФСБ. Я уже вызвал ее. Не знаю, что грозит Джамбулату, но эти двое... Им пожизненное точно светит... Убийство депутата... Это не шутка...

– Он сам убийца, – сказал Хамзат.

– В суде это доказать было бы невозможно, – улыбнулся Андрей Вячеславович. – Но теперь и доказывать необходимости не видится. Еще раз вам спасибо...